

Люси Доусон

Люси Доусон

Что сделала
моя лучшая
подруга

Что сделала
моя лучшая подруга

Annotation

Вечные поиски работы, свадебные торжества у друзей, праздники по заведенной программе... Для внештатного фотографа Элис Джонстон жизнь тянется размеренно и тягуче. Даже постоянный бойфренд и тот ей уже порядком надоел. И вдруг в ее жизнь врывается Гретхен. И мир преобразается, словно в калейдоскопе. Новые знакомства, новые романтические отношения... Но Элис еще не знает, что у ее подруги есть тайна, которая, как бомба замедленного действия, грозит омрачить тот праздник, который, казалось бы, не кончится теперь никогда...

Впервые на русском новая книга Люси Доусон, автора романа «Его другая любовь», одного из самых ярких литературных дебютов последних лет.

-
- [Люси Доусон](#)
 -
 - [Что сделала моя лучшая подруга](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

Люси Доусон

Люси Доусон

Что сделала
моя лучшая
подруга

Описание непростых взаимоотношений между женщиной и женщиной, резкие сюжетные повороты — вот что выделяет этот роман из общего потока любовной прозы.

Telegraph

Это автор, которого непременно стоит взять на заметку.
У нее очень перспективное будущее.

Lancashire Evening Post

Что сделала моя лучшая подруга

Глава 1

— Вы можете сказать мне, что случилось, Элис? — произносит спокойный голос на другом конце телефонного провода.

Сердце у меня бешено колотится, прямо-таки плющится о грудную клетку, мне трудно дышать. «Тук, тук», — отдается в ушах.

— Это моя лучшая подруга, — выдыхаю я в трубку, и голос у меня от страха невольно становится писклявым. — Кажется, она пыталась покончить с собой.

Я смотрю на разбитую бутылку от виски у ног Гретхен, на осколки стекла вперемешку с разбросанными таблетками.

— Пожалуйста, ей нужна помощь!

Я еще что-то соображаю. Диктую адрес, а затем непослушными, одеревеневшими пальцами, которыми несколько секунд назад едва сумела набрать «999», с трудом засовываю телефон в держатель, висящий на стене. А потом остаемся лишь мы — я и Гретхен, в тишине ее гостиной. Еще не слишком поздно, и люди в соседних квартирах и домах только-только возвращаются домой с работы. Они устало сбрасывают туфли, ставят на плиту кастрюли и сковородки... а здесь не слышно ни звука. Царит жуткое, гнетущее безмолвие. Ни телевизора, ни радио, никаких признаков жизни.

Я отступаю назад, не отрывая взгляда от Гретхен, а когда чувствую спиной стену, сползаю на пол. Я слышу свое хриплое дыхание и пытаюсь дышать ровнее.

Гретхен сидит не в своей обычной развязной позе, она примостилась в углу, где сходятся две стены. Одна ее нога согнута в колене, голова упала на грудь, рука неестественно вытянута. Вид у нее такой, будто она слишком много выпила и не удержалась на ногах.

В воздухе — липкий, противный запах спиртного. Около ног Гретхен — темная лужица, усыпанная маленькими белыми таблетками, похожими на конфетти. Я не вижу лица подруги, оно занавешено длинными волнистыми светлыми волосами. Она молчит и не двигается. Я не понимаю, то ли она без сознания, то ли — о боже! — мертва. Меня мутит, зубы выбивают дробь. Я должна что-то сделать. Надо бы, наверное, положить ее так, чтобы ей было легче дышать, но я совершенно не могу вспомнить, какое положение будет правильным. Кроме того, мне страшно

к ней прикоснуться. Она похожа на плакат о вреде героина, который нам показывали, когда я училась в шестом классе, — но только девушку, изображенную на том плакате, нашли через три дня после того, как она умерла от передозировки.

Я подтягиваю колени к груди, крепко зажмуриваюсь и представляю себе, как «неотложка» спешит к нам на помощь и водители машин и мотоциклисты спешно сворачивают на автобусную полосу. Я чувствую, что начинаю раскачиваться вперед и назад, но ничего не могу с собой поделать.

Проходит, как мне кажется, целая вечность, и наконец я слышу вдалеке вой сирены. Он звучит все ближе и ближе. А потом на стене над головой Гретхен начинают мигать пятна голубого света.

Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть, хотя я так ждала этого звонка. Я неуклюже поднимаюсь и бросаюсь через комнату. Из динамика домофона звучит мужской голос, называет мое имя. Я нажимаю кнопку и быстро говорю:

— Третий этаж. Мы здесь!

Вешаю трубку и открываю дверь квартиры. И тут же слышу топот на железной лестнице. Ну вот они наконец. Мужчина и женщина, оба старше меня, в зеленой медицинской форме. Они быстро проходят в комнату, склоняются над Гретхен и принимаются за дело. Я ощущаю невероятное облегчение, но на меня тут же градом сыплются вопросы.

— Элис, вы не знаете — она приняла все эти таблетки?

— Элис, она раньше совершала что-нибудь подобное?

Я понимаю, зачем они это делают — называют меня по имени. Пытаются поддержать мою связь с реальностью, а я пытаюсь им помочь. Я говорю им все, что могу.

А потом мы оказываемся в «неотложке». За рулем — женщина, и это меня удивляет, хотя я сама не знаю, почему это должно меня так удивлять, а мужчина тихо сидит около головы Гретхен и поправляет какую-то трубочку. Я придерживаюсь одной рукой за стенку и стараюсь не соскользнуть с сиденья. А еще я пытаюсь не смотреть на тело Гретхен, пристегнутое ремнями к носилкам, которые раскачиваются в такт рывкам «неотложки», с воем сирены пробирающейся сквозь запруженную машинами улицу.

У меня начинают дрожать пальцы. Вдруг в тесной машине, набитой всякими приборами и проводами, становится жутко жарко. Я хватаю ртом воздух, и врач с беспокойством смотрит на меня. Кажется, он сказал, что его зовут Джо... не могу вспомнить.

— Все хорошо, Элис, — подбадривает он меня. — Мы уже почти на

месте.

Наверное, это и называется «шок».

— Так значит, Гретхен — ваша лучшая подруга? — громко спрашивает врач, перекрывая вой сирены. спрашивает таким тоном, будто мы с ним болтаем у стойки в баре. — Школьная подруга? Университетская?

— Э-э... — Я пытаюсь прийти в себя. — Нет, мы знакомы по работе.

Я думаю о Лос-Анджелесе. Вспоминаю, как мы, хохоча, словно ненормальные, идем по Скай-бару, взявшись за руки. Гретхен радостно шепчет мне: «Это стоит увидеть!»

— Чем вы занимаетесь? — спрашивает врач.

— Я фотограф.

— Так значит, Гретхен с вами работает?

Черт, какое это имеет значение?

— Нет, но я с ней познакомилась по работе, — отвечаю я, пытаюсь быть вежливой, и невольно бросаю взгляд на Гретхен, пристегнутую к носилкам.

«Неотложка», похоже, замедляет ход и начинает дергаться из стороны в сторону — наверное, мы лавируем между плотно едущими машинами. А потом неожиданно снова устремляемся вперед на большой скорости. Я сдвигаюсь влево. Гретхен лежит совершенно неподвижно, а каталка съезжает в сторону и на дюйм приближается ко мне. Если каталка качнется сильнее на такой скорости, она придавит меня к стенке.

— О! — вскрикивает врач и придерживает каталку рукой.

«Неотложка» замедляет ход и останавливается. Распахиваются дверцы, в кабину влетает холодный январский воздух, ударяет по лицу, будто пощечина. Но мне становится лучше. Я вижу похожие на огромную открытую пасть распахнутые двери приемного покоя, вижу медсестер, смотрящих на нас снизу вверх. Я сижу неподвижно. Выносят Гретхен, потом я неловко выбираюсь из машины.

Каталку провозят под пристальными взглядами скучающих, удрученных людей с растяжением лодыжек и прочими легкими травмами. Наверняка они сидят здесь часами, обреченные листать истрепанные женские журналы, со всеми этими письмами читательниц про «восхитительные» способности внучат, советами насчет выведения пятен с шелковой блузки, образцами вязок и рецептами обезжиренных чизкейков. Я неуверенно иду следом за каталкой, потом чувствую, как кто-то мягко, но решительно берет меня за руку и отводит в сторону. Гретхен увозят, двери захлопываются, но через стеклянные окошечки я вижу головы медиков, торопливо снующих по палате.

— Элис? — обращается ко мне медсестра. — Можете пойти со мной? Нам нужны кое-какие сведения.

Она отводит меня в маленькую комнату, где есть стул, стол и раковина, над которой висит табличка: «ПОЖАЛУЙСТА, МОЙТЕ РУКИ». Она расспрашивает меня о ближайших родственниках Гретхен и интересуется, кому из них можно позвонить.

— Э-э... Ее брат, Бэйли... мой бойфренд, Том, — произношу я автоматически, не задумываясь, но тут же соображаю, что на самом деле это уже не так и надо бы сказать «бывший бойфренд», но я упустила момент.

— Бэйли сейчас в Мадриде — в аэропорту. Был там, по крайней мере. Он мне оттуда звонил. Просил навестить Гретхен. Том уехал по работе в Бат...

— У вас есть телефон Бэйли? — спрашивает медсестра.

Я начинаю перебирать в уме номера телефонов.

— У него рабочий мобильный. Правда, он часто его выключает. Ноль семь девять... нет, не так... Ноль семь восемь семь... Простите, не могу сосредоточиться. Не могу...

— Не спешите, подумайте, — терпеливо говорит медсестра.

Наконец я вспоминаю номер. Медсестра записывает его, отрывает взгляд от блокнота и спрашивает:

— А как насчет номера Тома?

— Ноль семь... — начинаю я, но не договариваю. — Скажите, а могу я сама ему позвонить? Это ничего?

— Конечно, — кивает медсестра. — А не знаете ли вы, как нам связаться с родителями Гретхен?

Я качаю головой.

— У нее с родителями непростые отношения. С Бэйли она...

Медсестра меня прерывает.

— Родителям обязательно нужно позвонить, — мягко настаивает она, и тут до меня доходит, что она хочет сказать, хотя и не произносит этого.

— Я не знаю их номера, — уныло отвечаю я. — Я с ними вообще не знакома! А где Гретхен? Что с ней?

— Она в реанимации, — успокаивает меня медсестра. — Я сейчас передам эти сведения и сразу вернусь. Через секунду.

Оставшись одна, я беру сумочку и достаю из нее мобильник, но вижу, что сеть тут не ловится. К тому же я не уверена, можно ли в больнице пользоваться телефоном. Я сую мобильник в сумочку. Придется подождать возвращения медсестры. Я смотрю в упор на табличку «ПОЖАЛУЙСТА,

МОЙТЕ РУКИ» и стараюсь не впасть в панику.

Медсестра вскоре возвращается. Бэйли нашли в аэропорту перед отлетом в Лондон. Мобильник у него оказался включенным, но батарейка почти совсем разрядилась, и телефон, видимо, отрубился через считанные секунды после того, как медсестра успела сказать ему, что я нахожусь здесь с Гретхен и как называется больница. Я представляю себе, как он сидит, одинокий и напуганный, на жутко неудобном кресле в зале ожидания, и ничего не может сделать, чтобы не ждать так долго... а может быть, он уже садится в самолет.

Я спрашиваю, можно ли мне позвонить Тому с моего мобильного, но она качает головой.

— К сожалению, звонить можно только на улице, — произносит она.

Я говорю ей, что сразу вернусь, и решительным шагом выхожу из приемного покоя на автостоянку. Снаружи холодно и темно, как всегда бывает январскими ночами. Я непроизвольно поеживаюсь, потому что одета довольно легко — на мне спортивные брюки и не слишком теплая куртка. Одной рукой я нажимаю на кнопки, нахожу номер Тома и жду ответа. С моих губ слетают облачка пара. Другой рукой я обхватываю себя и засовываю пальцы в рукав, чтобы согреться.

Я попадаю на голосовую почту. Либо у него выключен телефон, либо он поместил мой номер в черный список.

— Привет, это я, — произношу я после гудка. Голос у меня дрожит. — Том, я в больнице с Гретхен. Тебе нужно сюда приехать. Мы в приемном покое. Я должна срочно вернуться туда, а внутри мобильник включать не разрешают, так что ты не сможешь мне перезвонить — но, пожалуйста, приезжай как можно скорее...

Я диктую адрес и замолкаю. Правильно ли я все сказала? Может быть, нужно было рассказать ему, что произошло? Или лучше пусть он поменьше знает, пока не доберется сюда? Я не хочу, чтобы он гнал машину как сумасшедший, словно наперегонки со смертью. Еще расшибется, чего доброго. Я вдруг понимаю, почему такие звонки поручают обученным больничным специалистам. Я жду несколько секунд — ровно столько, сколько Тому потребуется, чтобы получить голосовое сообщение, но он не перезванивает сразу, поэтому я очень неохотно отключаю мобильник и возвращаюсь.

Через сорок минут мне сообщают, что Том позвонил в больницу и он уже в пути. К девяти часам вечера Гретхен перевели в палату интенсивной терапии — ПИТ, как они это называют. Она по-прежнему без сознания, но мне передают, что Бэйли попросил меня посидеть с ней. Около Гретхен

деловито суетятся три медсестры, переговариваются на своем профессиональном языке, непонятном для меня. Время от времени звучат слова вроде «отсасыватель», «капельницы», «концентрация», «давление падает».

Я сажусь как можно дальше от больничной кровати и начинаю беззвучно произносить имя Гретхен, словно мантру, чтобы навести хоть какой-то порядок во взбудораженном мозгу. Произнося это имя, я представляю себе маленькую куколку с локонами, обрамляющими фарфоровое личико, с глазками, которые не закрываются даже тогда, когда она лежит. Гретхен, распростертая на кровати, подключенная ко всем этим аппаратам, проводам и трубочкам, сейчас и вправду выглядит такой хрупкой... В тишине слышно, как негромко попискивают приборы.

Кожа у Гретхен словно восковая, она бледна, ни намек на румянец. Она больше похожа на Коппелию^[1], чем на игрушку для маленькой девочки, лежащую в мастерской и ожидающую, когда ее оживят. На настоящую девушку в полный рост, с кремовой кожей, которая вот-вот сядет на кровати и сбросит с себя одеяло. Но ее веки не поднимаются, она не вздрагивает, ее губы приоткрыты, в них зажата трубка, с помощью которой кислород попадает в ее обожженную глотку. Вдруг она представляется мне надувной куклой, которую заставили заниматься извращенным сексом.

Я смотрю на ее руки. Большие пальцы, указательные, безымянные... С маленькими, аккуратными, ровно подстриженными ногтями. Ее длинные распущенные волосы зачесаны назад. Я знаю, она бы жутко разозлилась, увидев себя в таком виде. Гретхен предпочла бы, чтобы ее волосы живописно разметались по подушке. Уж она бы устроила в такой ситуации целое театральное представление. Правда, вид у нее и так неземной. Красота Гретхен такова, что ее не испортить ни тусклыми волосами, ни отсутствием косметики.

Есть одна картина. Кажется, я видела ее в Национальной галерее. Девушка лежит на плоту, и этот плот плывет вниз по течению к месту погребения. Девушка заледенелыми пальцами прижимает к груди бледно-розовые цветы. Ее волнистые светлые волосы струятся, будто речные водоросли, прозрачное зеленое платье свешивается за края плота и тянется за ним, просвечивая сквозь поверхность чуть кольшущейся воды. Вот как сейчас выглядит Гретхен.

Я с ужасом ловлю себя на мысли о том, так ли она будет выглядеть мертвой, или в решающее мгновение что-то маленьким облачком выскользнет из нее — почти невидимое. Устремится к потолку и начнет

путь к тому раю, в какой верит Гретхен. Я чувствую, как глаза застилают слезы, меня снова начинает слегка знобить. Одна из медсестер с любопытством смотрит на меня. Я ухитряюсь испуганно и жалко улыбнуться. Она сочувственно улыбается в ответ. Я гадаю: сумела ли она все прочесть по моему лицу. Вряд ли. Она отворачивается и продолжает что-то записывать. Слышно только ритмичное попискивание приборов, помогающих Гретхен дышать. Кажется, все под контролем.

Вот только из головы у меня не выходит одна мысль, как я ни пытаюсь отделаться от нее, утопить ее под водой. Ничего не получается. Мысль не покидает меня.

«Пожалуйста, не просыпайся, пожалуйста, не просыпайся, пожалуйста, не просыпайся».

Глава 2

Я вздрагиваю, когда одна из медсестер прерывает эту жуткую мысль и доброжелательно говорит:

— Можете сесть с ней рядом и взять ее за руку, если хотите. Это не возбраняется. И поговорить с ней тоже можно.

Я судорожно мотаю головой, краем глаза замечая, как две медсестры выскальзывают из палаты.

— Я не буду слушать, — обещает оставшаяся медсестра с честной улыбкой. На вид она нашего возраста — лет двадцать девять или около того.

— Я в порядке, спасибо, — выдавливаю я.

Медсестра понимающе улыбается.

— Ну, если передумаете, то пожалуйста. Понимаю, это выглядит диковато. Но очень многие люди говорят с пациентами, когда те без сознания. Мы привыкли. Извините, мы очень торопились, и не было времени толком объяснить вам, что мы делали и что происходит. — Она садится рядом со мной. — Я не могу слишком много рассказывать вам, Элис, поскольку вы не близкая родственница Гретхен, поэтому в подробности я вас сейчас посвящать не буду. Надеюсь, вы понимаете, что она все еще без сознания.

— А она скоро придет в себя, как вы думаете? — встревоженно спрашиваю я.

— Гретхен сейчас в глубоком бессознательном состоянии, — мягко произносит медсестра. — Она не реагирует на окружающее. Это не то же самое, что сон, поэтому мы не можем ее разбудить. Один из симптомов тяжелой передозировки лекарств, которые вы нашли около нее, — кома.

— Она в коме? — с ужасом повторяю я, резко поворачиваюсь и смотрю на Гретхен.

Для меня «кома» означает, что пациент вот так лежит дни за днями, подвешенный между жизнью и смертью, а еще так бывает в дешевых больничных телесериалах: кому-то нужно принять страшное решение — отключить аппаратуру, поддерживающую жизнь коматозника, или ждать неизвестно сколько времени, может быть — целую вечность. Но ведь здесь все не так?

— А долго она пробудет в коме?

— Не знаю, — отвечает медсестра. — Слишком рано судить.

— Так вы поэтому сказали, чтобы я говорила с ней? — догадываюсь я и в поисках подтверждения своей мысли смотрю на медсестру. — Она может услышать меня? Она может понять, что я здесь?

Сестра немного растеряна. Я чувствую, как осторожно она подбирает слова, чтобы не обнадеживать меня понапрасну.

— В некоторых исследованиях подтверждается, что коматозные пациенты, когда приходили в себя, пересказывали услышанные ими разговоры.

Вот черт.

Я поворачиваюсь к Гретхен и смотрю на нее. Как-то раз в начальной школе нас водили в поход, и я притворялась спящей, чтобы услышать, о чем говорят другие. На самом деле никто не говорил ничего интересного — так, пустяки вроде «я съем ее печенье». Конечно, мне вовсе не кажется, будто Гретхен сейчас делает что-то подобное — притворяется и подслушивает нас. Но при мысли о том, что за сомкнутыми веками моей подруги работает мозг, осознающий все, что происходит в этой маленькой комнате, у меня холодеет кровь. Если я предам ее, если выболтаю ее секреты, она узнает об этом.

— Если захотите о чем-нибудь спросить меня, я буду здесь, — говорит медсестра.

Она встает и уходит в дальний угол палаты.

— Да, я и вправду хотела бы кое о чем спросить, — бормочу я. — Когда... если... она начнет приходить в себя, она просто откроет глаза?

Медсестра отвечает не сразу.

— Люди, находящиеся в коме, — говорит она, предусмотрительно обобщая и не упоминая имени Гретхен, — так не делают — разве что по телевизору такое могут показать. Когда они приходят в себя, то начинают понемногу двигаться — пытаются приподнять голову или пошевелить пальцами.

— А говорить они могут? Сразу?

Медсестра качает головой.

— Видите эту трубку у нее во рту?

Я киваю.

— Она помогает ей дышать, но говорить с этой трубкой во рту она не сможет.

— А писать сможет? — спрашиваю я и добавляю: — Когда очнется?

— О да. Она сможет общаться с нами. Это точно.

Медсестра пристально смотрит на меня.

— Я боюсь, что она в сознании, но парализована, — говорю я, но это неправда, и если Гретхен действительно слышит меня, то должна, по идее, насмешливо фыркнуть. Но на самом деле она не станет фыркать. Ей есть о чем подумать — к примеру, почему сорвались все ее тщательно продуманные планы — из-за меня. Мне кажется, я слышу, как она говорит: «Ты же обещала! Какая же ты после этого лучшая подруга?»

— Я недавно прочла книгу про одного француза, у которого был, как там написано, «синдром запертых дверей», — говорю я, пытаюсь сосредоточиться на звучании собственного голоса.

— Это не тот случай, — заверяет меня медсестра и, немного помолчав, добавляет: — Гретхен не сможет общаться с нами, пока не вернется в сознание. Состояние ее крайне тяжелое. Так, как показывают в кино, она не очнется. Мне очень жаль.

Мы обе молчим. Я снова смотрю на Гретхен. Опять у меня мокрые глаза. О, Гретх. Как, черт побери, мы тут оказались? Как это могло с нами случиться? Мне просто хочется, чтобы мы смеялись вместе, хохотали до упаду. Я даже слышу звук нашего смеха! Пожалуйста! Мне так хочется вернуть эти мгновения!

Я не могу сделать это. Могу только сидеть здесь, в палате, и притворяться. Потому что знаю, *знаю*, что мы обе натворили...

— Мне нужно выйти. Проверить сообщения, — говорю я, не в силах больше терпеть, и встаю так стремительно, что у меня чуть ноги не подкашиваются. — Может быть, Том звонил.

— Хорошо, — говорит медсестра и ободряюще улыбается.

Но я уже разворачиваюсь и выскакиваю в коридор. Потом почти бегом покидаю отделение интенсивной терапии и, выйдя в больничный коридор, вижу над одной из дверей табличку с надписью «Выход». Решительно толкаю створку двери и вздыхаю с облегчением, оказавшись на маленькой служебной автостоянке. Правда, я понятия не имею, где нахожусь относительно приемного покоя. Пошарив в сумке, нахожу мобильник, включаю. Есть три новых голосовых сообщения.

Первое — от Тома. Пришло через двадцать минут после того, как я ему позвонила. «Элис? Какого черта? Что случилось?» Его голос звучит грубовато, но я понимаю: он ужасно волнуется. «Что это значит — вы обе в больнице? Почему? Слушай, если получишь мое сообщение в ближайшие пять минут, перезвони мне, ладно?»

Следующее сообщение тоже от него, шесть минут спустя. «Это снова я. Я позвоню в больницу».

Третье — опять от него, через восемнадцать минут. Я слышу, как он кричит на фоне рева мотора машины. Видимо, он в пути. «Я еду, не паникуй, Элис. Все будет хорошо. Постараюсь приехать как можно скорее, обещаю. Я выехал из Бата — сколько это займет времени, не знаю. Но к счастью, пробки только на встречной полосе, так что надеюсь не застрять».

Я представляю, как он крепко стискивает руль одной рукой, а другой прижимает к уху мобильник, как он в своем деловом костюме гонит автомобиль по автостраде. Мне хочется заплакать от облегчения — он в пути, он едет сюда! У меня дрожит нижняя губа, опять наворачиваются слезы. Слава богу. Мне лучше только оттого, что я услышала его голос.

Том надежный человек, на него можно положиться. Он из тех, кому друзья звонят, когда нужен совет, как выгоднее продать машину, или когда требуется правильно заполнить налоговую декларацию, или когда необходимо переставить тяжелую мебель. Мой отец захотел, чтобы я вышла замуж за Тома, в ту же секунду, как только узнал, что у него есть полный набор инструментов, а главное — он знает, как с ними обращаться. В день нашего знакомства он починил мой протекающий кран. Господи...

«Ну вот», — сказал он, вылез из ванны и на пробу включил воду и выключил, держа в руке плоскогубцы, которые я ему дала, — единственный инструмент, который сумела разыскать в доме. Мы с Вик, моей соседкой по квартире, таращились на кран и ждали, что вода опять начнет капать — но она не закапала. Мы были в полном восторге.

«Так вы говорите, Том, — зашла издали Вик, — вы консультант по менеджменту — а похоже, это стабильная и неплохо оплачиваемая работа...»

Том сдержанно кивнул.

«Вы — друг моей подруги, а значит, вряд ли чокнутый, — продолжала рассуждать Вик. — Вы умеете чинить разные вещи...»

«Ты вообще хоть куда», — подумала я, глядя в его голубые глаза, возле которых под очками собрались морщинки, потому что он улыбнулся.

«Комната ваша, если захотите», — объявила Вик, для начала глянув на меня в поисках одобрения.

«Вот как? — рассмеялся Том. — А справки навести не желаете? Вообще-то следовало бы, — неожиданно серьезно сказал он. — Я могу оказаться кем угодно. То есть на самом деле я не кто угодно, но мог бы оказаться».

Но конечно, он оказался образцовым соседом, а как выяснилось десять месяцев спустя — образцовым бойфрендом.

В моей замерзшей, онемевшей руке звонит мобильник. Это он.

— Том? — поспешно отвечаю я. — Где ты?

— Сверн... Эм четыре... как идиот... но тут эстакада... проехал «Олимпию»^[2]... двадцать мин...

Связь такая ужасная, что я его почти не слышу, но, похоже, он все еще в машине.

— ...случилось? ...справочное больницы и я...

Потом связь прерывается окончательно. Я перезваниваю Тому и попадаю на голосовую почту. Но он сказал «двадцать минут» — я точно расслышала. Сжимая мобильник, как талисман, я пытаюсь вернуться в больницу через ту дверь, из которой вышла, но, оказывается, сделать это не так просто, потому что на ней кодовый замок.

Следующие десять минут я ускоренным шагом огибаю здание больницы, поглядывая на указатели, утверждающие, что таким путем я попаду к главному входу, но в действительности я иду по неосвещенным узким проходам между жутко темными, старыми краснокирпичными зданиями клиники. На окнах раздвинуты шторы, но за ними — пугающе пустые палаты. Я стараюсь не заглядывать в окна, прохожу мимо них как можно быстрее. Мне страшно увидеть призраков, беззвучно передвигающихся внутри, — бывших пациентов, которые умерли здесь и теперь навсегда привязаны к этому суровому викторианскому зданию. Меня начинает подташнивать от страха, который я сама на себя нагнала. Мне обязательно нужно услышать знакомый голос. И я звоню Френсис.

— Алло? — тихо отвечает старшая сестра.

— Это я. — Мой голос звучит неровно, но не только потому, что я быстро иду.

— О, привет, Эл. Слушай, ты уж меня прости, но время не очень подходящее. Я только что уложила Фредди. Он сегодня очень капризничает.

Я пытаюсь представить, как Френсис сидит в своей половинке двухквартирного дома. Шторы плотно занавешены, посуда вымыта, включен телевизор — все тихо и нормально.

— Да и связь ужасная, — добавляет сестра. — Ты как будто в аэродинамической трубе.

Я резко поворачиваю за угол, смотрю влево и чуть ли не теряю сознание от радости. О, слава богу — я вижу фасад больницы и вход в приемный покой. Я замедляю шаг и пытаюсь отдышаться, проходя мимо нескольких «неотложек». Но в следующее мгновение застываю от ужаса, потому что у одной из машин дико взывает сирена, начинает мигать проблесковый маячок. Машина быстро покидает стоянку и мчится кому-то

на помощь. Я даже не успеваю заметить водителя в темной кабине.

— Ты где? — спрашивает Френсис в этот момент.

Я делаю вдох.

— Я...

— О нет! — прерывает меня сестра. — Кажется, Фредди услышал. О господи, пожалуйста, пусть только он не просыпается! Не говори ничего, Элис! — шепчет она в трубку, и я послушно молчу, хотя могу только гадать, каким образом Фредди мог услышать сирену «неотложки» из динамика телефонной трубки — ведь он наверняка далеко от телефона. Он ребенок, а не летучая мышь.

— Все в порядке, — выдыхает в трубку Френсис. — Он спит. На самом деле я рада тебя слышать. Я никак не могу дозвониться маме. Ты не знаешь, где она? Я звонила домой, но она не берет трубку. Не могут же все куда-то уйти — в четверг вечером!

Я останавливаюсь. Я хорошо знаю, что по моему совету мама и папа привыкли отключать телефон на время завтрака, обеда и ужина на полчаса ради спокойствия, чтобы избавить себя от непрерывных звонков, связанных с уходом за младенцами. Наверное, они попросту забыли включить телефон.

— У Фредди небольшой жар, — сообщает Френсис. — Он на прошлой неделе очень кашлял, только-только поправился. Я думаю: может, у него воспаление легких начинается, а Адам еще на работе.

— Я понятия не имею, где может быть мама, — говорю я и вдруг заливаюсь слезами.

— Элис? Ты что, плачешь? Да что случилось?

— Я в больнице, и...

Что такое? Ты заболела? Поранилась? — резким тоном спрашивает Френсис, автоматически переходя в режим «старшая сестра».

— Нет, — начинаю я. — Со мной все хорошо, я...

Но она продолжает давить на меня.

— Ты не заболела? Ничего не сломала?

В этом вся Френсис. В школе у меня в классе было несколько крутых девчонок, которые время от времени на кого-нибудь наезжали. Окружали свою жертву в коридоре на переменах, так что многие боялись перерывов между уроками. Иногда они делали это во время ланча, когда учителя оставались в учительской — читали газеты, курили и сердито поглядывали на часы, стрелки которых во время уроков так медленно ползли по циферблату, а теперь вдруг бешено спешили вперед.

Моя очередь настала в тот день, когда я единственная получила «А»^[3]

по рисованию и учительница неосмотрительно тепло поздравила меня перед всем классом. Все наши крутяшки мгновенно зыркнули на меня — и я сразу поняла, что произойдет на перемене.

И конечно, они вшестером окружили меня в коридоре на верхнем этаже и принялись толкать и злобно подшучивать надо мной. Я молчала и смотрела себе под ноги, ведь если бы я хоть что-то сказала, стало бы еще хуже. Я видела, что они сделали с бедной Кэтрин Гиббонс, которая во время издевательств над ней храбро распевала «Палки и камни могут сломать мои кости»^[4].

Одна из девчонок довольно равнодушно толкнула меня. Я покачнулась и сильнее прижала к груди портфель, но тут все более и более однообразные издевки моих мучительниц заглушил громкий крик: «Эй, вы!»

Мы все обернулись и увидели Френсис, которая на всех парах мчалась к нам с покрасневшимся от злости лицом. Через несколько секунд она схватила мою главную обидчицу за шею и прорычала:

«Еще раз хоть пальцем тронешь мою младшую сестру — и я тебе рожу в мякиш превращу, поняла?»

Она повалила девчонку на пол, а все остальные разбежались. Я помню, как Френсис посмотрела на меня и вздохнула. «Кофту выправи из-за пояса, Эл. Никто так не заправляет...»

— Элис, — окликает меня Френсис, потому что я долго не отвечаю ей. — Ты меня пугаешь. С тобой точно все в порядке?

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться.

— Со мной да. Я привезла Гретхен в больницу.

— О господи, — выдыхает Френсис. — Бедняжка! Твои подружки — просто королевы мыльных опер. Ты слишком добра, Элис, вот что я тебе скажу. Небось она напилась и расшиблась и теперь тебе надо за ней присматривать?

— Типа того. Я вечером зашла к ней, а она...

Мне вдруг так хочется все рассказать Френсис, но нас прерывает пискливый плач, доносящийся издалека.

— О нет! — в сердцах восклицает Френсис. — Он все-таки проснулся. Черт, черт, черт. Ты даешь мне слово, что с тобой все в порядке?

Плач становится все громче и настойчивее. Это упрямое требование внимания, и я ничего не могу с собой поделать — испытываю уважение к моему крошечному, наверняка побагровевшему от крика племяннику.

— Какого черта? Как ты мог уже проснуться? — укоряет его Френсис. — Я же тебя всего пятнадцать минут назад покормила.

Она страдальчески вздыхает.

Я закрываю глаза и снова делаю глубокий вдох.

— Френ, — решительно заявляю я. — Я в полном порядке. Справлюсь. Иди.

— Ты уверена? — Я слышу в ее голосе облегчение. — А с Гретхен-то что случилось?

Фредди наращивает громкость своих воплей до такого уровня, что того и гляди стекла начнут трескаться.

— Ничего, ничего страшного. Я тебе позже перезвоню, если что.

— Маме попробуй дозвониться, ладно? — виновато говорит Френсис. — Она подскажет, что делать. Может быть, они уже вернулись. Если дозвонишься, скажи ей, чтобы она мне потом перезвонила, хорошо?

— Хорошо, — послушно отвечаю я. По щеке у меня бежит слеза.

Френсис вешает трубку, даже не удосужившись попрощаться со мной. Мне хочется тут же снова позвонить и сказать ей: «Если честно, ты мне нужна. Мне страшно, Френ!»

Однако я набираю номер родителей и медленным шагом направляюсь к главному входу. Но все как сказала мне Френсис: гудки, гудки, а потом включается автоответчик.

И я набираю номер моего брата Фила. Если он дома, то может спуститься вниз и сказать маме с папой, чтобы включили телефон и что я хочу с ними поговорить. Мне вдруг совершенно необходимо срочно поговорить с мамой или папой — пусть хоть кто-то скажет мне, что все будет хорошо, иначе...

— Это Фил. Сейчас я не могу подойти к телефону. Пожалуй, я занят. Занят — в смысле, меня нет. А меня нет — в смысле, я курю. Можете оставить сообщение, но я ничего не обещаю, поняаяаяяатноооо?

На пару секунд я в точности представляю себе, как Фил может довести папу до белого каления. Разве такие сообщения записывают на автоответчик, если ждут звонка от потенциальных работодателей? Да его даже на собеседование не пригласят, не говоря уже о том, чтобы на работу взять. Я отменяю вызов и уныло убираю мобильник, в сумку.

Я в отчаянии смотрю на черное небо и пытаюсь успокоиться. Звезд нет, даже огней самолетов не видно. Слышен только шум моторов самолета, пролетающего за толстым слоем облаков у меня над головой. Я не вижу его, но мне хочется оказаться на его борту и лететь куда-нибудь, куда угодно — лишь бы подальше отсюда.

Я опускаю голову и смотрю на наручные часы. Двадцать минут прошло или нет? Том, наверное, уже подъезжает. А вдруг он припарковался

и прошел через другую дверь? А я не заметила. Я не хочу, чтобы он без меня вошел в палату Гретхен.

Я торопливо взбегаю по пандусу в приемный покой, крепко обхватив себя руками. Неутихающий ветер пробирает меня до костей, но, прежде чем мне удастся нырнуть в уютное тепло больницы, срабатывает механизм автоматического открывания дверей. Мне навстречу медленно идут мать с дочерью. Приходится отойти в сторону и пропустить их. Дочь поддерживает мать. Та тяжело наваливается на нее, опирается на костыль. Она покрылась испариной от усталости, хотя так холодно. Она судорожно сжимает руку дочери. Я бросаю взгляд на ее ступню, покрытую толстым слоем бинтов, и замечаю два весьма непривлекательных пальца, торчащие спереди. Пальцы лиловые, но при этом ногти накрашены лаком кораллового цвета.

— Ну, все, все, мам, — ласково говорит дочь. — Папа сейчас подъедет. Через минуту будет здесь.

Мать смотрит на меня — наверное, хочет поблагодарить за то, что я их пропустила. Вдруг ее глаза непроизвольно делаются больше. Я мельком вижу свое отражение в стеклянной двери, рассеянно поднимаю руку и выпячиваю подбородок, чтобы лучше разглядеть себя. Ничего страшного — только лицо у меня жутко бледное, глаза красные, а длинные темные волосы растрепаны и болтаются перед носом. В общем, женщина права — видок еще тот. Картину дополняют мешковатые спортивные брюки и старая куртка с капюшоном, но, в конце концов, я собиралась провести вечер перед телевизором, а не здесь.

Я опускаю голову и пытаюсь как можно скорее пройти мимо этих людей. Я обвожу взглядом комнату для посетителей, но нигде не вижу Тома. Здесь только пьянчуга, поливающий нецензурщиной администраторшу. Я быстро ухожу в сторону, к коридору, который, насколько мне помнится, должен привести меня в интенсивную терапию.

Но, добравшись туда, я останавливаюсь перед тяжелой двустворчатой дверью палаты. Ведь он уже должен быть здесь. Я не хочу, чтобы он оказался один, без меня, но и торчать там и ждать в одиночестве мне тоже не хочется.

Двери вдруг распахиваются. Их створка чуть не ударяет меня. Энергичной походкой выходит врач.

— Прощу прощения! — бросает он на ходу, хотя по его хмурому взгляду я понимаю, что он думает обо мне. «Нашла тоже место, где встать». Я быстро прохожу в палату. Нельзя же просто по-идиотски торчать здесь и ничего не делать.

Медсестра бросает на меня выжидательный взгляд, но в следующий момент узнает и улыбается. Тома здесь нет. Я не смотрю на Гретхен. Ставлю сумку под стул и неловко сажусь. Вытираю носовым платком нос и думаю: догадается ли сестра, что я плакала. Но чего ей еще ждать от меня?

Наконец, просидев, глядя в пол, чуть ли не целую вечность, я отваживаюсь посмотреть на Гретхен. Я ничего не могу поделать, мне этого не хочется... но она выглядит в точности так, как тогда, когда я уходила из палаты. Тихая, безмолвная, даже как будто безмятежная — но вид у нее болезненный, в лице нет красок. Я мечтаю, чтобы она села в кровати, возбужденно визжа, и чтобы она улыбалась от уха до уха, а потом соскочила с кровати и мы бы с ней побежали по коридорам, а доктора и медсестры разбежались бы в стороны и в страхе прижимались к стенам. Но такого не может случиться. Сейчас — не может.

О, если бы только я могла вернуться во времени назад и все изменить — я бы так и сделала! Правда, правда — сделала бы! Я бы все отдала ради того, чтобы мы все начали заново. Я бы делала все, о чем бы она ни попросила, — я знаю, так и надо было поступить. Я была ей нужна, но я ничего не предприняла...

Я чувствую, как внутри меня словно бы что-то трескается, рвется. Мне страшно. И стул будто бы складывается подо мной, и палата вдруг кажется маленькой и тесной. Гретхен такая хрупкая, уязвимая, и мне страшно до нее дотронуться. До моей подруги.

Я плачу, и, к несчастью, именно такой меня видит входящий в палату Том — в мятом костюме, с галстуком, съехавшим набок. Он тяжело дышит. Наверное, всю дорогу от входа бежал.

Глава 3

При виде Гретхен, к которой подсоединена вся эту куча аппаратов и капельниц, Том заметно бледнеет. Просто останавливается на пороге как вкопанный, как «роуд-раннер»^[5], которому пришлось резко затормозить.

Медсестра открывает рот, она готова что-то сказать, но я ее опережаю. Меня настолько радует появление знакомого человека, и сквозь слезы я восклицаю:

— О Том! Ты приехал!

Я неуклюже привстаю со стула. Ножки его ползут по полу с зубовым скрежетом, но мне все равно. Я просто бросаюсь к Тому и чуть не сбиваю его с ног.

Он автоматически крепко обнимает меня, я прижимаюсь к его груди, и мне хочется долго стоять вот так, пусть даже мне тяжело дышать и я вдыхаю только запах его рубашки. Все-таки я неохотно отстраняюсь, а он опускает руки. Я смотрю на него, а он — на Гретхен. Он не двигается с места.

— Что случилось, черт побери? — спрашивает Том шепотом. Куда подевались его обычная выдержка и олимпийское спокойствие? — Никто не хочет мне ничего объяснить. Я испугался.

Я делаю вдох-выдох, стараюсь взять себя в руки. Слезы текут по крыльям носа.

— Что? — ошеломленно повторяет Том, не в силах оторвать взгляд от Гретхен. — Что случилось?

Я в растерянности. Нужно говорить осторожно.

— Она мне звонила. Я пошла к ней... там повсюду валялись таблетки, и...

Мой голос гаснет в потоке слез.

Том бледнеет, разжимает губы, собираясь что-то сказать, но тут вмешивается медсестра.

— Может быть, можно поговорить в коридоре? — строго спрашивает она. — Нельзя огорчать Гретхен.

Мне становится еще хуже. Гретхен лежит тут и слышит все, о чем мы говорим. Я послушно выхожу в коридор, и медсестра закрывает за нами дверь.

Том ждет. Я пробую снова все объяснить ему.

— На полу валялись таблетки, и...

— Какие таблетки? — спрашивает он таким тоном, словно боится ответа.

Я сглатываю подступивший к горлу ком.

— Не знаю. Еще была бутылка виски, почти допитая. Понятия не имею, сколько штук она приняла, она была без сознания.

— О черт! — бормочет Том, делает шаг назад и прочесывает волосы пальцами. Он делает бессмысленный шаг вправо и снова отступает назад — О черт, Гретхен!

— Я вызвала «неотложку», — торопливо продолжаю я. — Они приехали и сказали, что она дышит. Сначала ее привезли в приемный покой, а потом переправили сюда. Она в коме!

Том едва заметно качает головой. Он словно бы с трудом воспринимает то, о чем я ему говорю, мои слова будто бы лишены смысла.

— Мне больше ничего не скажут, пока не приедет Бэйли.

Как только я произношу это имя, лицо Тома искажает гримаса неприязни и злобы.

— А они знают, где он? — спрашивает он сквозь зубы. — Ему пытались дозвониться?

Я киваю.

— В Мадриде. Я точно знаю, что он возвращается. Должен вот-вот подъехать.

— Откуда они узнали, что он там? — нахмурившись, спрашивает Том.

— Я сказала, — признаюсь я. — Он мне звонил вечером, чуть раньше. Он должен был приехать к Гретхен, но у него вроде задержали рейс. Или он опоздал на самолет. Он позвонил Гретхен, чтобы сказать, что не успевает к ней, а она была пьяная, очень сильно пьяная. Он попросил меня зайти к ней после работы и посмотреть, что с ней и как. Ну и я...

Я не договариваю. Мне вдруг становится жарко, я чувствую, как покрываюсь испариной, топ прилипает к спине...

— И? — выжидательно произносит Том.

Я делаю глубокий вдох.

— Она лежала без сознания в гостиной. Я сразу поняла, что она натворила.

— Черт! — Том пристально смотрит на меня. — И нам ничего не скажут, пока он не приедет?

Я качаю головой.

— Без него нам будут говорить только всякую дребедень типа

«состояние стабильное». Никаких подробностей.

Том разъярен.

— Но это же глупо! Ты им говорила? Что они сказали?

Меня мутит.

— Я не знала, что говорить, Том. Я просто приехала с ней, и...

Он смотрит на меня испытующе. Мне плохо, я прижимаю к виску дрожащую руку.

— Я ничего не соображаю. Все произошло так быстро, и...

— Ладно, ладно... Элис, прости. — Он подходит ближе, берет меня за руку. — Я совсем не хотел, чтобы получилось так грубо. — Он делает вдох. — Я просто дико зол на него, черт бы его побрал!

Он ждет, а я пытаюсь дышать ровнее.

— Но все-таки, — говорит Том чуть погодя. — Хорошо, если состояние у нее и вправду стабильное.

Потом он на несколько секунд замолкает — явно обдумывает невероятный, жуткий вариант развития событий — и продолжает:

— Мы должны быть там, рядом с ней.

Он направляется к двери палаты.

— Минутку, — произношу я ему вслед. Мне отчаянно не хочется возвращаться в палату. — Мне нужно прийти в себя.

Я прислоняюсь к стене. Том нетерпеливо ждет, стоя рядом со мной. Вид у него опустошенный и ошеломленный.

— Не могу поверить, что она сделала это, — признается он. — В смысле... ничто не предвещало. Ничего такого... На самом деле она казалась... — Он смотрит на меня и дальше говорит, осторожно подбирая слова. — Она казалась счастливой. Прости... это слишком тяжело для тебя?

Да-да, тяжело, почти невыносимо. За всю жизнь я не была в более страшном положении.

Я качаю головой.

— Ничего, — говорю я почти шепотом, ловлю себя на том, что голова у меня непроизвольно опускается, глаза снова застилает туман, я плачу, и мои слезы каплют на скользкий больничный пол.

Том готов обнять меня, но тут к нам по коридору приближается медсестра.

— Пойдем, Эл, — говорит Том.

Медсестра открывает дверь в палату Гретхен и входит туда. Том идет за ней, я неохотно следую за ним.

Мы придвигаем стулья ближе к кровати. Том смотрит на Гретхен.

Медсестра, которая вошла впереди нас, явно старшая здесь. Она деловито проверяет показатели приборов и говорит другой медсестре:

— У нее появились экстрасистолы. В норме их так же много?

Я заметила несколько чуть раньше, но они участились, — отвечает вторая медсестра.

— Гм. Следи за этим. А калий как?

— Три и одна.

Это хорошо или плохо?

Старшая медсестра вздергивает брови.

— Нужно немедленно повысить. В карте это записано?

Другая медсестра кивает и говорит:

— Пойду проверю.

Она выходит из палаты. Том бросает на меня вопросительный взгляд. Я пожимаю плечами.

— Извините, — говорит Том довольно громко, но его прерывает пронзительный писк аппаратуры.

Старшая сестра не обращает внимания на Тома. Она резко оборачивается, смотрит на Гретхен, стремительно проходит мимо Тома, и ему приходится поспешно отъехать на стуле назад. Медсестра прижимает кончики пальцев к шее Гретхен. Я понимаю, что она щупает пульс. Мой собственный пульс сразу учащается.

Я смотрю на приборы и вижу, как на мониторе сходит с ума зеленая линия, она резко подскакивает, а через три секунды красная линия становится ровной. О боже.

— Может мне кто-нибудь помочь? — вдруг очень громко кричит медсестра, а потом все начинает происходить слишком быстро.

Том встает, оторопело смотрит на меня. У меня от ужаса отвисает челюсть, от страха я словно прилипаю к стулу. В дверях немедленно возникает вторая медсестра.

— Можете отключить сигнализацию? Остановка дыхания! — кричит кто-то.

Слышится удар. Мы с Томом испуганно вздрагиваем. Спинка кровати ломается и падает. Голова Гретхен запрокидывается, она лежит совершенно ровно.

— Вот черт, теперь фибрилляция! — кричит первая медсестра.

— Что такое фибрилляция? — в отчаянии спрашивает Том. — Что происходит?

В палату вбегает третья медсестра. Я слышу чей-то суровый голос:

— Уведите их.

Кто-то берет меня за руку. Том кричит:

— Нет! Мы должны остаться! Что происходит? Что с ней?

Меня решительно отрывают от стула. С Гретхен сдернули одеяло, медсестра держит в руке край ее сорочки и...

Мы вдруг оказываемся в коридоре. Нас быстро проводят по нему, мы удаляемся от непрекращающегося воя сигнализации. Через несколько двустворчатых дверей прорывается врач, несется мимо нас. Я оглядываюсь через плечо и вижу, как в маленькую палату, словно муравьи, сбегаются медики.

— Просто им для работы нужно побольше места, — строго произносит провожающая нас медсестра. — Только и всего. Пойдемте. Мы подождем здесь, в комнате для родственников.

Это приказ, а не предложение. Медсестра пытается поторопить меня, но я все смотрю назад, никак не могу отвести оттуда глаз. В другом конце коридора появился еще один врач, он бежит. Все эти люди борются за Гретхен, за ее жизнь. Ее истинная, настоящая жизнь у них в руках. А у меня из головы не выходит картина, как она сидит в углу в своей квартире. Мимо проносится медсестра, чуть не налетает на меня и исчезает в палате. Я опять представляю себе Гретхен, таблетки у нее под ногами... О господи. Мне кажется, что все начинает медленно вертеться вокруг меня. Я едва слышу собственный визгливый голос:

— Нет!

А в следующее мгновение я падаю на пол. Том наклоняется и пытается поднять меня. Он прижимает меня к себе, а я плачу, плачу, плачу, словно это у меня разрывается сердце.

Глава 4

— Ее зовут Гретхен Бартоломью, господи боже, — вздохнула я, сев на маленький чемоданчик и стараясь не обращать внимания, как подо мной что-то похрустывает. Наверное, все флакончики в моей косметичке треснули. — Я эту девицу никогда не видела, но с таким претенциозным имечком она может быть только толстозадой тупицей. Ну зачем, зачем, зачем я только согласилась на это?

— Тебе оплатили дорогу до Лос-Анджелеса и обратно и все расходы, а если все хорошо сделаешь, этот журнал, быть может, даст тебе заказ по видовым съемкам, — рассудительно заметил Том, всовывая ноги в туфли. — И потом — она не виновата, что ее так зовут. Может быть, она хорошенькая.

— Все это как-то пошло! — проворчала я.

Кроссовки попытались вылезти из чемодана и застряли между зубчиками молнии. Я засунула их поглубже и попробовала застегнуть молнию.

— Она ведущая детской телепрограммы, а это значит, что она наверняка толстая, как два бревна. Ну, давай же...

Пальцы у меня побелели от усилия. Я никак не могла застегнуть треклятый чемодан.

— Почему же тогда ее решили снимать? — рассеянно спросил Том.

— Она переезжает в Голливуд, чтобы там засветиться, или что-то в этом роде, — буркнула я, тяжело дыша. — Да кому какое дело? Черт. Чемодан сейчас треснет. С одной стороны застегивается, а с другой — никак. Ну вот, кажется, получилось...

Я с опаской посмотрела на растянувшиеся швы. Может быть, четыре пары обуви — это и вправду лишнее. Я встала и выжидательно устоялась на чемодан. К счастью, он не треснул, но разбух, будто надувной шарик, готовый лопнуть в любую секунду.

— Кстати, насчет приездов и отъездов? — Том взялся за концы галстука, висевшего у него на шее. — Пока тебя не будет — позвонить тому испанцу и сказать, что он может занять старую комнату Вик?

Видимо, ответ был написан у меня на лице. Том сочувственно улыбнулся, затянул галстук, подошел и обнял меня.

— Я понимаю, ты скучаешь по ней, Эл, но не можем же мы себе позволить, чтобы ее комната все время пустовала.

— Париж, — буркнула я, уткнувшись носом в его рубашку, — нашла тоже, где поселиться. Терпеть не могу этого смазливового французского докторишку со всеми его сладенькими: «Приезжай и живи в моем château^[6], chérie^[7]».

— Да ладно тебе, — рассмеялся Том. — Ведь нам с тобой нравится Люк. Ты же сама часами говорила с Вик по телефону и убеждала ее в том, что она поступила правильно! А теперь она очень счастлива.

— Ладно, значит, позвоним этому испанцу, — довольно грубо бросила я. Я думала о Вик, по которой очень скучала. — Из всех потенциальных квартирантов он меньше других похож на чокнутого.

— Но с другой стороны, — Том отстранился, его взгляд стал озабоченным, — уверены ли мы, что нам хочется жить лишь вдвоем, а не под одной крышей с каким-то надутым испанцем, которого мы нашли по объявлению в газете? Чего доброго, станет тут разгуливать гольшом...

— Мы не можем себе это позволить, мы же уже обсуждали, — проговорила я, пережевывая кусок тоста, который взяла с тарелки, и ища глазами свою сумочку. Никак не могла вспомнить, где видела ее в последний раз.

— Если, конечно, мы не начнем подыскивать квартиру поменьше. Или дом. Может быть, купим. Вместе.

Я мгновенно перестала искать сумочку и повернулась к Тому. Впервые один из нас открыто и официально предложил что-то подобное. Я ждала, что у меня сердце заколотится от радости. К моему изумлению, не заколотилось. Правда, через несколько минут должно было подъехать такси. Как это типично по-мужски — выбрать самое неподходящее время для разговора о глобальных переменах в жизни. Просто так — взять и ляпнуть.

— Снимать квартиру на большой срок — выбрасывать деньги на ветер, — продолжал Том, быстро сделав глоток чая. — Это хорошо, когда ты помоложе, когда любишь перемены, но мы бы могли изрядно сэкономить, если бы вложились в ипотеку... и условия на рынке просто отличные для таких, как мы.

— Для таких, как мы? — озадаченно переспросила я.

— Для людей оседлых, для супружеских пар... большинство наших друзей купили жилье, — многозначительно заметил Том. — У меня на счету накопилась приличная сумма, и...

— Но разве нам не следует сделать это просто потому, что нам так

хочется, а не из чистой практичности — потому, что Вик уехала? — спросила я.

Том невыразительно посмотрел на меня и сказал:

— Ну хорошо, мы этого хотим — разве нет?

Я не нашлась что ответить.

— А-а-а! — протянул Том, внимательно глядя на меня. — Какой же я балбес! Ты имеешь в виду, что так поступать не слишком романтично. Черт, Эл, прости меня. Я тебя понял. Ты права. Но знаешь, получить ипотечный кредит — это почти то же самое, что пожениться.

У меня глаза на лоб полезли. Что?

— Ну, по крайней мере, с правовой точки зрения, если что-то пойдет не так, но на самом деле такого точно не случится.

Он многозначительно выдержал мой взгляд и улыбнулся.

Вот это да. Я стояла, слегка ошарашенная, осознавая, что мужчина, который пробыл моим бойфрендом два года, секунду назад спокойно сообщил мне, что всерьез намеревается на мне жениться.

Я ждала восторга, ощущения типа «вот и свершилось!» или радости, когда все кусочки пазла укладываются на свои места... но чувствовала только усталость. Напряжение спало — вот и все. На самом деле я не чувствовала почти ничего, но, учитывая, что вплоть до последних дней только тем и занималась, что помогала Френсис готовиться к свадьбе, удивляться не следовало. Я была бы рада, если бы мне до конца дней моих не довелось больше увидеть ни одного плана рассаживания гостей и заказа на обслуживание. А Том, в конце концов, сказал мне об этом за завтраком таким тоном, словно сообщил об оплате очередного счета за электричество. Когда мне было лег двенадцать, когда я представляла в мечтах, что выйду замуж года в двадцать три и у меня будет несколько детей, я и подумать не могла, что кто-то встанет передо мной на колени и скажет: «Элис, ты согласна взять вместе со мной ипотечный кредит?» А он даже об этом меня не спросил.

— Я думаю, — Том сделал большие глаза, словно бы не замечая, что я лишилась дара речи, — нам стоит пустить квартиранта и начать присматривать квартиру для покупки. Это можно будет сделать через пару месяцев. Скидка будет, — он задумчиво глянул на потолок, — процента эдак три, и мы компенсируем часть пошлины, какую бы квартиру ни подыскали. — Он радостно улыбнулся мне. — Ты права, это самый лучший план.

А я ни слова не произнесла.

— Я ему сегодня попозже позвоню и скажу, пусть переезжает как

можно скорее. Время — деньги! — Том весело потер ладони. — Кстати, об ипотеке, ты как думаешь, какой у тебя реальный годовой доход? За вычетом налогов?

— Том, — медленно выговорила я, наконец обретя дар речи, — мне предстоит лететь на самолете на другой край света. Я даже не знаю, где моя сумочка, и такси вот-вот подъедет. Нам обязательно говорить об этом сейчас? Мы не можем подождать до моего возвращения?

— Ладно. — Похоже, его искренне разочаровало то, что я не вытащила из заднего кармана джинсов банковскую распечатку. — Тогда я просто скажу этому испанцу, чтобы переезжал.

— Отличная мысль, — процедила я сквозь зубы. И так, мы прошлись по кругу. — А теперь, черт побери, где же моя сумка?

Под окном засигналила машина. Я подбежала к окну и посмотрела вниз. Водитель, делавший вид, что ему хочется как можно скорее тронуться в путь, но при этом не поднимавший голову, похоже, ждал меня.

— Черт, — выругалась я. — Он уже здесь.

Я постучала по стеклу кончиками пальцев. Водитель поднял голову. Я показала ему руку с растопыренными пальцами, надеясь, что он поймет: я прошу его подождать пять минут.

Я быстро обернулась и увидела, что моя сумочка небрежно покачивается на вытянутой руке Тома.

— Твой паспорт на месте, — сообщил Том. — Я проверил. Успокойся, у тебя уйма времени.

Таксист снова посигналил.

— Да чтоб тебя! — проворчал Том и нахмурился. — Нетерпеливый какой. Я помогу тебе. — Он подошел и поднял чемодан. — Господи, Эл! Ты ведь всего на двое суток едешь! — Пыхтя от натуги, он вынес чемодан на лестничную клетку. — Ты, случайно, не вздумала меня бросить?

Я рассмеялась — намного громче, чем собиралась, и меня это, похоже, расстроило сильнее, чем его.

— Так ради чего затеяна эта съемка? — поинтересовался Том, когда мы спускались по лестнице.

Нет, все-таки странный народец эти мужчины. Как можно минуту назад говорить о таких серьезных вещах и тут же переключаться на что-то абсолютно тривиальное как ни в чем не бывало?

— Да здравствует Голливуд, — проговорила я в ответ на его вопрос. — Прощайте мои планы заняться чем-то менее коммерческим и более творческим. Я — сплошная большущая несерьезная распродажа.

Том расхохотался. Я обогнала его и открыла дверь подъезда.

— Все не так ужасно! Допустим, это не совсем «Нэшнл джиографик» и выглядит немного скучновато, но все же, как ни крути, денежки платят. — Он подождал, пока таксист выйдет из машины. — Просто думай о большей пользе, — добавил он, когда таксист взял чемодан, впихнул его в багажник и вернулся на свое место. — Знаю, такая работа не слишком тебе по нутру, Эл, но ты уезжаешь всего на пару дней. Не успеешь оглянуться, как вернешься. Да, и не забудь: в субботу Банкерс и Джордж устраивают рождественскую вечеринку.

— Не слишком ли рано для рождественских вечеринок? Еще только конец ноября!

Том пожал плечами.

— Что поделаешь с Джорджем? Такой уж он. Суперорганизованный. И Банкерса ты знаешь — этот никогда не упустит шанса собрать как можно больше женщин под веткой омелы^[8] до того, как на его безымянный палец скользнет обручальное кольцо.

Мне стало еще тоскливее. Коллега Тома Эдвард Банксби по прозвищу Банкерс^[9] (этим прозвищем остроумно обыгрывалась его фамилия, а также то, что он был заядлым болельщиком регби) был неисправимым бабником. Банкерс обожал вместо приветствия хватать дам за задницу. Его невеста Джорджина, зоркая мегера, носила туфли на высоченных шпильках и все разговоры обычно начинала так: «Привет, я Джорджи. Я самая молодая партнерша в фирме. Ну а вы сколько зарабатываете?» Шутники острили, что она носит мужские причиндалы Банкерса в своем портфеле и выдает их ему исключительно по особым случаям.

— Знаю, он тот еще похабник, да и Джорджина не сахар, но мне действительно нужно отметить на этой вечеринке. У них дома. Он пригласил всех с работы. Насчет подарка я сам соображу, так что ты не напрягайся.

Я вздохнула.

— Прости, дорогая. А ты хотела навестить кого-то из своих друзей в эти выходные? — спросил Том.

— Кого, например? Я уже несколько недель ни с кем не виделась — работы было по горло. Натуральная социальная затворница.

— Вот поэтому-то тебе и надо оторваться на всю катушку, пока будешь в отъезде, — ласково проговорил Том, обнял меня и поцеловал в губы.

— Постараюсь, — пообещала я.

Сколько же всего на меня сразу обрушилось. Вечеринки, ипотеки, свадьбы. А еще не было восьми утра.

— Я хорошо выгляжу? — нервно спросила я, осматривая свое пальто телесного цвета, надетое поверх черного платья-туники и плотных черных колготок. — Думаю, колготки я смогу снять по прилете, если будет жарко. У меня в сумке босоножки. Нормально будет, как думаешь?

— Ты выглядишь потрясающе. Пошли мне эсэмэску, когда самолет приземлится. — Том открыл дверцу машины.

Я села и опустила стекло в окошке.

— Я люблю тебя, Эл, — сказал Том. — Доброго пути.

— И я тебя люблю, — автоматически ответила я. — Ну так позвони этому испанцу, пусть переезжает. Но только больше ничего не делай, ладно? О, и еще не забудь своей маме позвонить — скажи, что мы приедем к ним на День подарков^[10]. А к моим родителям заедем на Рождество.

— Есть, сэр!

Том шутливо отдал мне честь. Я одарила его веселым взглядом. Такси тронулось с места. В конце дорожки я обернулась, чтобы посмотреть на Тома. Он все продолжал махать мне рукой. Я помахала в ответ, но, стоило машине повернуть за угол, тяжело вздохнула, прижалась к спинке сиденья и с неудовольствием поймала себя на мысли о том, что три дня в Лос-Анджелесе, быть может, не так уж плохо.

Уже сидя в салоне самолета, пристегнувшись к креслу и читая проспект с правилами безопасности, я все еще не могла успокоиться, а это было глупо, потому что Том ведь не сказал: «Ты выйдешь за меня?» Мы с ним всего лишь согласились сдать свободную комнату в квартире. Но он размышлял насчет ипотеки и, судя по тому, как он об этом говорил, всерьез подумывал о женитьбе.

Но ведь это хорошо? Дело было вовсе не в том, что я себе не представляла, как отец ведет меня к алтарю, а Том медленно поворачивает голову и улыбается. Представляла. Почему же тогда я так расстроилась?

Честно говоря, в последнее время меня почти все расстраивало. Не так просто было постоянно самой искать себе работу. Но мне нужны были деньги. Я не могла попросить мать и отца выручить меня, потому что свадьба Френсис их порядком разорила. Положа руку на сердце, я думала, папа просто взорвется, когда он получил счет за цветы. И потом, с какой стати мать с отцом должны меня содержать? Да, мне все давалось нелегко, но я многого добилась сама, чем втайне гордилась, хотя чаще мне приходилось заниматься тем, от чего я вовсе не была в восторге. Вот и предстоящая работа меня совсем не радовала.

Я представляла себе, как буду говорить: «Замечательно, просто

блестяще, а теперь посмотрите на меня так, словно мой фотоаппарат вас любит!», и это было так мучительно. Я терпеть не могла заставлять себя быть такой, какой на самом деле не была. Вот видовая съемка — это да. Тут никому не нужно было себя навязывать. Снимай себе все, как оно есть, будто меня тут и не было, а потом спокойно уезжай. Однако сейчас мне предстояло нечто совершенно другое. Фотосессия. Как ни приятно фотографировать хорошенькую девушку на фоне города, все равно тягостно постоянно находиться на публике и делать снимки кого-то, одетого как... (я заглянула в присланный мне план фотосессии) британская офисная служащая/развязная школьница, расставившая ноги над звездой на Аллее славы. О боже... Я мысленно поежилась, у меня засосало под ложечкой. Это было так дешево.

Пластиковая упаковка с самолетной едой не улучшила моего настроения. Еда была безвкусная, хотя пахла нормально. Но, посмотрев пару фильмов и немного вздремнув (правда, синтетическое одеяло трижды ударило меня током, а в тесной туалетной кабинке я глянула на себя в зеркало и обнаружила, что прическа у меня похожа на всклокоченную гриву дока Брауна из «Назад в будущее»^[11]), я начала немного успокаиваться.

Мне просто нужно было выполнить все по программе. Я летела в Лос-Анджелес. Новый опыт — весьма полезный, новая отметка в паспорте и возможность хорошо заработать, а это даст мне шанс заработать еще больше и получить ту работу, которая мне будет нравиться.

«Все нормально, Элис, — мысленно сказала я себе, глядя на свое отражение в зеркале. — А эти два красных пятнышка у тебя на щеке — ерунда. Мало ли откуда они могли взяться. Давление на такой высоте повышенное, вот и выскочили».

Я твердо вознамерилась выжать из этой поездки все самое лучшее для себя.

В конце концов, большинство людей были бы готовы отдать кое-какие части своего тела за то, чтобы полететь в Лос-Анджелес, поселиться в шикарной гостинице и познакомиться со знаменитой телеведущей, а мне нужно было всего-навсего нацеливать на нее фотоаппарат. Наконец, я же не всю жизнь таким занималась. Всю прошлую неделю, к примеру, я фотографировала тубики с губной помадой двадцати видов в разных ракурсах, и ничего веселого в этом не было. «Да здравствует Голливуд, — напевала я тихонько, более придирчиво разглядывая себя в зеркале и настраиваясь на лучшее, — где ты звезда, если только на что-то

способен... или что-то в таком роде»^[12]. Я могла сделать это! Я собиралась это сделать.

— Славненькая гостиница, — весело объявила мне Гретхен Бартоломью, пока гримерша покрывала ее лицо тональным кремом. — Мне нравится, а вам, милая?

— Очень, — искренне ответила я, гадая, каково это — быть такой, как Гретхен. Незнакомая женщина накладывает тебе грим, знакомые люди читают про тебя в журналах, смотрят на твои фотки, мысленно тебя раздевают. Бррр.

— Видимо, далай-лама остановился в этой же гостинице, — невозмутимо проговорила Гретхен, — так что у нас отличная компания.

Только я собралась спросить у нее, откуда она об этом знает, как мимо нас в какой уже раз проехал автобус, битком набитый туристами. Они, раззявив рты и прижавшись носом к стеклам, пялились на нас, сжимая в руках цифровые видеокамеры. Надо же — им довелось увидеть живую фотосессионную команду!

Экскурсовод прокричал:

— Привет! Как дела?

Я отвернулась. Гретхен, глазом не моргнув, каким-то образом ухитрилась показать гиду два поднятых вверх больших пальца. Следовало отдать ей должное: работала она без усталости и с большим энтузиазмом с того самого момента, как мы встретились на первом месте съемки — в ювелирном магазине на Родео-драйв.

— А вы, наверное, Элис, — сказала она, проворно встав и протянув мне руку — маленькую и нежную, как у ребенка, но вот рукопожатие у нее оказалось неожиданно крепким. — А я Гретхен. Рада с вами познакомиться.

Она ослепительно улыбнулась мне, и я сразу поняла, почему она так нравилась миллионам детей, в чьи дома приходила с телеэкранов. Она выглядела в точности такой девушкой, какой мечтают стать шестилетние девочки, когда вырастут.

Стилистка уже вырядила ее так, как должна выглядеть образцовая ведущая детской программы. Она расчесала светлые пышные волосы Гретхен на пробор и связала их в два хвостика, скрепив пушистыми яркорозовыми резиночками, казалось сплетенными из перьев, которые выдернули из возмущенного фламинго. На Гретхен была желтая футболка, до неприличия обтягивающая и подчеркивающая ее тугую грудь. На футболке красовалась надпись: «Полижи нас». Для того чтобы все поняли,

что Лос-Анджелес — это тот город, где мечты больших девочек сбываются, стилистка пожелала, чтобы Гретхен нацепила на себя как можно больше гламурных побрякушек — столько, сколько готов предоставить магазин.

В конце концов нам удалось сделать снимок Гретхен, по обе стороны от которой застыли двое здоровенных неулыбчивых охранников, в то время как она с восторгом любовалась своим отражением в зеркале. Широко раскрыв глаза, она разглядывала серьги с желтыми бриллиантами размером с лакричные конфеты, свисавшие чуть не до подбородка, и украшавшие ее пальцы толстенные кольца, похожие на комки пережеванной жевательной резинки. Весьма впечатляющий образ, пусть и довольно предсказуемый. Желание клиента — закон. Опять же следовало отдать должное Гретхен: она сделала все в точности так, как я попросила. Не капризничала, не жаловалась — выдала все как надо.

— Вы, наверное, всю жизнь этим занимаетесь, — сказала она мне, когда мы собирали вещи перед переездом на следующее место съемки. — Вы такая спокойная, организованная. Пожалуй, у меня такой неистеричной съемки давно не было.

Я подняла голову и благодарно улыбнулась ей.

— Вы очень добры. Честно говоря, такая работа у меня бывает не слишком часто — может быть, как раз поэтому все так и получается. Может быть, я слишком хладнокровна?

Гретхен протестующе подняла руки.

— Нет-нет, все просто отлично, поверьте мне. Я такая расслабленная, даже несмотря на нее. — Она кивком указала на стилистку из глянцевого журнала, которая все утро отвечала по мобильнику на **ОЧЕНЬ СРОЧНЫЕ ЗВОНКИ**. — Не поверю, что она такая уж незаменимая. Глупая корова. Чуть не каждые пять секунд ей кто-нибудь трезвонил. И кстати, что такое «селебрити-эдитор»? ^[13]

Я пожала плечами, всем своим видом показывая: «понятия не имею, но она в некотором роде мой босс».

Обстановка приобрела чуть более творческий характер, когда мы начали фотосессию на Аллее славы. Правда, здорово мешали машины, замедляющие ход около нас, и случайные зеваки. Я немного нервничала, глядя на Гретхен в объектив и замечая при этом людей, которые с интересом следили за мной, как за фокусницей, сложив руки на груди. А Гретхен усиленное внимание, похоже, нисколько не волновало. Она была наряжена в облегающий коротенький черный пиджачок, блузку, верхние пуговицы которой были расстегнуты, и в черные шорты, едва

прикрывавшие живот. Она все делала дисциплинированно и любое мое распоряжение исполняла мгновенно. Она стояла, расставив стройные ноги над звездой на Аллее славы, опираясь на жуткий черный британский зонт, и поглядывала на меня из-под длинных ресниц и лихо сдвинутой набекрень шляпы-котелка.

Я решила сдвинуться немного вправо, чтобы в кадр не попала пышнотелая блондинка, возникшая из ниоткуда, но явно мечтающая впихнуть в кадр свои сиськи. Только я переставила штатив, как проходивший слева от Гретхен парень в кроссовках и мешковатых джинсах одобрительно присвистнул и, оглянувшись через плечо, воскликнул:

— Вот это девочка, я понимаю!

Локоны Гретхен едва заметно шевелил легкий ветерок. Она кокетливо глянула на парня и добродушно рассмеялась.

Оказалось, это именно то, что нам нужно. Мы все полюбовались этим кадром — как он смотрит на нее с откровенным восхищением. Яркое лос-анджелесское солнце подсвечивает поля черного котелка и острый силуэт зонта. Я не могла избавиться от чувства, что отличный снимок получился у меня случайно — я ведь не выстраивала композицию. Просто повезло. И все же в кадре было какое-то движение, а на безупречном лице Гретхен — неподдельно счастливое выражение.

Она выглядела так, словно решила покорить мир... и твердо знала это.

Глава 5

— Как же приятно отдохнуть после целого дня съемок, — с облегчением вздохнула Гретхен. — Хочешь еще вина? — Она передала мне бутылку и, откинувшись на спинку стула, задержала взгляд на моей тарелке. — Твоя рыба выглядит так соблазнительно. У меня диетическая зависть.

Она всеми силами старалась общаться со мной по-дружески, и это оказалось приятным сюрпризом. Не все люди такого круга ведут себя подобным образом. Мой не слишком богатый опыт научил меня тому, что чем ближе звезды к середине дороги славы, тем более упиваются они собственной персоной, и чем сильнее устают, тем становятся неприступнее. Но Гретхен, похоже, вовсе не соответствовала этому штампу.

Она покачала головой и рассмеялась.

— Я так налопалась, а все ем и ем...

Мы сидели за большим столом в многолюдном ресторане под открытым небом. Края террасы были обставлены гигантскими керамическими цветочными горшками, в которых росли яркие бугенвиллеи. Ночь была теплая, нас окутывали взрывы хохота и гул оживленных разговоров.

— Ладно, второй заход, — решительно объявила Гретхен, взяла палочки и с аппетитом набросилась на еду. Отправив в рот креветку, она сделала большие глаза. — Ну правда, просто обалденно! Вот, попробуй.

Она подвинула ко мне глиняную миску и с нетерпением стала ждать моей реакции. Я нерешительно подцепила палочкой что-то похожее на кусок тунца и принялась медленно жевать. Гретхен оказалась права. Вкус был просто невероятный. Еда таяла во рту, словно ее и не было, но сразу хотелось съесть еще.

— Знаешь, просто не могу поверить, что ты так давно занимаешься фотографией, а мы до сих пор ни разу не работали вместе, — покачала головой Гретхен.

— Ммм... — Я пожала плечами и, лишь пережевав очередную порцию морских деликатесов, смогла ответить: — Но я в свободном полете не так давно. Только-только начала работать частным образом.

— Вот и хорошо, — заключила Гретхен. — Мне кажется, ты отлично знаешь свое дело. Уверена, у тебя все прекрасно получится. И я слышала, как ты говорила гримерше, что это твоя первая поездка сюда. Ну и что ты скажешь о Лос-Анджелесе?

Честно? Кое от чего меня откровенно тошнило. Не сказать чтобы я многого ожидала, но, к примеру, я и не догадывалась, что мы едем по Голливуд-бульвару, пока кто-то не сказал мне. Вид у бульвара оказался весьма неприглядный. Везде стояли ларьки с фастфудом. Но с другой стороны, несмотря ни на что, мне нравились и шикарные рестораны, и до нелепости пушистый гостиничный халат, и то, как радушно приветствовала меня обслуга: «Приятного дня, Элис».

— Думаю, хорошо, что завтра мы возвращаемся по домам, — улыбнулась я и взяла бокал с вином. В это время за соседний столик уселась весьма гламурная парочка. — Я сегодня утром заказала завтрак в номер, и принесли фантастическую вазу с фруктами, и солнце все время светит, и люди такие гостеприимные, и так приятно сидеть под небом и есть все эти вкусности — но ведь сейчас ноябрь!

Гретхен энергично кивнула.

— Пожалуй, я могла бы слишком привыкнуть к такому эксклюзивному образу жизни, а это смешно. Понимаешь, — я сделала паузу, подбирая слова, — мне всегда казалось, что такая жизнь не для меня.

— Я понимаю, о чем ты, — согласилась Гретхен. — Я порой люблю тут побывать, получить свою порцию радости и легкой жизни, но потом с удовольствием возвращаюсь в реальность. И ты права, что опасаясь, — это действительно очень легко затягивает. Все кажутся дружелюбными, а по сути — такие безжалостные, что собственную бабушку продали бы с улыбочкой, только чтобы получить контракт на желанную роль. Лос-Анджелес как будто любит людей с душой нараспашку, но на самом деле он предпочитает голые амбиции. Опасный мыльный пузырь.

Я была совершенно сражена таким неожиданно остроумным высказыванием. Мне припомнилось мое сволочное замечание о Гретхен в разговоре с Томом — насчет того, что она наверняка тупая. Она оказалась совсем не глупой.

— Я предпочитаю Нью-Йорк, — с усмешкой продолжала Гретхен. — Что видишь — то и получаешь. Ты там бывала?

— Пару раз, — кивнула я.

Гретхен пристально посмотрела на меня.

— А вид у тебя типичной жительницы Гринвич-Виллидж. Не до конца оцененной, но уверенной в себе.

Я недоверчиво глянула на свое чуть поношенное черное платье-сафари — единственный предмет одежды в чемодане, который оказался не заляпанным шампунем.

— Спасибо, — сказала я, втайне польщенная. — Я была там в прошлом году с моим... — чуть не сказала «бойфрендом», но оборвала себя и добавила: — Другом.

Мои губы выговорили это слово прежде, чем что-то связалось у меня в мозгу. Я влезла в шкуру свободной художницы, за которую она меня, похоже, принимала, — так, ради забавы. В шкуру — или в туфли, которые просто примерила, чтобы посмотреть, годятся ли они мне по размеру, и, может, чтобы хоть на минутку понять: каково это — быть интересной творческой личностью, беззаботно порхающей из страны в страну. Я знала, что мне предстоит вернуться домой, к Тому, пойти с ним на жутко скучную вечеринку по поводу помолвки, но, кроме меня, об этом не знал никто.

— А где ты еще побывала? — поинтересовалась Гретхен, потянувшись за бокалом.

Я немного подумала.

— Довольно много где в Европе, кое-где в Африке. — На самом деле это было правдой. — Мне бы очень хотелось побольше заниматься... — я попыталась подобрать слова так, чтобы не задеть ее, — репортажной фотографией, видовыми съемками, но трудно найти заказы. И деньги, и все мои контакты — в других местах.

Гретхен понимающе кивнула.

— Мой старший брат пишет книги о путешествиях, я могу тебя с ним познакомить, если хочешь. Он наверняка знает людей, которые могли бы быть тебе полезны.

— Это было бы просто здорово! — воскликнула я с неподдельным восхищением. — Спасибо тебе!

И тут у меня мелькнула мысль.

— О господи, — проговорила я недоверчиво и положила на стол салфетку. — Ты и вправду хочешь мне помочь? Мне кажется, я только что фактически навязалась тебе. Ужасно стыдно.

Гретхен рассмеялась.

— Что за глупости! Я сама тебе это предложила!

— Спасибо, спасибо. Необычайно любезно с твоей стороны, — сказала я, не сумев до конца избавиться от смущения. — Так у тебя только один брат?

Она хмыкнула, оценив мою попытку сменить тему.

— Да, только Бэйли. А у тебя?

— У меня есть невысказанно ленивый младший брат Фил и старшая сестра, Френсис.

— О! — У Гретхен загорелись глаза. — Я всегда мечтала иметь сестру.

— Если хочешь, можешь взять себе мою, — предложила я.

— Ага, — понимающе кивнула Гретхен. — Вы с ней не слишком близки?

Я представила себе Френ, стоящую со скрещенными на груди руками и глядящую на меня, скептически вздернув бровь. Мне стало жутко совестно, и я пошла на попятную.

— Не в этом дело, — объяснила я. — Мы с ней в хороших отношениях, просто она совсем недавно вышла замуж, и все, конечно, замечательно, но вот подготовка к свадьбе была... мягко говоря, утомительной. Френсис порой может быть...

Я запнулась в поисках подходящего слова.

Гретхен пила вино маленькими глоточками и внимательно меня слушала.

— Иногда она немного подавляет. В последние несколько месяцев мы с ног валились от всей этой суеты. Фил просто готов был всех поубивать, мама ужасно похудела, а папа вряд ли сможет выйти на пенсию раньше чем через пять лет — Я улыбнулась. — И меня эта свадьба слегка доконала.

— Ты была подружкой невесты? — поинтересовалась Гретхен.

Я покачала головой.

— Я фотографировала.

Гретхен явно немного удивилась.

— На свадьбе сестры?

— Я не имела ничего против. Она очень хотела, чтобы снимала я, а уж если Френ чего-то очень захочет, спорить с ней бесполезно. Поэтому я просто помалкивала и сделала все, что нужно. Когда я родилась, ей было пять, и у нее была уйма времени, чтобы научиться заставлять родителей делать все, чего пожелает ее левая нога. Когда мы были маленькие, — проговорила я и удобнее устроилась на стуле, — у нее была такая любимая игра: она привязывала к моей руке веревочку, и всюду таскала меня за собой, и всем говорила, что я — ее щенок. Надеюсь, ты понимаешь, что она за фрукт. Проявления внимания с ее стороны не всегда были так уж приятны. — Я убрала за ухо выбившуюся прядь волос. — Однажды она отстригла мне челку, и это было здорово. Мама настаивала на том, чтобы я ходила с косичками, — ей хотелось, чтобы все знали, что я — девочка. Ну а благодаря Френсис на фотках с моего дня рождения, где мне три годика, я выгляжу как Род Стюарт времен песенки «Ты считаешь меня

сексуальным?»^[14].

Гретхен расхохоталась.

— Не смешно, — улыбнулась я. — Френ на многое была способна. Был у меня хомячок, которого я очень любила, его звали Вербал Джеймс Гербал, и...

— Прости, — прервала меня Гретхен, — как его звали?

— Ну да, мы давали своим зверушкам и игрушкам очень странные клички, — ответила я, мучительно пытаюсь вспомнить, почему же в самом деле нарекла так своего хомячка.

— Ну, если тебе станет от этого легче, то у меня был игрушечный слон, которого я называла «мистер Прайс». Понятия не имею почему, — со смехом сообщила Гретхен. — Господи, а я совсем забыла о нем! Ну и что же случилось с Вербалом Джеймсом Гербалом? — Она проглотила очередную порцию морских деликатесов и посмотрела на меня. — У меня предчувствие: ты сейчас скажешь, что события приняли трагический оборот?

— К сожалению. Френсис ночью выпустила Вербала Джеймса Гербала. Нарочно.

Гретхен покачала головой.

— Удар ниже пояса. Он вернулся?

— К несчастью, нет, — ответила я и покачала головой. Мне вдруг показалось странным — почему я рассказываю об этом Гретхен, а она добродушно подшучивает надо мной. Что ж, очень мило с ее стороны. — Мы потом слышали, как он скребется под полом в ванной, но папа не захотел поднимать новый ковер.

— Возможно, он просто бежал и обрел новую жизнь, свободу... За Вербала Джеймса Гербала, — сказала Гретхен и приветственно подняла бокал.

— Знаешь, я так думаю, что насчет свободы — это маловероятно, судя по запаху из-под пола, из-за которого всех начинало мутить, как только они входили в ванную. Но все равно спасибо, — улыбнулась я.

— Что ж. Вербал Джеймс Гербал, покойся с миром, — мгновенно предложила новый тост Гретхен.

Я рассмеялась, немного помолчала и сказала:

— Честно говоря, понятия не имею, зачем я рассказала тебе все это. Наверное, я немного пьяна. Да еще эта жара.

Гретхен решительно помотала головой.

— Вовсе нет. Просто приятно рассказывать о таких вещах кому-нибудь нормальному.

Нормальному? Вот черт. Я была сражена. Мне явно не удалось обмануть ее ни на йоту. Ну точно: какая загадочная творческая личность начнет рассказывать про зверушку из своего детства? Видимо, Гретхен заметила выражение моего лица, поскольку снова подняла бокал и сказала:

— Я в том смысле, что это комплимент. Твое здоровье!

Мы чокнулись, и Гретхен залпом допила вино.

Через час мы большой компанией поднялись в Скай-бар, расположенный вокруг роскошного бассейна на крыше. Вода в нем была чарующе неподвижной. Вдоль бортиков были разложены громадные мягкие подушки, на столиках мерцали свечи, а далеко внизу распростерся ночной Лос-Анджелес, подмигивающий сказочными огоньками. От всего этого я просто обалдела. Через некоторое время мы с гримершей завели разговор о косметике, и я успела сказать ей все, что думаю по поводу кремов, подтягивающих кожу. Неожиданно рядом со мной возникла Гретхен — взволнованная, рука об руку с порядком набравшейся стилисткой — и сказала:

— Элис! Пойдем, погляди! Ни за что не угадаешь, кто здесь!

Она протянула мне руку, и я пошла за ней в ту зону бара, где стояли более привычные столики. Заставив себя немного сосредоточиться, я заметила мужчину не слишком высокого роста. С явно скучающим видом он сидел в компании липнущих к нему блондинок.

— Всего-навсего Род чертов Стюарт! — прошептала Гретхен и прыснула, увидев, как у меня отвисла челюсть. — Пойди скажи ему, что у тебя была его прическа, когда тебе было пять годиков, или сколько там...

— Но ты не подошла и ничего не сказала ему, я надеюсь? — хихикнул Том.

Из трубки слышалось негромкое потрескивание. Я представляла себе, как он сидит за рабочим столом и рассеянно просматривает электронную почту, пока мы с ним болтаем.

— Нет, — рассмеялась я и откинулась на спинку огромной гостиничной кровати. — Нет, конечно. А который час?

— Десять утра. А у тебя там сколько? Два часа ночи?

Я застонала.

— Завтра я буду развалиной, но знаешь что? Я и вправду веселюсь на всю катушку. Не могу поверить, неужели мы только что вернулись из клуба! Том... я моталась по клубам! Представляешь? А я уж думала, эти денечки канули в Лету!

— Ну ничего себе! — возмутился Том. — Мы с тобой были в клубе три

недели назад, когда ездили на день рождения к Шону!

— Том, — добродушно ответила я, — день рождения твоего одноклассника в маленькой тесной комнатке на вашей местной главной улице, где пахло как под мышкой, это не клуб.

— Эй! «Имиджес» — нормальное заведение. — Том рассмеялся. — Боже мой! Стоило тебе только раз навеститься в Лос-Анджелес.

— Ага, ага. — Я улыбнулась, подняла ногу и придирчиво посмотрела на нее. Обе ноги у меня до сих пор ныли. Давно я так не отплясывала. — Знаешь, девушки в команде такие славные оказались, — с энтузиазмом сообщила я. — Особенно Гретхен Бартоломью. Мы за ужином с ней замечательно поболтали. Стилистка, правда, не слишком приятная особа. Агрессивная воображала.

— Ну что ж, похоже, все здорово, — сказал Том. Судя по всему, он не очень внимательно меня слушал. — Извини, я долго говорить не могу, у меня через минуту деловая встреча, но я позвонил тому испанцу насчет комнаты. Договорились. Он завтра мне перезвонит и скажет точно, когда переезжает.

Я зажмурилась.

— Молодчина, — сказала я.

— Но все-таки я, пожалуй, заключу с ним договор — на всякий случай, в целях безопасности. И еще: я не совсем понимаю, как будет со страховкой, если мы сдадим комнату в поднаем.

— Потом все утрясем, не переживай.

— Понимаю, это скучно, Эл, — поспешно проговорил Том, — но вдруг мы уедем в «Сейнсбериз»^[15] или еще куда-то, а потом вернемся и обнаружим, что он обчистил квартиру?

О господи.

— Том, — я зевнула и перевернулась на живот, — мы можем поговорить об этом, когда я вернусь?

— Конечно, — ответил он немного раздраженно.

— Я просто устала, Том, — умоляюще проговорила я. — Вот и все. Этот вовсе не значит, что я не оцениваю, — я сделала глубокий вдох и закончила: — Важности того, о чем ты сказал.

Последовала небольшая пауза. Я догадывалась, что Том, находящийся за пять тысяч миль от меня, нахмурился.

— Порой ты такая снисходительная, — наконец выговорил он.

Я снова ненадолго зажмурилась, и мне удалось сдержать тяжелый вздох. У меня был такой веселый вечер, а он все испортил, но как я ни была разочарована и раздражена, все же чувствовала, что не сумею

устроить скандал.

— Извини, — проговорила я таким голосом, что сразу было ясно: у меня нет ни малейшего желания извиняться. А еще было ясно: «Свинья ты порядочная, Том».

— Все в порядке, — важно ответил Том. Он тоже не скрывал раздражения. — Извинения приняты. Тебе бы лучше выспаться. Хорошего полета. Спокойной ночи.

— Спокойной, — коротко отозвалась я, сердито повесила трубку и отключила телефон.

Я понимала, что он прав, — пожалуй, нам действительно стоило подумать о страховке, но, черт побери, я была в Лос-Анджелесе. Неужели я не могла позволить себе немного расслабиться?

В дверь постучали.

— Эллис? Это я, Гретхен!

Я открыла дверь. Она стояла с бутылкой шампанского и бокалами.

— Чтобы лучше спалось, — усмехнулась она и подняла руку с бокалами. — Ну, давай.

— Мне не стоит, — неуверенно проговорила я. — Завтра долго лететь, и всякое такое...

Гретхен, похоже, удивилась.

— А что, ты в самолете выспаться не можешь?

Я растерялась и явственно услышала голос Тома: «Тебе бы лучше выспаться».

— Да ладно, — искушающе улыбнулась Гретхен. — Ты ведь знаешь, что тебе хочется.

Она была права. Мне хотелось.

— Думаю, она была просто немного удивлена, — со смехом сказала я в восемь часов утра, сидя в открытом бассейне с теплой водой. Я устроилась поудобнее и старалась, чтобы шампанское и пузырящаяся вода не попадали мне в нос. — Грубо говоря, ее слишком занесло. Кстати, ты права, мне стало лучше.

Я сделала глоток шампанского.

— А я тебе что говорила? — фыркнула Гретхен. — Всегда полезно опохмелиться. Твое здоровье.

Мы чокнулись бокалами. Гретхен блаженно вздохнула и откинула голову назад.

— Ну надо же мне было что-то сказать. Она и вправду вела себя безобразно. То есть — ладно, этой бедняжке примерше действительно

больше не о чем было потрепаться, но нельзя же вот так нападать на людей. А эта стерва работала стилисткой на другой фотосессии со мной, давным-давно. Она и тогда была сучкой порядочной. — Гретхен на миг зажмурилась. — Так домой не хочется... Как нам повезло с погодой — теплынь, просто прелесть! Было бы здорово целыми днями нежиться тут у бассейна. Только представь себе: в Англии нам придется напяливать на себя колготки, теплые джемперы, а тут мы сидим в бассейне под открытым небом.

— Ой, не надо, — проговорила я, вспомнив о предстоящей зануднейшей вечеринке в честь помолвки сослуживца Тома. Мне совсем не хотелось уезжать из Лос-Анджелеса. Мне хотелось здесь остаться.

Гретхен потянулась за своим бокалом. И тут я впервые заметила выцветшие голубоватые буквы на ее левом запястье.

— Это татуировка? — любопытствовала я.

Она бросила взгляд на руку.

— Ага. Я ее сделала в семнадцать лет. Дура была.

— Подростковое бунтарство? — спросила я.

Гретхен задумчиво воззрилась на татуировку.

— Да нет, скорее со скуки. А может быть, я считала себя анархисткой — не помню. Теперь все подряд делают татушки — анархисты хреновы в семейных трусах.

— Можно посмотреть?

Она повернула руку ко мне. Я прочла: «ИЭТП» и вопросительно уставилась на Гретхен.

— «И это тоже пройдет»^[16], — объяснила она. — Кажется, это должно было напоминать мне о лучших временах и не давать впадать в депрессию.

— Довольно мудро для семнадцатилетней девчонки, тебе не кажется? — спросила я.

Если бы я в семнадцать лет явилась домой с татуировкой, родители сошли бы с ума... Скорее такой фортель могла бы выкинуть Френ.

Гретхен сдвинула брови, но тут же улыбнулась.

— Да не так уж мудро. Я была на редкость бестолковая. — Она снова откинула голову назад, нахмурилась и устремила куда-то сосредоточенный взгляд. — Бог мой! Ты только посмотри!

Я услышала шелест и шарканье, оглянулась и увидела мужчину невысокого роста, в очках, в длинном оранжевом одеянии. Опустив голову, он спокойно шел по выгнутому дугой деревянному мостику у нас над головой. За ним следовали десятеро точно так же одетых безмятежно тихих

мужчин. Это был далай-лама со своей свитой.

— Ага! — восторженно воскликнула Гретхен. — Так и есть! Он здесь! Я слышала, как кто-то из администраторов обмолвился, что он здесь остановился, но подумала, что это брех... в смысле, вранье, — проговорила она зачарованно. — Посмотри! Он в «Хаш паппиз»^[17]! — воскликнула она. — Вот это да!

Мы, как околдованные, проводили взглядом процессию, возвращающуюся в свои номера. В конце концов они скрылись из виду.

— У меня тост, — объявила Гретхен. — За хорошие времена и необыкновенные мгновения. — Она в который раз подняла бокал. — И чтобы их было побольше.

Глава 6

— Она оказалась такой милой, — восторженно рассказывала я Тому. — Вчера ночью, после того как я тебе позвонила, мы все пошли к ней в номер и еще немного выпили. Ну и стилистка — стерва жуткая, надо сказать, — вдруг набросилась на бедняжку гримершу, ни с того ни с сего, а Гретхен за девушку заступилась.

— Какая душевная история, — сухо отозвался Том. — Знаменитость заботится о маленьких людях. Практически рождественская сказка.

Я зыркнула на него.

— Ой, ладно, Эл, — рассмеялся он. — На самом деле стилистка ведь вовсе не хотела выругать эту бедную гримершу. Помимо всего прочего, очень легко заступиться за человека, который ниже тебя рангом.

Я швырнула сумку на пол и плюхнулась на диван.

— Иногда ты жутко циничен. Я только хотела сказать, что ошибалась насчет Гретхен, вот и все. Она оказалась необыкновенно дружелюбной и на редкость профессиональной. В Америке она произведет фурор, и при этом она очень милый человек. И мне очень стыдно, что я так плохо о ней говорила, не будучи с ней знакома.

— Ну хорошо, — сказал Том, бросив на стол ключи от машины. Он сел рядом со мной и искоса посмотрел на меня. — Seriously, это просто великолепно, что ты там хорошо провела время.

— Спасибо, что встретил меня. — Я потянулась к нему и чмокнула в щеку.

— Пожалуйста, — улыбнулся он и поцеловал меня в ответ. — Хочешь чая? — спросил он. Похоже, наши извинения за все случившееся прошлой ночью были высказаны окончательно. — Я думал, что ты прилетишь выжатая как лимон, а ты вроде полна сил.

Он похлопал меня по коленке и пошел включать чайник.

— Усталость пропала часа три назад, — сказала я. — Чая не хочу, спасибо.

— Между прочим, Вик звонила тебе вчера вечером.

— Отлично! — сказала я поспешно. — Я ей позвоню чуть попозже — она будет в восторге от истории с далай-ламой. Я тебе уже рассказала про это?

— Кажется, упомянула, — кивнул Том, бросив на меня удивленный взгляд. — О, и еще твоя мама звонила.

— Что? Почему? Я же и ей, и папе сказала, что улетаю. Черт возьми, никогда они меня не слушают.

— Она хочет, чтобы ты поговорила с Филом и сказала ему, как важно усердно заниматься, когда заканчиваешь университет. По всей видимости, он действительно не слишком старательно готовится к итоговым экзаменам. Я твоей маме сказал, чтобы она позвонила тебе на мобильный, но она ответила, что это будет слишком дорого, и попросила тебя позвонить ей, когда ты вернешься. А сейчас я попробую рискнуть. Давай поговорим насчет наших квартирных дел, только не нападай на меня. — Он примирительно поднял руки. — Мне нужно только сказать тебе, что наш жилец переезжает в пятницу и его зовут Пауло. То есть мне кажется, так его зовут. Когда мы говорили по телефону, у нас возникли языковые проблемы.

— Может быть, я сумею поучить его английскому, а он меня — испанскому, — обрадовалась я. — Всегда хотела освоить этот язык.

Том вздернул брови.

— Сколько кофе ты выпила в самолете?

— Кофе ни при чем. Просто я счастлива, — сказала я.

Неужели ему так трудно было в это поверить? Мне стало немного обидно из-за того, что он принимает мое приподнятое настроение за истерию, вызванную переутомлением или перебором кофеина.

— Лос-Анджелес меня омолодил! — воскликнула я. — Это ведь хорошо, или ты так не думаешь?

— Я думаю, — ответил Том. Подойдя, он поднял меня с дивана, крепко обнял и поцеловал в макушку. — Я думаю, что ты потрясающе выглядишь. И так приятно снова видеть, как ты улыбаешься. Что ж, ты продвинулась в работе, Вик летит в Париж, и все такое. Пора уже, чтобы в твоей жизни начало происходить что-то приятное. Поверь мне, Эл. — Он немного помедлил. — Впереди — хорошие времена.

— Надеюсь.

Я прижалась к его груди и зажмурилась.

— А я знаю, — сказал Том и начал слегка покачивать меня. — Тебе вправду понравилось твое путешествие в Америку? — спросил он после того, как мы с ним простояли молча несколько секунд, не выпуская друг друга из объятий.

— Да, очень, — отозвалась я. — Было просто здорово. А почему ты спрашиваешь?

— Просто так. — Он обнял меня крепче. — Просто так.

А вот Вик была слегка удивлена, когда чуть позже я позвонила ей и рассказала о своих приключениях в Лос-Анджелесе.

— А я думала, ты давно выбросила из головы всю эту гламурную чушь.

— Пыталась, — призналась я, сидя на диване, скрестив под собой ноги и прихлебывая чай. Меня немного знобило. Все-таки Англия — слишком холодная страна. Я с тоской вспомнила о теплом бассейне.

— Ну и как же вышло, что ты согласилась?

— Денежки, дорогуша, — пожав плечами, ответила я.

— Ага, греховная притягательность доллара, — пошутила Вик. — Что поделаешь. Так, стало быть, Лос-Анджелес был полон обмана, всяких чудиков и пыли в глаза?

— Ничего подобного, — ответила я. — Я чудесно провела время! Погода была великолепная — а тут я просто замерзаю, — и мы так нахотались... спасибо Гретхен. Как на нее все тарасились во время фотосессии, Вик, ты не поверишь. А ей хоть бы что. Господи, а на обратном пути, в самолете, я так мучилась похмельем...

— Похоже, ты таки оторвалась по полной. А как Том?

— Все нормально, — небрежно проговорила я. — Ну, сейчас нормально, но прямо перед моим отъездом он начал разговор насчет ипотеки. Сказал, что это не только вложение капитала, но и почти то же самое, что пожениться, — но с тех пор, как я вернулась, он больше и не заикнулся об этом. Какой-то он чудной. Ну ладно. Кстати, ты не поверишь — я своими глазами видела далай-ламу!

— Понимаю, — ответила Вик. — Кто бы мог подумать, что его святейшество тусуется в Беверли-Хиллз.

— Если точнее, в Пасадене, — поправила я подругу. — Я жила в гостинице, и мы...

— И вы нежились в теплом бассейне, и Гретхен предложила выпить за необыкновенные мгновения, — закончила за меня Вик. — Ты рассказывала. А теперь давай немножко отмотаем пленку назад. Что ты имеешь в виду? Том говорил насчет женитьбы? Это же потрясающе! А ты что сказала?

— Да ничего. И ничего в этом нет потрясающего, уж ты мне поверь. Мне только сначала так показалось. Он не попросил меня выйти за него, он сказал, что собирался сделать мне предложение, — а это большая разница. Ты же знаешь, какой он, Вик. Финансовые проблемы всегда на первом месте. В общем, как он сказал, нам стоит подумать о том, чтобы

совместно приобрести недвижимость, поскольку сейчас самое подходящее время, и мне не стоит волноваться из-за того, что что-то может пойти не так, потому что не может. — Я зевнула. — Похоже, на мне начинает сказываться разница во времени.

— Но слово «жениться» он таки произнес?

— Да, — признала я. — Но в духе прогноза погоды.

— О. Ну если так, то я тогда не буду спешить покупать шляпку к вашей свадьбе. Милый старина Том — все-то он делает как по учебнику. Какие у тебя ближайшие планы? Предстоит еще какая-нибудь интересная работенка?

— Да нет вроде, — задумчиво отозвалась я. — У Гретхен есть брат, он пишет о путешествиях и, возможно, знаком с людьми, которые могли бы мне что-то подкинуть. Она сказала, что позвонит мне. Но кто ее знает — может, и не позвонит. Знаешь, при случайных знакомствах можно много чего наобещать.

Вик промолчала.

— Эй! — окликнула я ее. — Вик! Ты меня слышишь?

— Угу, — откликнулась она.

— Паршиво линия работает, — сказала я. — Так как ты думаешь? Стоит мне самой ей позвонить? Или это будет выглядеть, словно я навязываюсь?

— Не знаю.

— Думаю, она бы тебе понравилась, Вик, — она такая забавная.

— Послушать тебя, так просто обхохочешься.

И тут, словно нарочно, зазвонил мой мобильник, лежавший рядом со мной на диване.

— О господи! — удивленно воскликнула я, увидев на дисплее имя. — Ты не поверишь, но это она мне звонит! Я лучше отвечу. Можно тебе перезвонить потом?

Я поспешно повесила трубку и схватила мобильник.

— Элис? — прозвучал звонкий голос. — Это Гретхен Бартоломью.

— Привет! — радостно ответила я. — Как ты долетела?

— О, отлично, спасибо, — сказала она. — Пара киношек, бокальчик шампанского и просто фантастический массаж ног. Я бы вышла за Ричарда Брэнсона^[18], если бы он уже не был женат... и если бы у него грива не была как у Аслана^[19]. Но ноги мне, конечно, массировал не он.

— Это я более или менее поняла, — улыбнулась я.

— А ты как долетела? Как жалко, что у нас были разные рейсы.

Я вспомнила о вонючем типе, сидевшем рядом со мной. Всеми порами кожи он источал удушливый аромат карри. Я робко попросила пересадить меня, но стюардесса, вернувшись, сказала: «К сожалению, свободных мест нет. Могу предложить одеяло, чтобы вы обернули им голову, если запах, — она кивком указала на моего соседа, — станет хуже».

Я в ужасе глянула на мужчину. Тот, явно оскорбленный до глубины души, уставился на меня. Так что одиннадцать часов протянулись невероятно долго.

— Нормально, — сказала я Гретхен.

— Отлично! В общем, я поболтала с братцем, и он мне сказал, что его тут пригласили на ланч с редакцией какого-то жутко роскошного географического журнала. Он в отъезде и пойти не может, но я подумала, может, это как раз то, что тебе нужно... И я упростила мою агентшу состряпать нам с тобой два приглашения. В следующую пятницу в Дорчестере. Ты свободна?

Оказалось, что я свободна. Очень. Я перезвонила Вик — хотела с радостью сообщить ей об этом, но она не взяла трубку — наверное, доктор Люк только что возвратился домой с работы. Роскошный географический журнал! Том был прав: приятные события поджидали меня прямо за углом!

— Слушай, мне так неловко, — сказала Гретхен, сидя на заднем сиденье такси. Она положила ногу на ногу и расправила юбку. На одном из ее высоченных каблуков сверкнула искорка. — Какое мерзкое сборище кожаных, красно-деревянных напыщенных снобов. Будто в Итоне^[20] издают журнал «Сага»^[21]. И вообще — кто теперь, черт возьми, ездит в круизы?

Я рассмеялась.

— Прощу тебя, только не расстраивайся. С твоей стороны было очень любезно устроить это для меня.

— Ну, я просто попыталась. — Гретхен пожала плечами. — Ну, мы хотя бы похихикали, правда? И для нас, в отличие от читателей этого журнала, вечер еще только начинается. Мне нужно оправдаться перед тобой. Давай-ка где-нибудь хорошенько выпьем. Тут неподалеку есть приличный клуб, а я в нем состою.

Я растерялась. Я ни разу не бывала в клубе с приватным членством, и, хотя вовсе не испытывала жгучего желания стать членом такого клуба, все же было любопытно посмотреть, что это такое. Правда, именно сегодня к нам переезжал новый сосед. Но Том был дома, он твердо решил все взять

на себя, вознамерился, как говорят, не уступить ни пяди, оговаривая условия проживания для испанца. Так что, пожалуй, мне было лучше не путаться под ногами. Пусть сам разбирается. И выпить было бы недурно. Гретхен великолепно выглядела в темно-синем платье восхитительного покроя. Так здорово было бы вечером в пятницу пропустить по рюмочке с такой красавицей. И так чудесно было снова встретиться с ней.

— Перспектива, — улыбнулась я, — мне очень нравится.

Глава 7

В клубе Гретхен нашла для нас столик с двумя глубокими креслами и заказала пару коктейлей. Я, стараясь, чтобы это не выглядело неприлично, смотрела по сторонам. На самом деле заведение не слишком отличалось от других хороших баров — ну разве что здесь было больше людей, свирепо уставившихся в экраны ноутбуков, и некоторые из официанток и барменов были необычайно хороши собой и почти чрезмерно предупредительны. И еще здесь чувствовалось тихое ожидание чего-то... Впрочем, возможно, все дело было во мне.

— Итак, — проговорила Гретхен, — расскажи, что у тебя новенького. Были какие-нибудь интересные съемки? Моему агенту, кстати, очень понравились лос-анджелесские снимки. Она сказала, что ты делала какие-то интересные фоторепортажи для желтых журналов — дома у футболистов из Суррея^[22], что-то в этом роде. Видимо, ты приобрела некоторый... особый опыт.

Гретхен сбросила туфли, уселась в кресло с ногами, отпила коктейля и стала с нетерпением ждать моего ответа.

— Можно и так сказать, — проговорила я, вспомнив ковер с монограммой и гигантский бассейн под открытым небом, возле которого решил позировать один футболист со своей супругой. Надо сказать, что к концу съемки они чуть не посинели от холода. — Исключительно одноразовое мероприятие, услуга знакомой. Я много снимаю в студии.

— А для модных журналов не работаешь? — поинтересовалась Гретхен.

— Для некоторых работала, да. Но с тех пор как я стала вольной художницей, такая работа бывает не слишком часто — раз-два в году. Они же там все чокнутые.

Я покачала головой и поудобнее устроилась в кресле.

— Еще бы, — рассмеялась Гретхен. — И никого к своей клике не подпускают небось.

— Я понимаю, почему они такими кажутся, — сказала я, подумав, — но большей частью это из-за того, что...

Прежде чем мы смогли закончить разговор, к нам подошли двое мужчин. Один из них, абсолютно игнорируя меня, возбужденно

воскликнул:

— При-и-и-и-вет, Гретх! Явилась на вечеринку?

— О! А у кого сегодня вечеринка? — с интересом осведомилась Гретхен, села прямо, вытянувшись по струнке, и, прищурившись, посмотрела куда-то через мое плечо.

— Точно не знаю. — Мужчина наморщил нос. — Но говорят, что ожидается Дэниел Крейг^[23], так кому какое дело? Хочешь, чтобы я вписал тебя?

Чувствуя себя немного Золушкой, я взяла бокал с коктейлем. Я ощущала раздражение из-за того, что мне невольно намекнули: меня на вечеринку не приглашают, хотя еще три секунды назад я понятия не имела ни о какой вечеринке.

— Да почему бы и нет? Можно было бы развлечься, — сказала Гретхен. — Кстати, фамилия Элис — Джонстон^[24]. — Она решительным кивком указала на меня, там самым заставив своих знакомых заметить мое присутствие.

— Круто.

Мужчины вяло улыбнулись мне и ретировались.

— Наверняка будет дерьмово, — заговорщицки шепнула мне Гретхен. — Такие посиделки всегда бывают дерьмовыми. Но мы можем тяпнуть еще по парочке коктейлей, а потом поглядим — может, нам удастся подцепить Дэниела.

Она вдруг стала немного похожей на Вик. Мне показалось — или в ее глазах действительно блеснули шаловливые искорки? А может быть, все было из-за того, что мы с Вик частенько усаживались вдвоем и сочиняли какие-нибудь заговоры. Но уж конечно, мы занимались этим не в клубе с приватным членством.

— Кажется, у него есть подружка, — сказала я, хотя в одном с Гретхен не могла не согласиться: Крейг был ослепительно красив.

Гретхен озорно улыбнулась.

— Уверена, она могла бы одолжить его на одну ночь. Знаешь что, давай-ка закажем бутылочку. — Она поискала глазами официанта, а когда он направился к нашему столику, добавила: — Мы же не хотим явиться туда первыми. Ладно, а теперь выкладывай всякие грязные подробности насчет модных журналов. Наверняка там с тобой случалось что-нибудь забавное.

Полтора часа спустя мы все еще болтали. От спиртного мы

расслабились, стали более откровенными и начали обмениваться разными личными историями. После одного замечания Гретхен я расхохоталась так громко, что некоторые из посетителей клуба повернулись и посмотрели на нас.

— Нет, я серьезно! — Гретхен порадовалась моей реакции и похлопала меня по руке.

— Ясное дело. — Я хихикнула и прижала руку к животу. — Извини. Продолжай.

Я вытерла глаза и попыталась сосредоточиться.

— Я хотела сказать: ты просто знала, что хочешь стать фотографом, — пояснила она серьезно. — Понимаешь?

— А как становятся телеведущими? Я не понимаю.

— Богом клянусь, — сказала она серьезно, — я никогда не хотела этим заниматься. Если бы мама меня в это дело не впихнула, я бы, пожалуй, с превеликой радостью по-идиотски пела песенки с группой в университете или чем-нибудь еще таким занималась, вот и все. Это мне по-настоящему нравилось, понимаешь? Петь.

Только она договорила, как у меня затрезвонил мобильник. На дисплее я увидела: «Папа, моб.».

— Прости, Гретхен, ты не обидишься, если я быстренько поговорю? Это мой отец — он практически никогда не пользуется мобильным — значит, что-то срочное.

— Ничего, ничего. Все нормально, отвечай.

Гретхен села прямее. Ей явно было интересно.

— Все в порядке, папа? — проговорила я, нажав кнопку ответа.

— Нет, еще как не в порядке. Ты брала машину?

— Что? Твою машину? — спросила я, абсолютно обескураженная вопросом. — С какой стати мне могла понадобиться твоя машина? Я в Лондоне! Ты прекрасно знаешь, что я уже восемь лет не живу дома.

Гретхен вздернула брови. Как ни странно, на секунду я обрадовалась. Но тут вспомнила, что мне вообще-то двадцать восемь, поэтому вовсе не к лицу выпендриваться перед новыми подружками. Да и отец, похоже, не шутил.

— Гм, — проговорил он. — Ну конечно, я не думал, что это ты сделала, у тебя все-таки с головой все в порядке, но я только что вернулся — выгуливал собаку, — а ее нет.

— Машины или собаки? — попыталась уточнить я.

— Машины! — раздраженно буркнул отец. — Я сейчас на том самом месте, где она должна стоять. Мама взяла свою машину и поехала по

магазинам, Френсис вообще водить не умеет, а значит, машину либо угнали, либо твой полоумный братец явился домой и стибрил ее. Ты с ним сегодня говорила?

— Нет, — ответила я. — Мама сказала, что он в эти выходные приезжает домой из универа. Пап, можно, я тебе перезвоню? Просто я...

— Я так и знал! — Отец не дал мне договорить. — Треклятый мальчишка!

Он прервал связь.

Я недоуменно покачала головой и положила мобильник на стол.

— Извини, пожалуйста. У отца выдался нелегкий денек.

— Не переживай, — весело посоветовала мне Гретхен. — У моей мамы уже пятнадцать лет подряд нелегкие деньки. Родители... Если бы можно было без них.

Она усмехнулась и хлебнула порядочно коктейля.

— Ну так на чем мы остановились? — попыталась я вернуться к прерванной беседе. — И кстати, как идет твоя кампания по завоеванию Штатов?

— О, вряд ли из этого что-то выйдет, — сказала Гретхен, небрежно махнув рукой. — Это моя агентша придумала — создать искусственную шумиху, чтобы все выглядело так, будто бы все меня хотят... Ведь люди обычно гоняются за тем, чего, как им кажется, хотят другие, такова уж природа человеческая. А я вовсе не жажду перебираться на другую сторону планеты. Правда, было бы неплохо хоть немного удалиться от родителей...

— Это точно! — Я усмехнулась и кивком указала на лежащий на столе мобильник.

— Вот именно, — согласилась Гретхен. — Ты меня понимаешь. Но по братцу я все-таки скучаю.

— Одна из моих подруг только что переехала в Париж, — сказала я. — Со своим дружком.

— Вот видишь, а мне даже некого было бы с собой прихватить. Ну да, я встречалась с одним балбесом из мальчишковой группы — полным уродом. Это было все равно что ходить на свидания к выпендренной сосиске, которая воображает, будто умеет петь.

— Кажется, я читала про то, что ты с ним встречаешься, — проговорила я осторожно. Мне не хотелось притворяться, будто я ничего про это не знаю, но и обидеть Гретхен тоже не хотелось.

— Еще бы, — невозмутимо отозвалась Гретхен. — Но где бы ты про это ни прочла, там наверняка ни слова не было сказано о том, что он, к примеру, четыре часа в день репетировал. А как-то раз он в туалете бегал

трусцой на месте, потому что не успел позаниматься в тренажерном зале. В промежутках между репетициями и тренажерным залом он желал говорить исключительно о своей музыке, хотя на гитаре мог сбацать только «Smoke on the Water»^[25] — а носил лишь такие тряпки, которые одобряли менеджеры группы. Короче, мужа из него все равно не получилось бы. И еще он жутко психовал из-за того, что я пою лучше его.

Она усмехнулась.

— Но если ты так любишь петь, почему бы тебе не заняться собственной музыкальной карьерой?

Я легко могла представить себе, что из Гретхен получится идеальная поп-принцесса.

Она покачала головой.

— Представляешь, какой разнос мне бы устроили в массмедиа? «Телеведущая становится певицей». Мне бы стали давать только сообщения о новинках, а потом — не успеешь выговорить «пантомима», как твоя карьера уже в унитазе. А вообще — жалко, конечно. Когда пою, я словно на гребне волны... просто совершенно свободна. В такие моменты можешь почти осознать, кто ты такая, кем можешь стать. Это вроде наркотика. И в самом деле, порой ты и вправду словно под наркотой, но все равно ощущения делаются словно бы сильнее и ярче. Обожаю такое состояние. Когда все будто бы обретает смысл. Становится абсолютно ясно, что ты сможешь сделать, чего можешь добиться. Понимаешь?

Вообще-то она не адресовала этот вопрос мне. Она уставилась в одну точку и словно бы созерцала то искушающее состояние, которое только что так ярко описала. Я с любопытством смотрела на нее; она вдруг стала более спокойной и задумчивой копией самой себя.

— Конечно, никогда не поздно, — проговорила я после небольшой паузы. — Я, к примеру, никогда не думала, что начну работать сама по себе, но сделала это и ни на секунду не сожалею.

— О, и я вовсе ни о чем не сожалею, — торопливо отозвалась Гретхен. — Сожаления — это не по моей части. Напрасная трата времени и энергии. Но ты молодец, что поступила так храбро. Ты должна гордиться собой. — Она допила коктейль и вдруг снова стала озорной и веселой, будто чуть раньше выключилась, а теперь опять включилась. — Спасибо, что позволила мне пооткровенничать. Ну все, нам пора пойти повеселиться. Пока мы тут с тобой рассказываем друг дружке про наши «бондианы», настоящий Бонд уже, наверное, в соседнем зале. Кто первым его увидит, за тем и первый ход. Идет?

Наблюдать за тем, как Гретхен входит в зал... Это был просто мастер-

класс по тому, как произвести фурор, а она словно бы и не стремилась к такому эффекту. Она замерла на пороге ровно на столько мгновений, чтобы все ее заметили, улыбнулась кому-то знакомому и стремительно прошествовала к середине зала. Ее длинные светлые волосы пружинисто подпрыгивали, словно ее сейчас снимали в видеоклипе. Гости расступались, давая ей дорогу. А я прошла к боковому бару и заказала себе выпивку, чтобы иметь возможность спокойно наблюдать за происходящим. Вокруг меня люди смеялись, обменивались рукопожатиями, посылали друг дружке воздушные поцелуи, смотрели через плечи соседей, кто еще пришел. К сожалению, Дэниела Крейга не было и в помине. Присутствовал только Крейг Дэвид^[26], а это совсем не одно и то же.

— Похоже, брехня, — сообщила Гретхен, появившись возле меня десять минут спустя. — Ты его видела?

— Нет, — покачав головой, ответила я. — А вот выпивка тут классная.

— Небось они в каком-нибудь зальчике для VIP-персон. — Гретхен задумчиво огляделась по сторонам. — Тут есть приватные помещения.

— В клубе с приватным членством? — хихикнула я. — Сколько же нужно приватности? Да тут как в контрразведке!

Но прежде чем она успела мне ответить, послышалось громкое: «Леди и джентльмены!» — от входа в зал, и мужчина, лицо которого показалось мне смутно знакомым, проговорил в микрофон:

— Приветствую вас от имени Общества защиты бенгальского тигра, поставившего своей целью сберечь этих прекрасных зверей, дабы ими могли любоваться будущие поколения. Начинаем аукцион.

— Пошли! — прошептала Гретхен. — Пойдем оглядимся как следует, пока они отвлекутся.

Она схватила меня за руку, и я довольно неохотно последовала за ней. Не то чтобы мне не хотелось пройтись по клубу. Когда я была маленькая и родители таскали нас на экскурсии по замкам, где дули жуткие сквозняки, и по зданиям Национального треста^[27], ничто не привлекало моего внимания сильнее, чем двери с табличками типа «Служебное помещение» или «Посторонним вход воспрещен». Мне всегда казалось, будто за этими дверями начинаются какие-нибудь потайные коридоры. Бывало, мне хотелось скользнуть за какую-нибудь из таких дверей и посмотреть, что за ней происходит, но и тогда, и сейчас вовсе не хотелось нарваться на неприятности.

Но когда мы подошли к выходу из зала, аукционер произнес:

— Наш первый лот — пара туфель от Кристиана Лабутена^[28] с

автографом. В дождь, дамы, вы их носить не захотите! Быть может, для рождественского подарка еще слишком рано?

Гретхен остановилась как вкопанная, резко развернулась и сказала:

— Постой, минутку.

Она удержала меня за руку.

— Начальная цена — пятьсот фунтов. Кто даст такую цену? — бодро осведомился ведущий аукциона.

Я покачала головой. О таких туфлях можно было только рыдать в голос. Разве не проще было спасти тигров, где бы они ни находились, сделав прямое пожертвование.

— Благодарю, мадам, пятьсот фунтов, — мгновенно произнес ведущий, указав, как мне показалось, прямо на меня.

Я от удивления раскрыла рот — я ведь даже головой не качнула! Но тут же поняла, что ведущий аукциона обращается к Гретхен, стоящей рядом со мной. Она взволнованно кусала губы и чуть-чуть подпрыгивала на месте, поднимая руку. Пятьсот фунтов! Она что, сбрендилась?

Но если так, то сбрендилась не только она. Еще несколько женщин, как выяснилось, мечтали заполучить эти красные лодочки, и цена быстро подскочила до полутора тысяч. Я окончательно протрезвела и не могла поверить собственным ушам. Тигры, спору нет, были достойны благотворительности, но...

А потом все понеслось на бешеной скорости. Ведущий аукциона, крайне довольный тем, как идут дела с самым первым лотом, дерзко поднял планку до двух тысяч фунтов — и Гретхен кивнула. Я осторожно прикоснулась к ее плечу.

— А вдруг они не подойдут тебе по размеру?

— Какая разница? — хмыкнула она. — Возьму и куплю себе новые ноги.

Другая женщина назвала цену две тысячи сто. Гретхен сдвинула брови и порывисто выкрикнула:

— Пять тысяч фунтов!

По залу прокатился одобрителный гомон. Люди начали оборачиваться, глазеть на нас. Я чуть не выронила бокал с коктейлем. Подумать только, сколько фотографического оборудования я могла закупить на такие деньги!

Ведущий лучисто улыбнулся Гретхен.

— Чудесно! Пять сто никто не предложит?

В зале воцарилась выжидательная тишина. Все молчали.

— Тогда... один... два... три... Продано очаровательной даме за пять

тысяч фунтов!

Гретхен возбужденно рассмеялась.

— Вот это да! — вскричала она. — Это даже лучше, чем Дэниел Крейг!

С таксистом мы договорились, что он сначала отвезет домой меня, а потом Гретхен. Гретхен выкурила сигарету, погладила свои новые туфли и сказала:

— Просто прелесть.

Я покачала головой. В салоне такси было темно.

— До сих пор не могу поверить, что ты сделала это.

Гретхен откинула голову на спинку сиденья.

— Понимаю... Надо было послушаться тебя. Но в конце концов, это ведь всего-навсего деньги. И в итоге вечер получился просто волшебный.

— Это точно!

И действительно, так и было. Настроение у меня поднялось, сердце словно бы пело от счастья, и это напомнило мне о Лос-Анджелесе.

Гретхен неожиданно перешла на серьезный тон.

— Эл, — сказала она, — я должна тебе кое в чем признаться. Обещаешь, что не возненавидишь меня?

— Обещаю, — заинтриговано проговорила я.

— Понимаешь, я вроде как пригласила тебя сегодня, потому что подумала — если все будет выглядеть так, словно я оказываю тебе помощь, то ты смогла бы свести меня с кем-нибудь из модных журналов. Ты просто не представляешь, как чертовски трудно добиться того, чтобы тебя сочли хорошей моделью, если только ты не замужем за Брэдом Питтом^[29], или не обладательница «Оскара», или еще что-нибудь в этом роде. А мне действительно нужно повысить мой статус.

— О, — выговорила я. И мне сразу стало паршиво. Гретхен тут же перестала напоминать мне Вик.

— Прости, — продолжила она чуть стыдливо. — Это было немного подло с моей стороны. Ой, только не над о делать такое лицо! — Она крепко сжала мою руку. — Я знаю, что ты обо мне думаешь, но мне на самом деле было весело. Правда, правда! — В ее голосе звучало как будто искреннее удивление. — И в Лос-Анджелесе мы прекрасно оторвались. И еще кое в чем я должна тебе признаться: эти туфли мне велики на полразмера. У тебя какой размер? Хочешь их?

Она протянула мне туфли.

— Глупости! — возмутилась я. — Вложишь стельку или еще что-нибудь придумаешь. Вот только ума не приложу, как ты компенсируешь

пять тысяч, которые отвалила за них, чокнутая.

Гретхен пристально воззрилась на меня.

— Ты на меня не обиделась? Друзья?

Я растерялась.

Она нетерпеливо ждала, судорожно сжимая в руках пару туфель от Лабутена. Ее профиль темнел на фоне окна такси. Ей просто-напросто хотелось сняться с задранными ногами на обложку глянцевого журнальчика в этих бессмысленных, идиотских туфельках... а потом она снизошла до честности и решила во всем признаться. И ведь небось говорила именно то, что хотела сказать. Но с другой стороны — какая разница? Мне с ней было хорошо. Так редко встречаешь по-настоящему интересного человека, который бы вдобавок умел слушать. Яркие новые друзья вроде Гретхен не каждый день падали мне с неба, и к тому же разных друзей для разных дел не бывает. Не все знали меня насквозь, как знала Вик, не все могли оказаться рядом, случись что. А Гретхен была явно отличной напарницей для кофе и коктейлей.

— Друзья, — ответила я.

Глава 8

Я решаю, что все из-за запаха — больничного запаха, который я не переношу. Я закрываю глаза и пытаюсь глубоко дышать ртом.

Том не может сидеть спокойно рядом со мной. От паники, страха и беспомощности он то вздрагивает, то привстает и тут же садится. Я чувствую каждое его движение, потому что мы держимся за руки — крепко-крепко, словно от этого зависит наша жизнь. К счастью, в помещении для родственников, где мы сидим, больше никого нет. Стены здесь бледного мятно-зеленого цвета. Мне кажется, что холодно, хотя вдоль стен висят старомодные металлические батареи. Я дрожу. Повсюду в изобилии разложены глянцевые журналы. Небольшая стопка лежит на автомате с прохладительными напитками и кофе. Несколько стульев и маленький столик стоят впритирку вдоль стены. Слева от меня сидит Том.

Мы оба настолько напуганы, что впервые за все время нам нечего сказать друг другу. Зубы у меня начинают постукивать. Я пытаюсь стиснуть их, но не получается. И мне, и Тому невыносимо думать о том, что может происходить за дверью этой комнаты, дальше по коридору. У меня перед глазами стоит красная линия на экране монитора — плоская, ровная, тянущаяся через середину экрана. Непрерывающаяся, неоспоримая, окончательная. Я пытаюсь думать о чем-нибудь, хоть о чем-нибудь другом и по какой-то невыносимой причине представляю, как мы с Френ и Филом в детстве кружимся на карусели около дома. Фил отталкивается ногами от земли и разгоняет нас все сильнее и сильнее... и вдруг поперек нарисованной мною картинке протягивается красная черта и разрезает ее на две половинки.

В этот момент открывается дверь и входит весьма реальная медсестра. Красная черта сразу исчезает. Я отчаянно вглядываюсь в лицо медсестры, ищу хоть какой-нибудь ответ... Она улыбается? Или сочувственно хмурит брови, готовая помочь нам пережить то, что мы сейчас услышим? «Простите, мы делали все, что могли, но...»

Медсестра подходит к нам и садится рядом. И потом все происходит — я даже не успеваю вообразить, что будет дальше.

— У Гретхен была проблема с сердцем, — говорит медсестра и добавляет: — У нее была остановка сердца.

Вокруг меня все замедляет ход. Меня словно посадили в ледяную ванну. Слова медсестры звучат откуда-то издалека. Я смотрю ей в глаза, а ощущение у меня такое, словно она говорит под водой. Я так крепко сжимаю руку Тома, что, наверное, делаю ему больно.

— Теперь ее сердце снова бьется нормально, — продолжает медсестра. Я слышу ее голос четче, словно всплываю на поверхность из глубины. — Однако, — продолжает она, — мы озабочены тем, что это вообще произошло. Гретхен, очевидно, приняла очень сильные лекарства, раз они так подействовали на ее организм. — Медсестра озабоченно сдвигает брови и ждет, пока мы уясним смысл сказанного. — Но поскольку она в коме, это не принесло ей дополнительных страданий.

Медсестра снова делает паузу. Как будто от понимания этого что-то меняется. Ничего не меняется.

— Сейчас с ней все хорошо? — задает Том единственный вопрос, имеющий значение.

— Нам удалось стабилизировать ее состояние.

Том храбро смотрит на медсестру.

— Это может повториться?

— Да, может. Но она молода и сильна, и это большой плюс для нее. Как только врачи закончат все процедуры, я приду за вами и снова отведу вас в палату. Хорошо? — Она подбадривающе улыбается. Конечно, неудивительно, что она так невозмутима, — она гораздо опытнее и старше нас. Я бы дала ей лет тридцать пять. — И знаете, для вас ситуация на самом деле тяжелее, чем для нее.

Мне хочется истерически расхохотаться. Я провожаю взглядом медсестру, на ходу поправляющую немного осветленные волосы. Аккуратно и равнодушно ступая, она покидает комнату, наполненную нашим страхом.

Том встает, сует руку в карман и вынимает несколько монет. Подходит к автомату, сует монетку в щель и подносит пластиковую чашку к отверстию, откуда выливается светло-коричневая жидкость. Высыпав в чашку три пакетика сахара, Том начинает помешивать чай пластиковой ложечкой.

— Ты бы тоже попила чего-нибудь, — советует он мне. — Лучше станет.

Чай из автомата имеет цвет смолы, сильно разбавленной водой, а пахнет горелыми автопокрышками, но он хотя бы теплый. Я обхватываю чашку пальцами и даже делаю маленький глоток. Том обессиленно опускается на стул рядом со мной. Концентрация адреналина падает,

наваливается опустошение.

Мы еще некоторое время сидим молча, потом Том говорит:

— Ты им все рассказала про Гретхен?

Похоже, мысли об этом все еще мучили его.

— В смысле, что она не в первый раз пыталась это сделать?

Это то же самое, что попробовать открыть дверь, на которой написано: «Посторонним вход воспрещен». Мне кажется, неприлично говорить о столь интимных секретах из прошлого Гретхен в таком же тоне, как если бы он у меня спросил: «Ты говоришь, у нее аллергия на аспирин?» Я знаю, что Тому, как и мне, совсем не хочется это делать.

Он с трудом кивает.

— Значит, они знают, что...

— Том, — говорю я, чувствуя, как кружится голова. — Я рассказала им все, что могла.

Строго говоря, это правда.

— Я не сержусь, Эл. Я просто пытаюсь придумать хоть что-нибудь, чем мы могли бы ей помочь.

Глядя на него, отчаянно пытающегося найти хоть какой-то смысл в происходящем, я ставлю чашку на столик, беру журнал, кладу на колени. Но у меня опять наворачиваются слезы, улыбающееся лицо модели на обложке расплывается. Вот-вот мои слезы начнут капать на обложку старого журнала. Изображение становится похожим на бескрайние песчаные дюны. Обложка хрустящая и хрупкая, словно древняя кость. Чего только не было пролито на нее, что только на ней не высохло.

Перед моими глазами возникает рука Тома. Он берет у меня журнал и кладет его на столик, обнимает меня за плечо и притягивает к себе. Я начинаю всхлипывать, а он тихо шепчет:

— Ш-ш-ш... Все будет хорошо, вот увидишь.

Но я не вижу. Я ни капельки не вижу, как все может стать хорошо, и его утешения для меня почти невыносимы. После всего, через что я заставила его пройти... как будто того было мало, так теперь еще и это... Что я за человек?

— Ее мама и папа, — произносит Том. Он все еще пытается мыслить рационально. — Им обязательно нужно приехать сюда. Бэйли им...

Имя брата Гретхен он произносит скованно.

— Думаю, да. Уверена, он им сообщил.

Я чувствую, как Том напрягается. Он крепче прижимает меня к себе.

— Ты так думаешь, но...

— Том! — обессиленно выдавливаю я. Он понимает меня совершенно

неправильно.

— «Том, Том»! — гневно восклицает он. — Не надо! Если бы он просто взял и приехал к ней, как собирался! Ведь говорил же, что придет! — Он отпускает меня. — Может быть, он бы раньше ее нашел! До того, как она что-то натворила с собой... пока она просто была пьяна!

— Это несправедливо, Том, — говорю я. — Он не виноват в том, что...

— Вот уж нет! Еще как виноват! — взрывается Том. — Вина целиком и полностью на нем! Его не было, хотя он обещал приехать! Он никогда не думает ни о ком, кроме себя, ему люди нужны только для собственной карьеры. — Он так крепко сжимает кулак, что костяшки пальцев белеют. — В этом, черт возьми, весь он!

Я немного выжидаю, а потом спокойно говорю:

— Он просто опоздал на самолет, Том. Вот и все. Ты имеешь полное право злиться на него за... — я с трудом подбираю нужные слова, — за все остальное. Он не допустил бы, чтобы с Гретхен случилось что-то подобное. Когда я с ним говорила, то почувствовала, как он испуган.

Пауза. Том стискивает зубы.

— Другим удастся быть надежными и делать то, чего от них ждут, а он почему не может? Что в нем такого офигительно особенного?

Последние слова он чуть ли не выкрикивает. Разве можно так громко говорить в этой комнате? Я стыдливо смотрю в пол. Я не уверена в том, что вопрос не риторический. Или он все же хочет знать мое мнение?

Глава 9

— Элис Джонстон! — Голос Гретхен в телефонной трубке прозвучал беззаботно. — Это я. Тут такое дело... Ты свободна сегодня утром?

— Могу освободиться, — ответила я и повернулась в кровати. Тома не было. Уже ушел на футбольную тренировку. — Особых планов у меня нет. Только пробежаться собиралась.

— Пробежаться? — изумилась Гретхен. — Это тебе на кой черт сдалось?

— Так ведь март! Мама меня так закармливает на Рождество, что я толстею и потом могу ходить только в огромных свитерах, а в следующую субботу она впихнет в нас гигантское количество пасхальных яиц. Не успеешь оглянуться — а уже пора надевать бикини, и тогда мне захочется себя убить.

— Ой, не будь занудой, — небрежно проговорила Гретхен. — Все эти пробежки — такая гадость. Пойдем лучше выпьем кофе с пирожными. Я скоро встречаюсь с братом и хочу, чтобы ты тоже пришла. Сможешь сама поговорить с ним насчет нужных контактов. Мне понадобилось всего четыре месяца, чтобы договориться с ним, но главное, что твое терпение, моя дорогая, принесло свои плоды.

— Наконец, — сказала я, — потому что в промежутке пришлось дружить с тобой, а это было нелегко.

Гретхен рассмеялась.

— Да. Я не подарок. Извини. Но лучше поздно, чем никогда.

— Грет, — сказала я и зевнула. — Я с радостью приду и выпью с тобой кофе, потому что забавно будет наконец познакомиться с твоим братом — но только поэтому. А потом не хочешь проехаться со мной по городу? Мне нужно кое-что купить.

— Что-нибудь занятное или, наоборот, занудное фотографическое? — с подозрением осведомилась Гретхен.

Я засмеялась.

— Занудное фотографическое, но мы могли бы заглянуть и в какие-нибудь симпатичные магазинчики, если хочешь.

— Идет! — радостно откликнулась Гретхен. — Звучит заманчиво. — Я с Бэйли встречаюсь примерно в половине двенадцатого. Ты успеешь?

Конечно, я бы очень даже успела, я бы даже раньше времени пришла, если бы мне не позвонила мама и не задержала меня разговором о том, что Френсис подала в суд на семейную химчистку за то, что там порвали подол ее свадебного платья. Это было довольно странно, как сказала мама, ведь с дамой, хозяйкой этой химчистки, Френ ходит по вторникам в группу похудания. В общем, мама просила меня позвонить Френ и попытаться ее вразумить.

В результате ровно в половине двенадцатого я выбежала из станции метро и поспешила по адресу, который продиктовала мне Гретхен. Бледное солнце пыталось пробиться сквозь слой нерешительных облаков. Я одну за другой миновала витрины магазинов. Магазины становились все меньше и роскошнее. Вывески у всех были пафосные, самоуверенные, и продавались здесь не те вещи, которые вам нужны, но такие, какие вам сразу жутко хотелось иметь: шоколадные конфеты ручной работы, ручной же работы шляпки, дорогущее вино, авторские ювелирные украшения... Это был один из районов Лондона, которые, согласно утверждениям их обитателей, уютны и похожи на маленькие городки, но именно про эти районы чаще всего пишут в приложениях к журналам на страницах, касающихся жизни высшего общества.

Лично я себя не очень уютно чувствовала в промокших, холодных лодочках. Оказалось, что это далеко не идеальная обувь для прогулок под дождем. Дождь настиг меня, пока я шла от дома до метро. Как только началась весна, я мечтала одеться по-парижски, а теперь дрожала в дурацком легком пиджачке. Так приятно было в конце концов войти в кафе — правда, для начала пришлось повозиться с неподатливой дверью. Похоже, она разбухла от сырости. Так что внутрь я, можно сказать, почти влетела, хотя собиралась войти незаметно.

Меня окутал пьянящий аромат жареного кофе. Уже накачанные кофеином посетители деловито просматривали газеты, сидя перед тарелками с горками еды, а разгоряченные, забежавшие официантки пытались рассадить вновь прибывших, при этом держа в руках подносы с чашками грозящего пролиться капучино. Я пробежалась взглядом по залу и увидела Гретхен. Она сидела за столиком у дальней стены зала и махала мне рукой.

Она была в чуть поношенных, искусно состаренных коротких кожаных сапожках на босу ногу (ноги у нее были гладкие и загорелые). Поверх хлопкового кремового платья-туники в национальном стиле — просторный кардиган ручной грубоватой вязки. Казалось, он того и гляди сползет с хрупких плеч Гретхен. На шее — длинная нитка ярких бус,

местами перепутавшихся с прядями распущенных волос. Она сидела, крепко обхватив руками дымящуюся чашку с кофе. Она явно была очень рада видеть меня. Как обычно, и мужчины, и женщины всеми силами старались не пялиться на нее, но если она и замечала это, то виду не подавала.

Гретхен поставила чашку на столик, вскочила и крепко обняла меня.

— Привет! — воскликнула она. — Ты вовремя. Я как раз собралась соблазниться и заказать невероятный миндальный круассан. Да ты хоть посмотрела, какие тут пирожные?

Она показала в сторону барной стойки. Я с любопытством обернулась. Гретхен была права: пирожные выглядели восхитительно. Огромные печенья в виде колес — блестящие, покрытые поблескивающими сахарными чешуйками, булочки со снежными горками взбитых сливок, нежные маленькие кексы, украшенные вишенками и ягодками дягиля.

Я села напротив Гретхен, лицом к двери, и отметила:

— У тебя сегодня отличное настроение. Есть хорошие новости насчет американского балета на льду?

— Не-е-е-ет. — Гретхен скорчила рожицу. — Пока тишина. Но правда, вчера меня пригласили в качестве гостя в «Охоту за привидениями».

— О! Ты согласилась?

— Зачем? Чтобы торчать в каком-нибудь темном полуразвалившемся сарае, пока команда в инфракрасном свете снимает, как их «эксперт» опрокидывает стол, а потом утверждает, будто его атаковало привидение! — Гретхен вздернула брови. — Пока до этого, конечно, не дошло — хотя мне никто не говорил, что переход от детских программ к взрослым будет таким тяжелым. Кстати, ты чего хочешь выпить и поесть?

— А нам не стоит дожидаться твоего брата? — спросила я.

Гретхен небрежно махнула рукой.

— Он уже здесь. В сортир пошел. Ой, ладно, не будем. — Она взглянула за мое плечо и улыбнулась. — Бэй, это моя подруга Элис — та самая, про которую я тебе рассказывала. Элис, это мой брат Бэйли.

Я обернулась и увидела стоящего справа от меня высокого мужчину. Он дружески улыбался. У него были растрепанные волосы песочного цвета, пряди которых падали на заспанные зеленые глаза. Вид у него был такой, словно он только что проснулся и слез с кровати. На нем была белая футболка с весьма выцветшим изображением волны. Когда он протянул мне руку, я увидела бледный шрам, тянущийся вверх от запястья.

«Наверное, поранился, забираясь на скалы, или сплавляясь по бурной реке на плоту, или занимаясь еще каким-нибудь видом спорта, связанным с

выбросом адреналина», — подумала я, поскольку весь облик Бэйли заставлял предположить, что он из людей, склонных к экстремальным занятиям.

Он заметил, что я смотрю на его шрам.

— Гретхен столкнула меня с хоппера^[30], потому что я ей не давал попрыгать, — объяснил Бэйли. — И я поранился о камни.

А я ожидала совсем не такого объяснения. Бэйли зевнул и по-кошачьи потянулся.

— Ох, — вздохнула я, смутившись из-за того, что так неприлично уставилась на его шрам.

— Наверное, глубокая была рана... Сколько же вам было лет?

— Двадцать шесть. — Он смущенно улыбнулся. — Приятно познакомиться с вами, Элис, и прошу прощения за то, что я так бесцеремонно зеваю. — Он наклонился к столику и чмокнул меня в щеку, уколов жесткой щетиной и обдав ароматом дорогого лосьона после бритья. — Я только что с самолета. Сдвиг во времени.

— Не обращай на него внимания, Эл, — посоветовала мне Гретхен. — А ты садись, хватит паясничать, Бэй.

Бэйли с шутливым протестом вскинул руки, потом выдвинул стул и уселся.

— Грот мне сказала, что вы фотограф. — Он протянул руку и сграбастал чашку сестры. — Какая ты умница, что дождалась меня и Элис, — язвительно похвалил он ее. — Нахалка, — добавил он и поставил чашку на место. Затем с интересом быстро глянул на меня и столь же быстро отвел глаза. — А там не наш официант?

Он посмотрел мне за спину.

— А можно меня так не называть? — вздохнула Гретхен. — Между прочим, если ты до сих пор не заметил, мне уже не шесть лет. А сам в сортире проторчал сто лет, я уж думала, ты в унитаз свалился. Сейчас я кого-нибудь позову.

Она резко поднялась и направилась в сторону выхода. Официант восхищенно уставился на нее, как и все сидевшие за столиком, который он в данный момент обслуживал. Я заметила, как одна из девушек прикрыла ладонью рот и что-то прошептала подружке, а та откровенно вытаращила глаза, узнав Гретхен, и обе принялись оживленно перешептываться. Я уже начала привыкать к тому, что люди открыто говорят о Гретхен так, словно ее нет рядом, но все же еще не дошла до такой стадии, чтобы совсем не замечать этого — как сама Гретхен.

— Дерьмово, — сказал Бэйли, проследив за моим взглядом. — Слава

богу, она не такая знаменитая, как Том Круз^[31]. Понятия не имею, почему ее это не беспокоит, но она утверждает, что нет. Когда я впервые прочел в Интернете всякие комментарии о ней — а писали люди, которые с ней не были знакомы, мне жутко захотелось найти их и поколотить так, чтобы от этих подонков мокрого места не осталось. А знаешь — кстати, давай на «ты», ладно? Так вот, знаешь, ведь самые грязные вещи пишут женщины. Как же насчет женского братства? Что с ним стало?

Я пожала плечами и улыбнулась — хотелось верить, что улыбка получилась загадочной, поскольку ничего более умного мне в голову не пришло.

— Похоже, ты знаешь, с какой стороны лучше смотреть в фотоаппарат, — весело проговорил Бэйли. — И какая же у тебя работа?

— В данный момент? — уточнила я и кашлянула. — Да много всякого: товары, люди, объекты. Работала для крупной фотостудии, но недавно ушла на вольные хлеба.

— Снимаю шляпу, — кивнул Бэйли. — Ну и как?

— Неплохо, спасибо. Вот только то и дело приходится ради денег соглашаться на всякую ерунду, от которой я не в восторге, но, с другой стороны, у меня не так много времени на поиски работы, которой мне хотелось бы заниматься.

— Ты про видовые съемки? Да, Гретхен говорила. Что ж, я с радостью снабжу тебя именами пары-тройки редакторов, для которых пишу. Какой из этого выйдет толк, сказать не могу, но хоть что-то.

— Конечно, — с благодарностью ответила я. — Очень мило с твоей стороны.

Бэйли пожал плечами.

— Да ну, ерунда. Рад помочь.

Вернулась Гретхен.

— Через секунду он подойдет. А мне нужно по-маленькому. Я быстро.

Бэйли проводил сестру взглядом.

— А ты давно знакома с моей сестрицей?

— Около четырех месяцев.

Бэйли рассеянно взял бумажную салфетку и принялся складывать и разворачивать ее длинными тонкими пальцами. Руки у него были удивительно аристократические.

— Мы познакомились во время фотосессии в Лос-Анджелесе, — добавила я. — В конце ноября.

— А-а-а, — понимающе протянул Бэйли и обнял спинку стула Гретхен. При этом край его футболки немного приподнялся, и обнажилась

полоска загорелой кожи на животе. Заметив мой взгляд, он и не подумал одернуть футболку.

— В горы не поднималась? Там есть где побродить.

— Со временем было туговато, — объяснила я и вспомнила, как мы нежились в теплом бассейне и пили шампанское. — Придется совершить прогулку в следующий раз. Наверное, для того, кто описывает свои путешествия, это самое замечательное? Думаю, ты знаешь все самые красивые места, где стоит побывать.

— Типа того. Моя работа и правда дает мне отличную возможность помотаться по миру. — Он улыбнулся и посмотрел на меня в упор. — А мир так красив. Если бы мне удалось дожить до ста лет, я бы все равно не увидел всего, что хочется увидеть. Я недавно вернулся из Танзании. Ты в Африке бывала?

Я кивнула.

— Но не в Танзании. Как там?

— Невероятно. Пару раз я поднимался в горы ночью. Воздух кристально прозрачный, холодно. Сидел у костра под звездами, а потом, днем, мы спустились в кратер Нгоронгоро^[32] — это десять на десять километров. Огромная чаша. Там полным-полно самых немислимых животных — слоны, бегемоты, львы... кого только нет. Совершенно дикие, и внимания на людей не обращают.

— Вот это да, — восхитилась я. — Тебе повезло.

— Знаю! — Бэйли восторженно закивал — В пять часов утра я сидел на заднем сиденье джипа и сжимал в руках бинокль. Мы мчались по равнине, а я думал: «Чувак, и ведь тебе еще и платят за это!» Жизнь прекрасна. Да, я везунчик.

Он улыбнулся, отвел взгляд от меня и посмотрел на идущего к нам официанта.

Я позволила себе украдкой глянуть на Бэйли. Из-под краешка рукава на его руке выглядывала татуировка.

«Интересно, а он, как и Гретхен, жалеет о том, что сделал наколку?» — подумала я.

Что представлял собой рисунок, я не могла понять. А руки у Бэйли были очень крепкие. Я оторвала взгляд от татуировки и увидела, что Бэйли снова заметил, как я его изучаю.

— У тебя такие красивые бицепсы... в смысле, татуировка! — в смущении пролепетала я.

Бэйли рассмеялся, но прежде чем он успел что-то сказать, к нашему столику наконец подошел официант.

— Здравствуйте! — произнес он с сильнейшим акцентом — я не сумела понять, с каким именно. — Ну и что мы сиигодня будним куушать? — осведомился он, держа ручку над блокнотиком наготове.

Мне стало жарко под насмешливым взглядом Бэйли.

— Мне кофе и лопату, пожалуйста, — сказала я. — Хочу вырыть себе норку поглубже и зарыться в нее, а этого маловато будет. — Я показала озадаченному официанту чайную ложечку Гретхен.

Бэйли улыбнулся.

— Э-э-э... — Официант явно смутился не на шутку. — Хотиите ложку побоольше?

Он протараторил это так быстро, что я едва поняла его.

— Нет-нет. Я хотела сказать, что мне нужна... другая ложка.

— А эта лоожка грязная? — в ужасе воскликнул официант, выхватил у меня возмутительный предмет, поднес к свету и подозрительно прищурился. — Мадам! Прошу прощения!

— Она имела в виду, что нужна другая ложка, — пояснил Бэйли и указал на ту, которую держал официант. — Этой недостаточно.

— А-а-а! — просиял официант. — Пониимаю. Сеейчас приинесу. Вам тожее кофе, сэр?

Бэйли поднял вверх два больших пальца. Официант быстро что-то черкнул в блокнотике.

— А насчет покуушать, мадам?

— Спасибо, мне только кекс.

Официант кивнул.

— Шоком ладными хлопцами или бес?

Я ошарашенно уставилась на него.

— Простите?

— Шоком ладными хлопцами или бес? — повторил он.

На помощь мне пришел Бэйли.

— С шоколадными хлопьями или без? — прошептал он, наклонившись ко мне.

— А! — Я захихикала. До меня наконец дошло. — Извините. Без, пожалуйста.

Официант удалился. Несколько секунд мы просидели молча.

— Увы, — сказала. — Моя первая шутка получилась не такой уж смешной.

Бэйли кивнул.

— Понимаю. Я переживал за тебя. Даже бедная ложка и та смутилась.

— Ой, ладно! — рассмеялась я. — Все-таки не настолько же было

плохо.

Бэйли снова пристально воззрился на меня.

— У тебя такая милая улыбка, — сказал он. — Ага! Вот и кофе! Вот это да, ну и скорость! Спасибо!

Он отодвинул в сторону чашку Гретхен, чтобы дать официанту возможность торжественно поставить на столик наш заказ. Я сидела и гадала, верно ли расслышала то, что сказал Бэйли.

Кроме кофе мне были поданы две чайные ложечки на блюдечке и изысканный кекс с голубикой. Через секунду пришла Гретхен и застала нас дружно смеющимися.

— Что у вас тут веселенького? — осведомилась она.

— Да ничего, — отмахнулся Бэйли. — Только что была разыграна очень сложная комедия со столовыми приборами. Жутко сложная. Тебе не понять.

— Расскажите! — настойчиво воскликнула Гретхен. — И зачем только я опоздала!

— Правда, Грет, на самом деле это была просто неудачная шутка, — извиняющимся тоном проговорила я.

— Пожалуйста, не заставляй ее повторять, — покачал головой Бэйли. — Шутка была самая паршивая.

— Да ладно тебе! — сказала я, делая вид, что обиделась. — Не хуже твоей — «мне было двадцать шесть». Ха-ха.

— Ты смеялась!

— Я просто проявила вежливость.

Гретхен посмотрела на меня, перевела взгляд на брата, весьма величественно потерла кончик носа и сказала:

— Звучит очень весело. Жаль, меня не было.

Бэйли хмыкнул.

— Ой, только не заводись из-за того, что тебя это не касалось. Если вправду хочешь знать, дело было в ложке и...

— Да мне все равно, — небрежно прервала его Гретхен. — Подумаешь. Пусть даже дело было в вилах.

Я застонала. Бэйли расхохотался.

— Все, хватит о столовых приборах, — решительно объявила Гретхен и с удовольствием отхлебнула кофе.

Потом мы еще целый час весело болтали. Наконец Бэйли посмотрел на часы и объявил:

— Увы, дамы, мне пора вернуться и закончить материал о «Песчаном марафоне». Это жуткий забег через Сахару. Шесть дней, сто пятьдесят

одна миля. При такой-то жаре? Можете поверить? Я говорил с одним парнем, который одолел дистанцию, и он сказал, что чуть не сдох. Да... Тест на выносливость. Может быть, я в следующем году попробую.

Гретхен фыркнула.

— Ставлю пятьсот фунтов, что у тебя не получится.

Бэйли протянул ей левую руку, но, не дав Гретхен пожать ее, отдернул и добродушно показал ей знак «V».

— Благодарю вас обоих за чудесный завтрак-обед.

Бэйли наклонился и поцеловал Гретхен в щеку. Затем сунул руку в задний карман джинсов и вытащил несколько свернутых в тугий рулончик банкнот.

— Надеюсь, этого хватит.

Гретхен потянулась за сумочкой, но Бэйли протестующе поднял руку.

— Сдачи не надо. Элис, я возьму у Гретхен номер твоего телефона и пришлю тебе информацию о тех, с кем тебе предстоит иметь дело, хорошо?

— Спасибо, — искренне поблагодарила я его.

Он весело помахал рукой и направился к выходу. Я проводила его взглядом.

— Болтает всякий вздор, — проговорила Гретхен с набитым ртом. Она пережевывала остывший тост. — Сто пятьдесят одна миля за шесть дней! Он так похож на Тигру^[33] — то и дело хватается за что-то, воображая, будто ему это жутко нравится, а потом обнаруживает, что вовсе и не нравится. Ты уж извини, что он так много болтал про свои путешествия.

— Да не надо извиняться, мне было очень интересно. Чудесная беседа, вкуснейшие пирожные и кофе. Просто чудо что за суббота.

И я нисколечко не покривила душой.

— И точно, правда? — Гретхен улыбнулась и радостно сжала мою руку. — Ты кекс будешь доедать? Ой, будет тебе, он совсем крохотулечный.

Она поменяла местами наши тарелки.

— Мне очень понравился твой брат, — призналась я.

— Да? — Гретхен пытливо взглянула на меня. — Ну, между прочим, он в данный момент свободен. — Она подмигнула мне. — Хочешь, замолвлю за тебя словечко?

По идее мне следовало бы сказать: «Я разве тебе не говорила, что у меня, на минутку, очень серьезные отношения с Томом? Мы вместе уже два года, и он хочет, чтобы мы купили дом и поженились. Так что спасибо — не надо».

Но я промолчала. Я ждала, что скажу Гретхен об этом, но, к моему

изумлению, совсем ничего не сказала. Сидела молча и гадала: не сказать правду и солгать — это одно и то же?

Гретхен терпеливо ждала несколько секунд.

— Ты все еще с этим Томом? Или у вас уже все?

— Уже все, — ответила я.

Глава 10

— Как бы ты отреагировала, если бы я призналась тебе, что сделала что-то очень нехорошее? — тихо спросила я у Вик. Я больше не могла молчать.

— Я бы сказала: «Уууууу! Давай выкладывай, дрянная девчонка», — сказала Вик и взяла меня под руку.

Мы лениво прогуливались по роскошным садам Версаля, купаящимся в лучах теплого апрельского солнца. Том и Люк о чем-то серьезно разговаривали, вышагивая впереди нас, а я в последние пятнадцать минут пыталась удержаться и не выболтать Вик о том, от чего у меня так часто билось сердце. Мало того что я солгала Гретхен, но то, что я вообще солгала кому-то о своих отношениях с Томом, грызло меня с того самого мгновения, как эти слова слетели с моих губ.

— И Гретхен... — начала я.

Вик сразу прищурилась и искоса глянула на меня.

— Не та ли это ничтожная и тупая Гретхен, с которой ты все время где-то болтаешься, когда я тебе звоню? Ну и имечко. Она тоже козочек пасет?^[34]

— О нет. — Я подумала о Гретхен. — Это так не похоже на нее, ты просто представить себе не можешь. Знаешь, у меня такое чувство, что она тебе не нравится, — чуть недовольно проговорила я.

— Да я ее просто ненавижу, — буркнула в ответ Вик. — Явилась неведомо откуда и заграбастала мою лучшую подругу. Наглость высшей марки, вот что это такое.

Я улыбнулась.

— А на самом деле она тебе очень нравится.

Вик задумалась.

— Ну нет, — сказала она. — Я ее определенно ненавижу.

— Извини, — проговорила я, прикрыв лицо ладонью и повернув голову к Вик, — не напомнишь ли мне, кто выехал из квартиры и бросил меня ради какого-то смазливого врачешки? О, да ведь это ты.

— Ну да, да, — усмехнулась Вик, но ее улыбка тут же растаяла. — Но я скучаю по тебе, Эл. Ужасно скучаю. И то, что я теперь живу здесь, вовсе не значит, что я о тебе не думаю. И не пытайся кем-то заменять меня

целиком и полностью.

Я прищурилась.

— Не думаешь же ты, что я могу так сделать?

— Порой думаю, — призналась Вик. — Ну... нет, не то чтобы я в самом деле так думала, но в последнее время от тебя только и слышишь: «Гретхен то, Гретхен се...» Я на днях говорила с Джесс, и она сказала мне, что ты отказалась пообедать с ней и другими подружками из универа, поскольку у тебя был рабочий аврал, но при этом на *нее* у тебя времени, похоже, всегда хватает.

Так и было. Хватало. Но только потому, что Гретхен днем почти всегда бывала свободна, и мы встречались с ней, когда я была не слишком загружена работой. И это происходило тогда, когда все остальные — в том числе и мои университетские подруги — были на работе или на каких-нибудь деловых встречах. А нам с Гретхен было легко выкроить время для встреч, и нас радовало общество друг друга. Никакого заговора здесь не было.

— Я не хочу, чтобы тебе было одиноко без меня, — поспешно проговорила Вик. — Мне просто не хочется, чтобы у тебя была подруга, которую ты любишь сильнее, чем меня.

— Такое невозможно, — сказала я с улыбкой. — И ты это знаешь.

Это было правдой. Вик и Гретхен нравились мне по-разному. Но я решила, что мне стоит почаще звонить Вик.

— Расскажи мне какой-нибудь секрет, про который *она* не знает, — решительно объявила Вик, снова перейдя на шутливый тон.

— Ну... тогда придется вернуться к моему гадкому поступку. — Я взгляделась вперед, чтобы убедиться в том, что наши мужчины нас не услышат. — Мы как-то раз пили кофе, и я познакомилась с братом Гретхен. После того как он ушел, я сказала Гретхен, что он очень симпатичный. Я имела в виду, что с ним приятно поболтать — он пишет о путешествиях и где только не побывал, — но тут Гретхен намекнула мне, что в данный момент у него никого нет, и стала мне подмигивать, и спросила, не замолвить ли за меня словечко.

— Что? — удивилась Вик. — Она ведь про Тома знает?

— Гм... — Я смущенно провела кончиками пальцев по шее. — Типа того. Она считает, что у меня был легкий романчик с соседом по квартире.

— И почему же она так считает?

— Просто я сама ей так сказала, — ответила я и обнаружила, что не могу смотреть Вик в глаза. Повисла пауза, после которой я добавила: — И она спросила у меня, продолжается ли наш роман или у нас все кончено, и

я сама не поняла, как это вышло, но я сказала, что у нас все кончено.

— Элис! — в шоке воскликнула Вик. — Какого черта? Как ты могла ляпнуть такое? Это же наглая ложь!

— Знаю, — еле слышно отозвалась я. — Говорю же тебе: сама не пойму, как это у меня сорвалось с языка. Я потом чуть с ума не сошла, думая о том, что на меня нашло.

— Не понимаю, — покачала головой Вик. — Разве когда вы только познакомились с Гретхен, ты ей не сказала, что у тебя есть бойфренд?

Я растерялась и поняла, что мой ответ не прибавит мне очков.

— Понимаю, это очень грустно, — призналась я, — но когда мы были в Лос-Анджелесе, там все были такие крутые, ну и меня немножко занесло. Мне просто захотелось выглядеть не такой предсказуемой и устроенной, казаться чуть более разбитой... Знаю, знаю, и не надо мне говорить, что это жалкое оправдание.

Я подняла руку, словно защищаясь. Вик наморщила нос и сделала маленький шаг в сторону.

— Казалось бы, — продолжала я, — такие закидоны должны были уйти в прошлое вместе со школой, но я вправду пыталась выглядеть крутой девчонкой. В двадцать восемь лет я законченная идиотка.

— В двадцать девять, — уточнила Вик и вздохнула. — А ты, случаем, втайне не втюрилась в Гретхен? Не потому ли ты ей соврала и объявила, будто у тебя никого нет? Не хочешь ли ты таким образом признаться мне, что стала лесбиянкой?

— Ой, я тебя умоляю! Я же серьезно говорю. Помнишь, я тебе рассказывала, как мы с Томом говорили насчет ипотечного кредита и насчет того, чтобы обзавестись своим жильем, и про эту жуткую пафосную вечеринку в честь помолвки, на которую мы с ним ходили? Я там чувствовала себя ходячим кардиганом от Бодена^[35]. — Я вздохнула. — Мне просто захотелось сыграть какую-то роль, показаться более интересной. Я вообще не думала, что подружусь с Гретхен, а потом все так смешалось, и сказать правду уже было поздно.

— Паршивка ты, — рассмеялась Вик. — Интересно: у Мадонны столько же заморочек всякий раз, когда она себя заново изобретает? Послушай, ничего в этом такого нет. Не думай, будто я не понимаю, что ты извлекаешь из дружбы с ней, Эл, — она забавная, живая, гламурная. Дружба у вас такая... легкая, ненавязчивая — и это для тебя замечательно. Ты просто развлекаешься. И не о чем переживать.

— Но когда Гретхен намекнула на то, что мы с ее братом могли бы закрутить интрижку, я, не задумываясь, объявила, что у нас с Томом все

кончено, — возразила я. — И не говори мне, будто это нормально. Меня так мучает совесть, я даже передать тебе не могу. Какую игру я затеяла? Это совершенно на меня не похоже. И мало того: я думаю о нем, и я... в смятении.

— Под «ним» ты имеешь в виду Тома — мужчину, с которым ты вместе уже два года и который привез тебя сюда в качестве подарка на день рождения, поскольку решил, что ему стоит вести себя более спонтанно и романтично...

— Это он тебе так сказал?

Измученная до глубины души, я снова прикрыла лицо от солнца ладонью и, прищурившись, посмотрела на Вик. На душе у меня стало еще тяжелее.

Вик кивнула.

— Или ты имеешь в виду этого парня, с которым познакомилась в кофейне и в которого явно втрескалась?

— Втрескалась? И все? Ты так думаешь?

Вик скорчила рожицу.

— Конечно! Каков он собой?

— Высокий...

— Если ты сейчас скажешь, что он красивый брюнет, я дам тебе пинка, — пообещала Вик.

Я не стала отвечать на это.

— У него светлые волосы. Не домосед, явно много работает. В кофейне вид у него был такой, словно туда он влетел на гребне волны и доску для серфинга оставил за порогом, представляешь? Думаю, он немного нервный — он пишет про путешествия, и у него был такой толстенный...

— О-ля-ля! — усмехнулась Вик.

— Рулон купюр, — укоризненно посмотрев на нее, закончила я. — Деньги у него в заднем кармане лежали, свернутые в трубочку. Глаза зеленые-зеленые, весь такой подтянутый, и...

Вик рассмеялась.

— Ой, хватит! Ты просто хочешь переспать с ним, вот и все. И не кори себя за это! Время от времени всем хочется развеяться. Мне, к примеру, дико нравится один мужчина, которого я каждый день встречаю в метро, а ведь я еще только успела распаковать вещички в квартире Люка. Можешь считать этого парня моим мнимым любовником, хотя я почти уверена, что он гей. Очень похож.

— Правда? — взволнованно проговорила я и снова посмотрела вперед

— хотела убедиться, что Том нас не слышит. — Понимаешь, я никак не могу выбросить его из головы. Все время думаю о том, какой он славный... творческий человек, столько поездил по миру, столько всего повидал, такой интересный, и... — Я покраснела. — И он сказал мне, что у меня милая улыбка, но, возможно, он просто мастер пофлиртовать. И с чувством юмора у него все в порядке, Вик... и все-таки между нами промелькнула какая-то искра, в этом я уверена.

— Вот это да. — Вик вдруг остановилась и замерла на месте. — Юморист, говоришь?

Я кивнула.

— И искра промелькнула?

Я снова кивнула и зарделась, словно пятнадцатилетняя девчонка.

— Вот черт, — вздохнула Вик. — Бедняга Том. И как его зовут, этого идеального мужчину?

— Бэйли, — мечтательно произнесла я.

— Ха! — воскликнула Вик так громко, что наши спутники обернулись.

Я чуть не столкнула Вик в фонтан, чтобы она заткнулась.

— Родители, наверное, их обоих просто ненавидят, — проговорила Вик, пытаясь удержаться, чтобы не расхохотаться в голос. — Бэйли... что за имя?

— Это его имя, — произнесла я предупреждающе.

Вик благоразумно промолчала.

— Ну и что же? Ты собираешься что-то предпринять?

— Конечно нет! — воскликнула я. — Наверное, к его ногам женщины так и падают. К тому же он брат Гретхен. Существуют же какие-то правила.

— С моим братом я бы тебе позволила встречаться.

— Вик, твой брат женат, и у него трое детей.

Я устремила взгляд на Тома, шагавшего впереди, и подумала, как бы это выглядело, если бы вместо него впереди сейчас шел Бэйли и болтал с Люком. Подумала — и сразу почувствовала себя последней дрянью. Как только мне такие мысли приходили в голову?

— Если бы он был холост, я хотела сказать. А вот твой братец мне ни капельки не нужен.

Я вытянула губы трубочкой.

— И я тебя нисколько не виню. Моим родителям придется приплатить какой-нибудь женщине, чтобы она согласилась взвалить на себя Фила. Либо так, либо его надо забросить в какую-то страну, где до сих пор в ходу воинская повинность. У него экзамены на носу, и одному богу известно,

что мы будем делать, если он их завалит. Мама и папа просто вне себя от беспокойства. Больше всего они боятся, что он будет жить с ними до скончания веков.

— А ты-то почему должна переживать из-за того, что Фил себя по-свински ведет? Пусть мать с отцом разбираются, это не твоя проблема, Эл. Тебе стоит обзавестись здоровым эгоизмом.

Я промолчала. Порой Вик именно так отзывалась о моем семействе. Я знала, мои родные ей очень нравятся, но тем не менее она считала, что я слишком близко принимаю к сердцу все, что происходит в родительском доме.

— Как бы то ни было, ты, конечно, осознаешь, что не упомянула о Томе как о причине, из-за которой не станешь бегать за Бэйли? — спросила Вик после небольшой паузы. — А ведь, рассуждая теоретически, он должен быть первым по списку среди каких бы то ни было причин.

Я в ужасе поняла, что она права.

Некоторое время мы шли молча.

— А про секс что ты можешь сказать? — спросила Вик.

— Это когда ты по-особенному обнимаешься с тем, кого любишь. Попроси Люка, пусть он тебе покажет.

— Ха-ха, — вздохнула Вик. — Можешь смеяться, если тебе так хочется. А я понимаю, что ты делаешь это только из-за того, что бесишься. Я имела в виду, как насчет секса у вас с Томом, и ты меня прекрасно поняла.

— Нормально, — ответила я. — Приятно.

Так оно и было — когда мы этим занимались. Как будто в который раз смотришь сериал «Друзья»^[36]: комфортно, уютно и точно знаешь, что произойдет в следующий момент.

— Гм... — с сомнением хмыкнула Вик. — Только и всего?

— Вик, мы уже пару лет вместе. Это нормально. На самом деле даже очень хорошо!

— Ладно, но, может быть, тогда все дело в том, что ты запаниковала из-за решения Тома перенести ваши отношения на следующий уровень? — продолжала развивать свою мысль Вик. — Может быть, ты просто к этому не готова?

Я покачала головой.

— Он уже несколько месяцев об этом помалкивает. Если бы заговорил — я бы тебе сразу рассказала. Он просто горел желанием начать подыскивать жилье для нас, а потом к нам переехал Пауло — и все. Словно того разговора и не было вовсе.

— Эл, — медленно выговорила Вик, — а ты ни разу не думала о том, что, возможно, ты никогда не будешь готова... выйти за Тома?

— Я... я не знаю.

Наши слова легко парили в воздухе вокруг нас, а на сердце у меня вдруг стало невероятно тяжело и тоскливо. Ведь, услышав сказанное Вик, я впервые поняла, что испытываю серьезные сомнения насчет себя и Тома. И дело было не только в том, что он раздражал меня занудным отношением к мелочам, и не в том, что я удручала его своим беспечным отношением к безопасности жилища. Проблема была куда серьезнее. И все же для меня не возникало вопроса, люблю я Тома или нет. Я его определенно любила. Когда я думала о людях, которых люблю — о маме, папе, о Френ, Филе и Вик, — я всегда точно так же думала о Томе.

Я снова посмотрела на него, идущего впереди с Люком. Они остановились, уселись на траву и стали поджидать нас. Я вдруг пожалела о том, что вообще завела с Вик такой разговор. Лучше бы ничего ей не говорила, и тогда это не стало бы реальным. Осталось бы только в моих мыслях, и мне ничего не надо было бы делать. Возможно, именно поэтому я непроизвольно солгала Гретхен. Пыталась справиться с тем, с чем избегала сталкиваться.

— Я знаю, ты любишь Тома, — осторожно проговорила Вик, словно прочла мои мысли. — Я его тоже люблю. Я люблю вас обоих. Но знаешь, еще мне кажется, он любит тебя гораздо сильнее, чем ты его, и я не уверена, что это долго протянется.

Я в ужасе посмотрела на нее.

— Прости. Я бы ничего не сказала, пока верила, что ты счастлива, ведь кто я такая, чтобы сомневаться, если все хорошо? Но теперь-то уж точно нельзя сказать, что все хорошо. Несмотря на этого Бэйли. Он всего лишь симптом, а не причина.

Я промолчала. Я не знала, как ответить, и была смущена до последней степени.

— И я не стану отрицать, что все в сто раз сложнее, поскольку Том хорош собой, с ним приятно появиться на людях и он готов практически на все ради тебя.

— И почему же это так плохо?

— Это не плохо. Просто все гораздо тяжелее, потому что он на девяносто процентов идеален. Проще простого было бы бросить его, будь он законченным подонком и если бы он абсолютно тебе не подходил.

— Да ладно тебе, Вик. Стопроцентно идеальных людей не существует. Вик задумалась.

— Знаешь, ты права. Если кто-то тебе не годится — значит, не годится. А дальше уже не имеет значения, на сколько процентов они не дотягивают до идеала: на двадцать, на два — какая разница? Главное, они не то, что нужно. Вы с Томом оба такие хорошие, и каждый из вас заслуживает того, чтобы с ним рядом был подходящий человек; даже если конкретно вы не подходите друг другу. И не спрашивай меня, как узнать, тот ли он, кто тебе подходит, потому что если уж ты задаешь себе этот вопрос, то, значит, он не тот. Вот так все просто.

Больше она ничего сказать не успела, так как мы поравнялись с нашими спутниками. Да я и не знала, сколько еще смогу терпеть этот разговор. Чувство у меня было такое, словно мне на плечи легла тяжелая ноша. То, что началось как непринужденная болтовня насчет моего легкого увлечения, вдруг превратилось в нечто совершенно иное. Злой джинн наполнил воздух вокруг меня удушливым дымом, вырвавшись из бутылки.

Я попыталась улыбнуться Тому. Он снял носки и туфли и весело шевелил пальцами.

— Жарко, — признался он. — Даже не верится, что еще только апрель. Да здравствует глобальное потепление. Хорошо бы пойти и выпить чего-нибудь прохладительного и праздничного.

Я опустила глаза, посмотрела на его пальцы и заметила, что ноготь на одном из них слишком длинный. Просто-таки неприлично длинный.

— Хорошо бы тебе состричь этот ноготь, — сказала я.

— А как же я тогда буду играть на гитаре? — спросил Том, быстро обратив мои слова в шутку.

Я рассмеялась. Ну вот, он тоже умел юморить. Он меня рассмешил! И Вик была права. Том добрый, предусмотрительный, надежный...

Но все же почему-то я знала: так, как прежде, уже не будет. И в этом была виновата только я, неуклюже признавшись Вик в том, что влюбилась в Бэйли.

Все необратимо изменилось, и теперь я понятия не имела, как можно все вернуть назад.

Глава 11

— Ну что за эгоизм! — бушует Том. Он порывисто встает. Дешевый больничный стул скользит по полу и ударяется о стену. — Это просто-таки опасно. Мы не знаем, следует ли принять какие-то решения насчет Гретхен, которые откладываются из-за того, что его здесь до сих пор нет! И как только он мо...

Я уже плохо соображаю.

— Том, он просто опоздал на самолет! Пожалуйста! Ради бога!

— Вот подожди, — произносит Том, качая головой, и снова садится. — Он притащится сюда, и окажется, что он даже не был ни в какой треклятой Испании, лживый подонок. Он, только он виноват...

— О Том! — в отчаянии взрываюсь я. Мой голос звучит хрипло, надтреснуто. — Перестань, прошу тебя, перестань!

Нас прерывает медсестра, появившаяся в дверях.

— Теперь вам можно вернуться, — говорит она, глядя на Тома, а потом на меня — немного неуверенно. Наверное, услышала нашу перепалку. — Если вы готовы.

Том свирепо зыркает на меня и встает.

— Да, готовы.

Но я не готова. Мне совсем не хочется возвращаться в палату. Я не могу. Я не могу это сделать. Я не в силах сидеть там рядом с ним... и просто ждать... не зная, что на самом деле произошло. К тому же вот-вот приедет Бэйли. Что может выкинуть Том, когда Бэйли появится здесь?

Я поднимаюсь со стула. Ноги у меня как ватные. Мы выходим из комнаты и вместе медленно идем по коридору. Мне кажется, что он неуклонно сужается, мое сердце начинает бешено колотиться. Очередной приступ паники и тошноты наваливается на меня.

А потом мы поворачиваем за угол и входим в палату. У меня все плывет перед глазами, но я все же ухитряюсь сесть на стул около кровати, на которой лежит Гретхен. Том садится рядом со мной. Мы молчим. Медсестра, сидящая у дальней стены палаты, что-то записывает в историю болезни. Воцаряется атмосфера спокойной деловитости.

А Гретхен выглядит точно так же, как до тревожного писка сигнализации. Глаза закрыты, руки вытянуты вдоль тела. Она совершенно

неподвижна. Из капельницы, подсоединенной к игле, в вену на руке Гретхен стекает странная прозрачная жидкость. Я пытаюсь сосредоточить взгляд на пузырьке, поднимающемся к поверхности раствора в прозрачном пластиковом флаконе. Пузырек исчезает без следа. Господи помилуй. Я хочу — хочу! — чтобы она точно так же исчезла.

— Можно к ней прикоснуться? — спрашивает Том у медсестры почти шепотом.

Медсестра утвердительно кивает.

— Можно.

— Ей не будет больно? — осторожно интересуется Том.

— Нет, — благожелательно отвечает медсестра.

Я смотрю, как он протягивает руку и нежно гладит бледную щеку Гретхен — ласково, как можно было бы гладить спящего новорожденного ребенка. Потом Том наклоняется и берет руку Гретхен, вялую, неподвижную. Ее веки не дрожат — она по-прежнему не шевелится. Мне больно смотреть, как Том прикасается к ней, но я не имею права ничего говорить. Я отвожу взгляд и смотрю на крошечный обрывок мишуры на потолке, в дальнем углу палаты. Мишура осталась от Рождества. Я не представляю, как можно здесь встречать Рождество, и надеюсь, что тот, кто в праздник лежал на этой кровати, теперь здоров и находится дома, с родными и близкими.

— Никогда не видел ее такой спокойной, — негромко смеется Том, но его смех звучит надтреснуто — будто тонкий лед в мелкой лужице хрупает под чьим-то ботинком. В этом смехе нет тепла. — Я не понимаю, Эл, — шепчет Том. — У нее столько всего было впереди. Все, абсолютно все принадлежало ей. Только-только все пошло хорошо. Почему же она захотела сотворить с собой такое?

— Не знаю. Да она, наверное, и не хотела.

Лживые слова слетают с моих губ, и мне становится плохо. Я не могу смотреть на Тома. Лишь мысленно говорю самой себе, что именно этого Гретхен и хотела.

— Как она сейчас? — спрашивает Том у медсестры.

— Никаких особых изменений, — отвечает та. — Как только приедет ее ближайший родственник...

— Да-да, я знаю, — устало кивает Том.

Медсестра сочувственно смотрит на него и молча садится у дальней стены. На ее пальце сверкает обручальное кольцо.

— Ведь за это время он уже мог слетать сюда и обратно, — шепчет мне Том сквозь зубы. Он опять начинает злиться.

О, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НАДО! Я невольно кидаю на него свирепый взгляд, и он умолкает. Я с облегчением опускаю глаза и начинаю рассматривать собственные руки.

— А когда ты нашла ее, — неожиданно спрашивает Том (ему, как обычно, надо куда-то направить энергию), — она выглядела так, словно проглотила очень много таблеток? Наверное, много, если у нее была остановка сердца.

Я резко смотрю на него.

— Я им все рассказала, Том, — говорю я и бросаю взгляд на медсестру. — Не беспокойся.

— Да, но никто ничего не рассказывает мне, — тоскливо говорит Том. — А это не из-за лития, который она принимала? Ведь это по-настоящему опасно?

— Я понятия не имею, как выглядит литий. Просто белые таблетки. Я отдала бутылочки врачам «неотложки». Все произошло так быстро, Том, не было времени подумать.

— Бутылочки? Не одна?

— Не знаю... Не могу вспомнить. — У меня начинает кружиться голова, часто бьется сердце. — Она была без сознания... я жутко испугалась.

Медсестра кашляет.

— Быть может, вы хотите поговорить об этом в коридоре?

Том отзывается:

— Хорошо, хорошо... простите.

Медсестра опускает голову и снова что-то пишет в истории болезни.

— Слава богу, что ты к ней пошла. — Том наклоняется, берет меня за руку, крепко сжимает и отпускает. — Ты такая хорошая подруга для Грет. Ты ведь сделала бы все для нее?

И тут же я слышу, как перестает поскрипывать авторучка медсестры. Может быть, это просто совпадение. Я смотрю в пол.

— По крайней мере, этому мерзавцу Бэйли удалось сделать одно доброе дело, — продолжает Том. — Представь, что могло бы случиться, если бы он не позвонил тебе и не попросил сходить к Гретхен. — Он поживает.

Некоторое время мы молчим.

Но Том явно напряженно размышляет. Неожиданно в его взгляде появляется изумление.

— Погоди-ка... — произносит он. — Но как ты попала в квартиру, если Гретхен была без сознания?

О боже.

Краешком глаза я замечаю, что медсестра резко поднимает голову. Я провожу по лицу дрожащей рукой.

— Я...

Но прежде чем я успеваю произнести хоть слово, дверь палаты открывается. Мы все оборачиваемся. На пороге стоит Бэйли. Он, как и Том, когда появился здесь, тяжело дышит. Том кривит губы и отворачивается. А у меня при виде Бэйли сердце бьется радостно. Я порывисто встаю. На нем куртка, под курткой — толстовка с капюшоном. Он в спортивных брюках и кроссовках, с большой дорожной сумкой, переброшенной через плечо. В глазах — паника и усталость.

— Пожалуйста, простите! — Он быстро подходит ко мне и рассеянно целует меня в лоб. Я вижу, что Том смотрит себе под ноги и сжимает зубы. — Я спешил изо всех сил.

Он отпускает меня и делает два шага к кровати, на которой лежит Гретхен.

— О черт! — испуганно произносит Бэйли и хватается за голову. — О Грет! — Его голос дрожит. — Что же ты натворила на этот раз?

Глава 12

— Знаешь про завтрашнюю съемку? — спросила Гретхен, неторопливо шагая по улице позади меня и вальяжно покуривая сигарету. — А в котором часу? Я напрочь забыла.

— В два, — рассеянно ответила я, остановилась, заглянула в список покупок. Я ужасно устала. С тех пор как мы возвратились из Парижа, мне приходилось нелегко. Внешне в общем и целом ничего не изменилось, но в моей душе не прекращалась борьба. Я все время пыталась понять свои чувства и сообразить, как быть с ситуацией под названием «Я и Том». То мне казалось, будто я веду себя глупо, позволяя себе так сильно переживать из-за какой-то легкой влюбленности, то я начинала беспокоиться, что отказ признать собственные чувства вовсе не означает, что они возьмут и улетучатся сами по себе. Получалось, я просто прячу голову в песок. Я не знала, что делать, что думать, совершенно запутавшись в собственных чувствах, но не могла перестать терзаться. Даже тогда, когда я сосредотачивалась на чем-то совершенно постороннем, мучительные мысли все равно блуждали у меня в подсознании, словно зубастая щука, плавающая у самой поверхности воды.

Вик уехала в отпуск в Испанию. Я позвонила Френ и договорилась пообедать с ней, надеясь получить от нее какой-нибудь хороший совет, но в последний момент она отказалась — объявила, что ей нездоровится. Заразилась от кого-то на работе.

«Может быть, мне зайти к тебе домой?» — с надеждой спросила я.

«Зайди, если только тебе жутко хочется подержать меня за волосы над унитазом и посмотреть, что я съела на завтрак, — красочно ответила Френсис. — Я чувствую себя дерьмово, Эл. Извини, но какое бы у тебя ни было дело, придется с этим подождать».

Я чуть было не позвонила маме, но я знала, что она — завзятый подкупленный член фан-клуба Тома. К тому же она не раз брюзжала по тому поводу, что у нее единственной из пятидесяти с лишним женщин в их группе йоги до сих пор нет внуков. Короче, ничего хорошего она точно не посоветовала бы.

— Ну, у тебя уже почти все, Эл? — зевнув, поинтересовалась Гретхен, бросила окурок на тротуар и раздавила каблуком. — Надо сказать, мне

нравится ходить с тобой по магазинам, но все же это не самый веселый способ провести утро. По идее ты не должна показывать клиентке всякие штучки, которые потом будешь использовать во время съемки. — Она подтолкнула меня локтем, и я не смогла удержаться от усмешки. Мне очень хотелось поговорить с ней о своих чувствах, но я не знала, с чего начать, — ведь Бэйли был ее братом!

Далеко не все в моих покупках относится к тебе, между прочим, — с легкой издевкой ответила я.

— И очень жаль, — сказала Гретхен. — Ну ладно. Что там у тебя еще осталось в списочке, Кролик?

Я озадаченно глянула на нее.

— Как в Винни-Пухе, — пояснила она. — Ну, понимаешь? Кристофер Робин там и всякое такое... Ты же должна знать: «Смена караула у дворца! Загляделись Кристофер Робин с нянею Элис»^[37].

— Мой папа мне так говорит, — радостно отозвалась я.

— Вот это хорошо, — отметила Гретхен. — Но я серьезно. Как там со списком?

На студии пробовали новую девушку на роль ведущей, поэтому у Гретхен случился вынужденный выходной. Я понимала, что ей скучно. Она быстро устала от похода по магазинам со мной.

— Ладно, ладно. Мне осталось купить только веревку для лассо, — сказала я. — Это для завершения ковбойского облика. Детишки должны быть наряжены ковбоями или лошадьми — шляпы, маски лошадиные и так далее. Полчаса — и пойдем перекусим. Хорошо?

— О-о-о! — мелодраматически простонала Гретхен. — Ненавижу свою жизнь. Почему меня нужно снимать в окружении кучи детей, выраженных ковбоями и маленькими лошадками?

— Потому что журнал, который придумал эту идею, читают шестьсот тысяч человек в месяц, и они решили, что это очень крутая мысль. — Я сложила листок бумаги со списком покупок в несколько раз и сунула в карман джинсов. — Хотя бы фотосессию буду делать я — а могло быть и хуже. Обещаю: ты будешь выглядеть отлично. И все может закончиться очень неплохо для нас обеих. Ты им сказала, что хочешь работать со мной?

— Нет, на самом деле не я, — честно призналась Гретхен. — Тебя предложила моя агентша, но ты получила эту работу совершенно заслуженно. Да, ты мне все-таки скажи еще разок: чем мы завтра занимаемся?

— «Мы нарядим двенадцатилетних девочек ковбоями, а Гретхен будет выглядеть как жутко сексапильная взрослая ковбойша, потому что она —

хитовая ведущая детской программы, имеющей колоссально высокий рейтинг в Америке», — процитировала я стилистку, с которой чуть раньше побеседовала по телефону. — Этот журнал в буквальном смысле запрыгнул на подножку твоего лос-анджелесского рекламного вагона.

— Да, но я не собираюсь ни в какой треклятый Техас! — воскликнула Гретхен. — Понимаешь, в свое время эта «поездка в Америку» показалась мне неплохой идеей, но, к сожалению, я не получаю никаких реальных предложений, и при этом теперь каждый журнал мечтает нарядить меня или гигантским яблоком^[38], или статуей Свободы.

— Эти идеи значились под номерами три и шесть в списке, — рассмеялась я, — но мне удалось отговорить редакторов.

— Слава богу, — вздохнула Гретхен, — а тебе спасибо. — Она взяла меня под руку и жалобно спросила: — Можем мы поскорее купить эту веревку, чтобы я на ней повесилась? Какая же у меня отвратительная работа... У-у-у! Ты погляди, какое милое платьице вон в той витрине! На пять минут заскочим?

И, не дожидаясь моего ответа, Гретхен потащила меня за руку на другую сторону улицы.

Полчаса спустя нам удалось докупить недостающие детали реквизита, и слава богу, поскольку к этому времени Гретхен решительно утратила интерес к магазинам, в которых не продавалось чего-нибудь такого, что она могла бы примерить. Но хотя она заявила, что ужасно голодна и съела бы целого быка, по пути до кафе, где, как она меня пылко уверяла, готовят самую лучшую пиццу из всех отведанных ею за пределами Италии, она вдруг неожиданно остановилась около небольшого обувного магазинчика. А я бы прошла мимо и не заметила его.

— О, я обожаю этот магазинчик! Я и забыла, что он здесь находится! Пять минуточек у нас есть? — с надеждой спросила Гретхен.

— Да, конечно, — ответила я, хотя уже потеряла счет этим ее «пятиминуткам».

Мы вошли в магазин. Я села и стала терпеливо ждать. На самом деле я была рада, что мне удалось сесть и положить на колени тяжелый моток веревки.

— Кстати, давно хотела тебе сказать: ты как-то странно помалкиваешь насчет своей поездки в Париж, — заметила Гретхен, разглядывая обувь. — Она сняла с полки пару туфель, беззаботно сбросила свои и надела новые. — Объясни мне, пожалуйста, как это может быть? Ты мне сказала, что с этим малым, Томом, у тебя все кончено, и вдруг он тебя умыкнул в экстравагантное любовное европейское турне? — Гретхен вздернула брови

и пытливо уставилась на меня. — Имей в виду: больше ты так не удерешь. Без тебя тут было совсем не весело.

Я улыбнулась, но промолчала, гадая, стоит ли просто взять и выложить ей всю правду. Ну, может быть, не всю. Только отредактированную версию.

— Мы поехали вместе, чтобы навестить мою подругу. Она раньше жила с нами в одной квартире, — сказала я. — И поездка была не любовная, а скорее день рожденная. Это было очень мило с его стороны.

— Еще как мило, учитывая все вышесказанное. Видимо, вы остались в хороших отношениях после того, как разбежались?

Я виновато отвела глаза.

— Да. Он очень важен для меня.

Гретхен насмешливо хмыкнула.

— Значит, он не встал перед тобой на колени в тени Эйфелевой башни?

Я побледнела.

— Господи, нет!

— Как тебе эта пара? — спросила Гретхен, глядя на меня вопросительно и вертя ногой.

Туфли были ничего особенного.

— Хорошие, — ответила я. — Но они очень похожи на твои — с пряжкой.

— Верно, — согласилась Гретхен. — Но те коричневые, а эти черные.

Она задиристо взглянула на меня, и я рассмеялась.

— Ну да, конечно. Большая разница.

Гретхен усмехнулась, отвернулась от меня и посмотрела на свое отражение в зеркале.

— Знаешь, что я думаю? — проговорила она задумчиво. — Я думаю, что ты от меня что-то скрываешь.

Я непроизвольно разжала губы. Неужели это было написано у меня на лице? Но даже такой маленькой пробы оказалось достаточно. Видимо, я сама не осознавала, как отчаянно мне хочется во всем ей признаться.

— Ты догадалась? — спросила я. — Но как? Ну ладно, скажу. Мне кажется, я немножко влюбилась кое в кого.

— Что? — Гретхен на миг разыграла возмущение, а потом сделала большие глаза. — Правда? Вот ужас-то! И кто это? Я возьму эту пару! — сказала она, лучисто улыбувшись продавщице, небрежно сбросила туфли и выжидательно уставилась на меня.

Я сделала очень глубокий вдох и ответила:

— Твой брат.

Я пожалала плечами и смущенно улыбнулась.

Гретхен повела себя совсем не так, как тогда, в кафе, когда она мне подмигивала и понимающе кивала. Теперь она несколько секунд молча смотрела на меня, а потом проговорила:

— Вот как? — Гретхен отвернулась и принялась деловито просматривать туфли на следующей полке. Выбрав лиловые, с ремешками и трехдюймовым каблуком, она добавила для продавщицы: — И вот эти я тоже возьму. Пятый размер.

Продавщица неловко переминалась с ноги на ногу позади нас.

— Ты разве не хочешь сначала примерить их? — удивилась я. — Вдруг не подойдут? Вспомни пару от Лабутена.

— Нет, и вспоминать не хочу, — буркнула Гретхен, не глядя на меня. — Знаете что, — обратилась она к продавщице, — я возьму еще такие же черные.

— Ты обиделась на меня? — осторожно спросила я, догадываясь, что это так и есть — вот только непонятно почему.

А раньше она меня просто-таки подталкивала к этому, предлагала словечко замолвить... Что же переменялось? Сердце у меня забилось чаще. Я осознавала, что, абсолютно не желая того, устроила первую размолвку с того времени, как мы подружились с Гретхен.

— Я тебя расстроила? — предприняла я еще одну попытку.

Гретхен посмотрела на меня большими невинными глазами.

— Нет!

— Ты огорчилась из-за того, что я сказала? Из-за Бэйли?

Гретхен беспечно расхохоталась.

— Ты же не думаешь, что ты первая из моих приятельниц, кто запал на моего братца? Все так и происходит с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать, а может быть, и раньше.

Она взяла с полки еще одну туфлю, повертела ее и небрежно поставила на полку.

Я чувствовала себя в высшей степени глупо.

— Знаешь, не хотелось бы приносить дурные вести, но дело в том, что Бэйли совсем недавно начал встречаться с одной девицей.

— О...

Я почувствовала, как мое взволнованно бьющееся сердце заныло от разочарования и ушло в пятки.

— Она бразильянка, — добавила Гретхен, обернулась и спокойно посмотрела на меня. — Кажется, из Рио.

— Понятно. — Я уставилась на лежавшую у меня на коленях веревку. — Что ж, можно за него порадоваться.

Больше мы не разговаривали. Мы ждали продавщицу. Она вернулась и поставила три коробки с выбранными Гретхен туфлями на прилавок и провела по штрих-кодам считывающим устройством. Тишину в маленьком магазинчике нарушало только потрескивание кассового аппарата. Гретхен взяла чек и выхватила из кассового аппарата свою кредитную карточку.

— Носите на здоровье, — промямлила продавщица, растерянно посмотрела на Гретхен и перевела взгляд на меня.

Гретхен слишком сильно толкнула дверь, так что она стукнулась о стену, отлетела и чуть было не ударила меня.

— Ой! Простите, пожалуйста! — извинилась Гретхен перед продавщицей и скорчила виноватую рожицу. — Я просто немного взволнована из-за своих новых туфель!

Как только мы вышли на улицу, я сказала:

— Послушай, пойдем перекусим и поговорим про...

— К сожалению, у меня не получится, — резко ответила Гретхен. — Мы слишком долго проходили по магазинам, пока искали все эти штуки для тебя. Мне пора вернуться на студию.

— Но ведь у тебя выходной. — Я смотрела на Гретхен, поправляя на плече моток веревки. — Гретх, у меня такое чувство, что ты все же сердита на меня, и...

Она фыркнула.

— Ничего подобного. Просто мне действительно пора.

— Но я...

— Ради всего святого, Элис! — взорвалась Гретхен. — Единственная проблема в том, что ты утверждаешь, будто проблема есть, тогда как на самом деле ее нет! Все со мной в полном порядке, а сейчас я опаздываю на совещание, вот и все. Ты сама как-то раз говорила: то, чего тебе хочется, и то, что ты должна делать, — не одно и то же.

— Гретхен, — не веря своим ушам, проговорила я. — О чем ты, черт побери? Разве мы не можем просто...

— Послушай, я тебя очень прошу, — отозвалась Гретхен странно дрожащим голосом, — давай не будем. Прости. Мне совсем не хотелось вести себя по-свински с тобой. Просто я... просто я немного на нервах.

— Что случилось? — мгновенно спросила я, забыв о своих терзаниях. — Мне-то ты можешь сказать.

— Нет-нет, ничего такого, — покачала головой Гретхен. — Ничего серьезного. Просто переутомилась.

Я пытливо посмотрела на нее. Действительно, несмотря на макияж, было заметно, что она бледна и измождена.

— Я ничем не могу помочь? Что-нибудь на работе?

— Серьезно, ничего страшного, — снова покачала головой Гретхен. — Даже не думай. Я просто свинья, не обращай на меня внимания.

Она сошла с тротуара, помахала рукой. К ней тут же подкатило черное такси со светящимися шашечками на крыше.

— Завтра увидимся, ладно?

Гретхен потянулась ко мне, чмокнула в щеку и проворно уселась в такси. Когда она закрывала дверцу, глаза у нее блестели. Я вдруг поняла, что она вот-вот расплачется.

Я видела, как шевелятся ее губы, произносящие адрес. Я постучала по окошку — думала, вдруг она одумается и не уедет. Случилось что-то очень нехорошее. Я никогда не видела Гретхен в таком состоянии. Я знаками показала ей, чтобы она опустила стекло, но она сделала вид, будто ничего не замечает. На прощание она улыбнулась и помахала мне рукой, но я успела заметить, как слеза покатилась по ее щеке. Такси тронулось, и я инстинктивно сделала шаг назад. Гретхен упрямо смотрела вперед и не пожелала встретиться со мной взглядом. А потом машина скрылась за углом, а я осталась на тротуаре. Стояла как дура и судорожно сжимала в руке моток веревки.

Глава 13

До вечера Гретхен не отвечала на мои звонки, а к тому времени, когда я добралась домой, ее мобильный был выключен.

— Ты уже седьмой раз проверяешь телефон, — заметил Том, когда мы ложились спать. — Что-то случилось?

— Гретхен немного не в себе, — призналась я. — Я волнуюсь за нее, а она не отвечает на звонки.

— Уверен, ничего страшного, — зевнув, проговорил Том. — Конечно, я не могу знать наверняка, я просто наугад говорю — я ведь ее ни разу не видел. — Он откинул край пухового одеяла, лег, укрылся и потянулся за книгой. — Господи, я просто с ног валюсь! Еще никогда у меня не было такого напряжения на работе! Ну... зато не даром стараюсь. — Он погладил мою руку и улыбнулся. — Вот увидишь. Но думаю, зря я до сих пор не познакомился с Гретхен. Как только на работе все немного поутихнет, обязательно познакомлюсь.

— Никаких проблем, — быстро ответила я.

На самом деле для Гретхен Том оставался всего лишь человеком, с которым я на паях снимаю квартиру, поэтому я не спешила их знакомить.

— Завтра после работы я иду в тренажерный зал, — объявил Том, — и меня не будет допоздна. Почему бы тебе не пригласить ее поужинать?

Я покачала головой.

— У меня завтра с ней фотосессия, так что мы все равно увидимся. И я уверена: ты прав. Наверняка ничего страшного. Наверное, она просто легла спать пораньше, чтобы завтра хорошо выглядеть.

Должно быть, вид я имела все еще встревоженный. Том отложил книгу и протянул ко мне руку.

— Хочешь, я тебя обниму? — спросил он.

Но мне хотелось сначала снять косметику, а когда я вернулась из ванной, Том уже крепко спал, сложив руки на лежавшей на груди книге. Я обрадованно закрыла книгу, скользнула под одеяло рядом с Томом и выключила ночник.

Спала я плохо. Мне снились обручальные кольца, надевающиеся на мои пальцы, а потом мои руки взрывались. Ничего приятного в этом не было, и на следующее утро я прибыла в фотостудию совершенно

измотанная, с таким чувством, что мне нужно было проспать еще часа три, чтобы справиться с дневной нагрузкой. Я не знала, как лучше вести себя с Гретхен. Так, будто ничего не произошло? Не вспоминать о вчерашнем? Мне не хотелось, чтобы она думала, будто мне безразлично то, что ее явно огорчило, но точно так же мне не хотелось снова огорчать ее — а уж тем более перед фотосессией.

Но затем передо мной встали более насущные проблемы. В студию уже доставили упаковку с одеждой для съемки. А когда я распаковала костюмы, выяснилось, что нам прислали не наш заказ. В коробке оказался ворох экзотических, дорогущих, супермодных нарядов, предназначенных, как я выяснила по ярлыку, для журнала «Коко». В первый момент меня охватила настоящая паника, но я сделала глубокий вдох и посмотрела на часы. До того как в студию хоть кто-нибудь явится, у меня оставалась уйма времени.

Я немедленно позвонила в компанию, которая отправила нам одежду. По всей видимости, работали они на редкость бестолково.

— Ярлыки на упаковках то и дело отклеиваются, — сказала мне по телефону какая-то девица. — Наверное, просто перепутали и ваш заказ попал в «Коко». Думаю, к завтрашнему дню мы все уладим.

То есть — через день после съемки?! Через час я, пытаясь успокоиться, сидела в жутко дорогущем грузовом такси и мчалась по городу. Я попросила водителя как можно скорее доставить меня к офису «Коко». Работать на них мне не доводилось, но я знала, что они предпочитают держать марку «трендового» журнала, а значит, в их отделе моды наверняка трудятся талантливые ищeyки, мотающиеся по миру в поисках новоиспеченных дизайнеров и женщин, которые ткнут эксклюзивные ткани при свечах на вершинах гор — таких далеких, что до них нужно добираться суток пять на верблюде. А мне предстояло объяснить этим агентам высокой моды, что в ожидаемой ими посылке вместо роскошных нарядов лежит двенадцать костюмов для девочек-ковбоев и новенькая лошадиная маска.

Такси остановилось перед шикарным зданием со стеклянным фасадом. Из здания выходили и входили внутрь невероятно гламурные персоны. Подхватив коробку с нарядами и порозовев от натуги, я вошла в строго обставленную прохладную комнату администрации.

— Могу я поговорить с кем-нибудь из отдела моды? — обратилась я к администраторше с асимметрично подстриженной челкой. Когда она вздернула словно бы заледеневшую бровь и устремила на меня, покрытую испариной, холодный взгляд из-под этой челки, у меня возникло ощущение

обмана зрения.

Через некоторое время, после порции путаных объяснений, меня препроводили к большущей кабине лифта и сказали, что кто-то встретит меня на четвертом этаже. Я вышла в коридор, увешанный сотнями журнальных обложек в рамках. На каждой обложке красовался логотип «Коко».

Меня никто не встретил, поэтому я, поставив коробку на пол, стала толкать ее вперед. Повернув за угол, я оказалась в офисе, сильно смахивающем на муравейник. В просторном зале стояло около тридцати рабочих столов. За одним из них, в самой середине зала, сидел мужчина и оглушительно громко говорил по телефону.

— Роберт, мне все равно. У меня в Марокко груз пледов, и посреди треклятой пустыни все его ждут.

В другом углу группа взволнованных женщин окружила весьма манерного мужчину. Они наперебой ворковали:

— Ну, кто у нас сегодня именинник?

Мужчина по очереди вскрывал коробочки с подарками. Открыв одну из них, он вытащил солнечные очки и воскликнул:

— О БОЖЕ! Я просто В ВОСТОРГЕ! Они такие чертовски КОКОШНЫЕ!

Он нацепил очки, а женщины запели: «Это будет... так „Коко“! Это будет так „Коко“!» — на мотивчик «So Macho» из репертуара Синитты^[39].

Мне захотелось испариться. Мгновенно.

Мимо меня проскочила еще одна женщина. Она держала в руках небольшую стопку листков бумаги и на ходу бросала их через плечо, бормоча:

— Нет, нет... определенно — нет, у нее колени кривые... вот эта — может быть, пусть агентство поищет ее снимок со спины.

Женщина сунула снимок робкой с виду девушке, семенившей рядом с ней. Та кивнула и поскакала куда-то, словно белый кролик.

Меня никто не замечал.

Через некоторое время, когда мне стало казаться, что прошло уже несколько часов, одна из девушек оторвала взгляд от кипы бумаг на столе и устало, без улыбки проговорила:

— Могу я вам чем-то помочь?

Я объяснила ситуацию и после общего веселья (смеялась не только я) у стола, возле которого собрались женщины и мужчина-гей, мы обменялись посылками.

— Знаете, это просто блеск, — выдохнул гей, плюхнувшись на стул и

утирая слезы. Его явно утомило все происходящее. — Вы притащили сюда на такси целую кучу платьев от Маккуина^[40], а нам прислали охалку костюмчиков а-ля Долли Партон^[41], и никто ничегошеньки не заметил! Волшебно, волшебно! Н-но, моя лошадка!

Он прижал к лицу дурно сделанную маску лошади. Все истерически расхохотались.

— А если серьезно, — проговорил он, опустив маску, — у меня только что родилась обалденно гениальная идея.

Он резко выпрямился и словно бы устремил взгляд вдаль. В офисе все зашептались. А потом стало тихо. Все примолкли в ожидании чего-то вроде мгновения, способного коренным образом изменить жизнь.

— Что, если... Что, если мы выберем кожу в качестве нового концепта? Это будет эволюция кожи! Мы развесим миниатюрные копии этих ее костюмчиков, — он кивком указал на меня, — на ветвях дерева и добавим к ним лошадиные маски. Боже мой... Такой потрясающий китч... Наш ответ Дикому Западу, «Крестному отцу» и войне в городе! Седлай лошадку, девочка-ковбой, папочка вернулся в город! — Он весело хлопнул ладонью по столу. — Поищите для меня ферму, кто-нибудь. Она завтра мне понадобится. Ну, девочки, мы можем сделать это? ДА ЗДРАВСТВУЕТ «Коко»!

Все радостно запрыгали и забегали.

— Милочка, мы можем экспроприировать ваши костюмчики еще на денек? — осведомился мужчина, повернув голову ко мне.

Я вдруг вспомнила, почему именно так хотела заниматься видовой фотосъемкой.

В студию я возвратилась в 13.42, предварительно буквально вырвав коробку с ковбойскими нарядами из наманикюренных рук модельера, который сказал мне, что я — бесстыдная сучка, вид которой оскорбителен для его глаз. В студии меня ожидали двенадцать отчаянно взволнованных девочек, их матери и бабушки, стилистка, парикмахер и визажистка. Я устала, проголодалась, а мы еще даже не приступили к съемке. Мне хотелось рыдать.

Но в тот момент, когда я уже была готова рявкнуть «поберегись!» и пнуть коробку с костюмами ногой, вошла Гретхен.

На ней было ярко-красное платье с рукавами-фонариками, явно купленное по эксклюзивному каталогу. Платье выглядело бы скромно, если бы Гретхен не сопровождала его черными туфлями с открытым носком и на высоченных шпильках. Она выглядела Красной Шапочкой, у которой на

уме нечто такое, от чего волку будет о-очень плохо. Она наполнила студию улыбками и громкими возгласами: «Приве-е-е-ет!», и «Простите, что опоздала!», и «Здравствуйтесь, девочки!».

Девочки вскочили, подбежали и окружили ее, восклицая:

— А я вас знаю!

— Я вас видела по телику!

— Гретхен, Гретхен! Посмотрите, какое у меня платьице!

Одна из них, стоящая рядом со мной, три раза подпрыгнула на месте, выкрикивая:

— Это она! Это она!

После чего ее незамедлительно вытошнило на мои туфли.

Гретхен швырнула на пол огромную сумку, в которой, как выяснилось, лежало несколько бумажных пакетов со сладостями.

— Как мило, — проговорила одна из мамочек. — Это вы для девочек принесли?

— Ну... да, — ответила Гретхен. — Если хотите. Налетаете, детки!

Визжа, словно поросята, девочки (включая и ту, которая испачкала мои туфли) набросились на сладости и начали ссориться — кому что достанется. Гретхен рассмеялась и отошла в сторону. Выглядела она совершенно нормально, как обычно.

— Привет, Эл, как ты?

В ее взгляде мелькнула озабоченность.

— Я только что вернулась после жуткой разборки в редакции «Коко», — ответила я и рассмеялась. Смех получился немного истеричным.

— Что стряслось? — Внимательно слушая мой рассказ, Гретхен поставила стул перед зеркалом и села. — Ты бы сняла туфельки, Эл. Пахнут.

— Глупость ужасная. Ну да ладно. Словом, им попали наши костюмы, а нам — их дорогушие платья. А он пожелал оставить себе наши детские наряды, потому что... нет, это так глупо, что я даже не стану тебя утомлять, а когда я сказала, что костюмы забрать нельзя, он обозвал меня шлюхой, а все вокруг притихли. И еще он мне сказал, что в мире моды я больше работать не буду никогда. — Я перестала хихикать и сняла испачканную туфлю. — Не больно-то и хотелось, между нами говоря.

Гретхен вытащила из коробки бумажный платочек, накрыла им мою туфлю и торопливо бросила в мусорную корзинку.

— Вот это называется дружба, — проговорила она, похлопав меня по плечу. — Ради кого-то еще я бы в жизни к блевотине не прикоснулась. —

Она придирчиво осмотрела мою ногу. — Похоже, на брюки не попало. Хорошо, что они у тебя укороченные. А про этого гадкого гомика забудь, выбрось его из головы. Небось ему осточертела диета — наверняка на нем штаны не сходятся.

— Но был его день рождения! — воскликнула я. — И я надеюсь, что одним из подарков будет огромный торт, который ему противопоказан.

— О, ну тогда тем более понятно, — кивнула Гретхен. — Значит, он еще и постарел на год... Просто ты оказалась в неправильном месте в неправильное время. Хорошо бы ему поперхнуться этим тортом за то, что он, скотина, нагрубил моей лучшей подруге.

— Спасибо, — благодарно проговорила я. Она считала меня лучшей подругой? Как замечательно! Я разрывалась между желанием обнять ее и угрызениями совести из-за того, что обрушилась на нее со своими терзаниями вчера, когда ей самой было плохо. — Ладно, хватит обо мне. А ты в порядке?

Гретхен отмахнулась.

— Да, извини за вчерашнее... И прости, что не перезвонила тебе. Просто у меня был жуткий предменструальный синдром. Ты уж сегодня постарайся, пофокусничай с аппаратурой. Я так распухла, что чувствую себя десятитонной Тэсси^[42]. А сладкого жутко хочется — не поверишь, но... — Она перешла на шепот: — Эти маленькие спиногрызы поедают мои конфетки!

Я рассмеялась.

— Давай потерпим, ладно?

Гретхен кивнула.

— Согласна. Только если потом пропустим по стаканчику где-нибудь. Или по три.

— Заметано, — сказала я. — Вот только я теперь разута.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещала Гретхен. — Это мы умеем.

Без четверти четыре детишки, наевшиеся сладостей, и не подумали утомиться. Они совершенно обезумели и носились по студии, будто маленькие тасманийские дьяволы

^[43]. Вдобавок стилистка включила на полную громкость саундтрек из «Классного мюзикла»^[44], и девчонки принялись танцевать и подпевать, как ненормальные. Но следовало отдать должное Гретхен: она решительно включилась в это безумие и отплясывала наравне с детьми, а те

восторженно визжали.

К пяти часам она еще держалась на ногах, а вот детки немного выдохлись.

— Ты сегодня была просто восхитительна, — смеясь, сказала я и от прилива чувств обняла Гретхен. — Все просто отлично. Пожалуй, теперь мы можем пойти выпить. У меня есть все, что нужно.

— Кроме туфли. — Гретхен указала на мою ногу, пританцовывая под музыку. — Стилистка спросила у меня, почему ты в одной туфле, а я ей сказала, что это одна из твоих творческих штучек. Представляешь, она поверила! Ну, отчасти поверила. Может быть, возьмем такси и сначала заедем к тебе, чтобы ты переобулась?

Меня это вполне устраивало, поскольку я знала, что Том в спортзале и дома его не будет.

Через полчаса мы остановились возле нашего дома. Я отперла дверь и торопливо выбрала пару туфель среди стоящей в коридоре обуви Тома, Пауло и своей. Я спешила, не забывая о том, что счетчик такси щелкает. Только я успела надеть лодочки, как на лестничной площадке возник Том.

— Привет! — воскликнул он.

— Ты что здесь делаешь? — изумленно проговорила я.

— Ну ничего себе! — рассмеялся он. — Я тебя тоже люблю. Встреча с клиентом закончилась раньше, чем я думал. Спортивная сумка у меня в офисе, под столом, но не было сил туда возвращаться, и я решил, что лучше завтра с утра устрою пробежку. А у тебя какие дела?

— Мы с Гретхен собрались выпить после съемки.

— Она здесь? — обрадовался Том. — Я спущусь и поздороваюсь с ней.

— Нет! Все нормально, мы просто на минутку... — залепетала я, но Том уже побежал вниз по лестнице. Я в ужасе поспешила за ним.

Гретхен опустила стекло на окошке. Том протянул ей руку.

— Здравствуй, Гретхен. Меня зовут Том, — приветливо проговорил он.

Гретхен смерила его взглядом и ответила:

— О, привет! Элис мне много о вас рассказывала.

Том рассмеялся и сказал то, что обычно говорят в таких случаях:

— Надеюсь, только хорошее?

Я загаила дыхание. Гретхен знала, что между нами что-то было — а может быть, и сейчас еще есть, но кроме того она знала, как я втюрилась в ее брата. Однако она незамедлительно ответила:

— Конечно! Настолько хорошее, что просто трудно поверить. — Она пристально посмотрела Тому в глаза. — Значит, вы уже закончили работу?

— Да, я работаю в юридической конторе в центре.

— О? И в какой именно? — вежливо поинтересовалась Гретхен.

— «Холланд и Грандж», — ответил Том, убрав руки в карманы.

Я виновато и смущенно обежала вокруг машины и резко открыла дверцу. Мне хотелось как можно скорее уехать.

— До встречи, Том, — сказала я. — Извини, мы торопимся. Счетчик не дремлет, и всякое такое.

Убедившись, что Гретхен на меня не смотрит, я послала Тому быстрый воздушный поцелуй.

— Развлекайтесь, — сказал Том. — Приятно познакомиться с вами, Гретхен.

— И мне, — ответила она.

Машина тронулась с места. Гретхен обернулась и с любопытством посмотрела на Тома через плечо. Он отвернулся и вошел в подъезд.

— Ну... — проговорила Гретхен немного погодя, — он совсем не такой, как я думала.

Глава 14

— Честно, Эл, я ничего такого не хотела сказать. Просто вырвалось.

— Ладно, а каким ты его себе представляла? — поинтересовалась я. Мне не давала покоя мысль о том, что у нее сложился какой-то предварительный образ Тома и она не рассказывает мне какой. Я ей его не описывала — мы вообще о нем почти не говорили! А она явно представляла себе моего «соседа по квартире» гораздо менее... обычным.

— Да ладно, проехали, — беззлобно отмахнулась Гретхен. — Пойду возьму нам чего-нибудь выпить. Бутылку белого вина?

Я просидела целую вечность, ожидая возвращения Гретхен. Она поставила на столик бутылку вина и два бокала и сообщила:

— Ты — моя должница.

Я раскрыла сумочку и вытащила кошелек.

— Конечно, извини. Сколько стоит вино?

— Что? — изумленно спросила Гретхен, но тут до нее дошел смысл моего вопроса. — Да нет, я не о выпивке. Я только что позвонила Бэйли и сказала ему о твоей маленькой влюбленности.

Я в шоке уставилась на Гретхен. Что... она... сделала?

— Оказалось, что девушка из Ипанемы^[45] — ничего серьезного, короткий романчик, — лукаво проговорила Гретхен, налила целый бокал и подвинула ко мне.

Хотя я была в полной панике из-за того, что события так резко скакнули вперед без моего ведома, я ничего не смогла с собой поделать.

— И что он сказал? — прошептала я.

— Он был очень польщен, — ответила Гретхен.

Ощущение у меня было такое, словно мои внутренности начали сворачиваться наподобие горячей бумаги. Он был польщен? Это было примерно то же самое, как если бы какому-нибудь фанату ответили на электронное письмо в изысканных и осторожных выражениях. Что-то вроде: «Мистер Клуни^[46] был чрезвычайно польщен, получив от вас фотографию вашей обнаженной груди и некоторых предметов белья, но он занят на съемках до конца 2008, и потому в этом году он никак не может принять ваше любезное предложение выйти за него замуж».

Наверное, Гретхен заметила выражение моего лица, поскольку

сказала:

— Это не так плохо, Эл. Просто следи за ситуацией, вот и все.

Какая еще может быть ситуация? Ведь у меня есть Том...

— Но, Гретхен... — взволнованно произнесла я.

— Заткнись, Эл. У меня все под контролем, — заговорщицки проговорила Гретхен.

— Но...

— Слушай, прелесть какая! Сейчас включат караоке!

Я обернулась и посмотрела на маленькую сцену перед барной стойкой. Мужчина вертел в руках микрофон.

— Споете со мной? — заискивающе обратился он к посетителям.

Я на миг представила, как тоскливо распеваю «I Will Survive»^[47] в луче прожектора — а в зале сидит обманутый и покинутый мной Том и свирепо смотрит на меня, а еще Бэйли, обнимающий за талию какую-то красотку. Он жалостливо улыбается, посылает мне воздушный поцелуй и уходит вместе с красоткой. Бррр. Ну зачем, зачем она сказала Бэйли, что я в него влюбилась!

— Ну уж нет, спасибо большое, — еле слышно проговорила я.

Но Гретхен такой ответ не устроил. Через час она снова умоляла меня:

— Ну пожа-а-а-а-алуйста!

К тому времени бар заполнился народом, и стало по-настоящему жарко. После вина во рту у меня пересохло, и чувствовала я себя будто в сауне, где кто-то постоянно поливал раскаленные камни чужим потом. Мне отчаянно хотелось на воздух. А если честно — просто хотелось уйти.

— Думаю, пора домой, Грет, — призналась я.

— Ой, ты только послушай! — воскликнула она в восторге, не отрывая глаз от сцены, где четыре девицы весело отплясывали под «Wake Me Up Before You Go»^[48]. — Смотри, как им хорошо. Ну, давай!

— Грет, прошу тебя! Мне совсем не хочется.

— Знаешь что, — объявила Гретхен, выпив остатки вина, — тогда я сама с ними спою.

— Но ведь ты с ними даже не знакома!

— Они не станут возражать. Подождешь меня?

Она вручила мне пустой бокал.

— Ладно, — неохотно согласилась я. — А потом уйдем, хорошо?

Она чувствовала себя поразительно хорошо для женщины с предменструальным синдромом. Лично я валялась бы на диване, проклинала бы всех медиков, вместе взятых, поела бы крекеры пакетами

и орала бы на Тома без всякой причины.

Гретхен, пританцовывая, поднялась на сцену в своем красном платье и туфлях на высоченных шпильках под восторженный свист сидящих за столиками. — Она обняла за талию одну из девушек. Та немного удивилась, но тут же широко улыбнулась и шагнула вместе с Гретхен ближе к остальным. Наверное, они все были вне себя от счастья.

А Гретхен явно решила солировать и протолкалась к микрофону. Правда, девушки, похоже, не имели ничего против — кроме солистки. Та немного раздраженно воззрилась на Гретхен, приплясывающую рядом с ней. К счастью, песня близилась к финалу. Все захлопали в ладоши и радостно завопили. Я заглянула в кошелек — хватит ли денег на такси. И тут услышала, как Гретхен произносит в микрофон:

— Нет-нет — давайте споем еще разок!

Девушки сошли со сцены, бросая на Гретхен любопытные взгляды. Она не обращала никакого внимания на мужчину, который пел раньше, а теперь пытался заговорить с ней.

— Нет! — четко повторила Гретхен в микрофон, наклонилась и нажала на клавишу на мониторе.

Снова зазвучали первые аккорды «Wake Me Up». Кто-то заулюлюкал, кто-то засвистел, но Гретхен, напрочь игнорируя реакцию публики, начала петь.

Мужчина раздраженно подошел к монитору и выключил музыку.

— Эй! — сердито выкрикнула Гретхен. — А ну, включи... немедленно!

Она опустила микрофон, и он негромко запищал. Мужчина и Гретхен вступили в перебранку. Она размахивала микрофоном. Мужчина попытался отобрать его у нее, но Гретхен ловко увернулась и прокричала:

— Ну и ладно! Не нужна мне музыка... Я все равно буду петь, и ты мне не мешаешь!

Что она вытворяла? Чокнутая... Я нервно улыбнулась, прикрыв рот ладонью. Я всеми силами пыталась удержаться от хохота. Гретхен начала напевать «Wake Me Up» а капелла. Послышались выкрики:

— Убирайся!

— Эй, блондиночка, закрой рот!

Но Гретхен продолжала всех игнорировать. Она стала размахивать руками и приплясывать. Это было немного похоже на то, как мой подвыпивший папа танцевал под «Нью-Йорк, Нью-Йорк» ближе к концу свадебной вечеринки, вот только у Гретхен с координацией было получше и ноги покрасивее.

Но вскоре Гретхен начала выдыхаться. Ведущий поднялся на сцену и осторожно взял ее за руку. Стоило только ему прикоснуться к ней, как она вдруг замерла и прокричала:

— Не трогай меня!

И устремила на него свирепый взгляд. Организатор испугался и попятился назад, вскинув руки в знак того, что сдается, после чего кивнул одному из барменов. Тот кивнул и поднял трубку телефона.

Гретхен тем временем словно окаменела. Она стояла на сцене, сжимая в руке микрофон, и, зажмурившись, продолжала петь. Я не понимала, чего она добивается: хочет показать намерение во что бы то ни стало допеть песню до конца? Не сказать что у нее был плохой голос — нет, голос был красивый, на удивление низкий и страстный, но я уже успела догадаться: с ней что-то не так. Она сжимала микрофон с такой силой, словно от этого зависела ее жизнь. Народ в зале примолк, люди начали удивленно перешептываться. Все смотрели на Гретхен. Я заметила, как одна женщина приставила к виску указательный палец и сделала большие глаза, глядя на своего спутника.

— Вуу-ву-вуу, вуу-вуууу-вууу-вуу, ву-ву-ву-вууу...

Гретхен стала изображать голосом гитарное соло, и я окончательно поняла: она не собирается останавливаться. Это уже было не смешно. Я вдруг полностью протрезвела и увидела, как в конце зала открылась дверь и появились двое весьма решительного вида вышибал. Я схватила наши сумочки и стала пробираться между столиками к сцене. Бармен что-то сказал вышибалам и указал на Гретхен. Здоровяки понимающе кивнули и направились к сцене. Но я оказалась там первой, потянулась к Гретхен и прикоснулась к ее руке. Она все еще пела.

— Гретх? Гретхен. Хватит.

Все смотрели на нас. Один из вышибал поднялся по ступенькам слева. Я, пытаясь уберечь от него Гретхен, крепче сжала ее руку и потянула к себе. Она выронила микрофон, открыла глаза и словно бы изумилась, обнаружив себя на сцене.

— Я просто хочу петь, — жалобно проговорила она. — Дайте мне спеть.

— Не прикасайтесь к ней! — предупредила я вышибалу.

Наконец мне все же удалось стащить Гретхен со сцены. Я повела ее к выходу. Чтобы идти быстрее на высоких каблуках, ей пришлось семенить. Мы поднялись по лестнице, стремительно прошли мимо гардероба. Гретхен начала хихикать — словно мы с ней играли в какую-то игру. Я вытолкала ее за дверь, и нас окутал прохладный ночной воздух. Гретхен

покачнулась, и я крепче взяла ее под руку.

— С тобой все в порядке? — обеспокоенно спросила я.

Она посмотрела на меня. Ее освещали неоновые огни вывески бара, и я увидела, что зрачки у нее огромные, словно озера. В ответ она только хихикнула. С жутким чувством я догадалась, почему она так странно себя вела. Она была под наркотой.

Наконец мне удалось поймать такси. Гретхен снова начала тихонько напевать. Назвав свой адрес, я обессиленно прижалась затылком к спинке сиденья и минут пять молчала. Мне хотелось задать Гретхен очень много вопросов, но я не знала, с чего начать. Мне вспомнилось, как она чуть не разрыдалась вчера. Да... Предменструальный синдром, как же. Нет, тут дело было посерьезнее. Что-то такое, о чем она мне не говорила. Я мучительно пыталась догадаться. Может, это было как-то связано с мужчиной? Но по идее последним, с кем она встречалась, был парень из мальчиковой группы, а это было сто лет назад.

Гретхен смотрела за окошко. Ее глаза ярко блестели, она словно бы ожидала следующего номера в программе вечеринки. Наконец она вежливо осведомилась:

— Значит, мы возвращаемся к тебе?

Это было сказано таким тоном, будто мы ехали домой после приятно проведенного в театре вечера.

Я, не веря своим ушам, уставилась на нее.

— Да, ко мне, — сказала я и на миг зажмурилась.

Как мне хотелось, чтобы этот ужасный день закончился.

«С меня хватит», — в отчаянии подумала я.

— О-о-о-ой, посмотри-ка! — вдруг воскликнула Гретхен. — Церковь! Давай остановимся и зайдем! — Она протянула руку к ручке на дверце. — О, — разочарованно произнесла она. Дверца была автоматически заперта. Водитель раздраженно глянул в зеркало. — Я не могу выйти. Элис, пожалуйста, сделай что-нибудь. Мне срочно нужно поговорить с Богом. Я должна кое-что рассказать Ему. Пойдем повидаемся с Богом... скорее!

— Гретхен! — поспешно проговорила я. — Нельзя вылезать на ходу! Это опасно!

Но она продолжала остервенело дергать ручку. В конце концов мне пришлось схватить ее за руку и оттащить от дверцы. Она расхохоталась и откинулась на спинку сиденья. Задержав дыхание, она начала быстро постукивать кончиками пальцев по бедру, а потом принялась негромко напевать.

Я в ужасе смотрела на нее. Что она проглотила, когда ходила в туалет?

Я была не настолько наивна, чтобы думать, будто люди, работающие в шоу-бизнесе, чисты, как первый снег, но она вела себя просто как безумная. Она хотела поговорить с Богом?

Мы промчались мимо церкви, и Гретхен успокоилась. Через пять минут мы подъехали к моему дому, и в итоге мне удалось уговорить ее подняться. Я, по-моему, еще никогда не говорила таким спокойным голосом. Я понимала, что Том уже давно лег спать, поскольку завтра ему нужно было рано встать перед работой, поэтому берег, так сказать, был пуст, но Пауло наверняка не спал и смотрел телевизор, параллельно упражняясь с тяжеленными гантелями.

Когда мы вошли, он только взглянул на нас и сразу положил гантели на пол. Вид Гретхен явно произвел на него впечатление. Он откинул назад слипшиеся от пота волосы и, вытерев руку о футболку, протянул ее Гретхен.

— Hola^[49], — произнес он дружелюбно.

Я заметила, что Гретхен по достоинству оценила его мускулистые плечи — на мой взгляд, даже слишком мускулистые — и абсолютно плоский живот.

— Меня зовут Пауло.

— Привет, Пауло. Я тут переночую.

Гретхен кокетливо улыбнулась и хихикнула.

О-о-о-о, нет! Только этого не хватало.

— Спокойной ночи, Пауло, — решительно проговорила я и взяла Гретхен за руку.

Я провела ее в холл и поспешно закрыла дверь в нашу с Томом спальню, чтобы не разбудить его. Заглянув через мое плечо в темную комнату, Гретхен смогла увидеть только силуэт Тома на кровати.

— Он такой миленький, Элис, — медленно протянула она. — А можно, я возьму его себе, если он тебе больше не нужен? — Она негромко икнула. — По-моему, он просто идеален.

Том? Идеален? Господи, она совсем рехнулась.

— Или я возьму того, другого. Как его? Марио? Мне все равно. Он такой хорошенький. Не женат?

— Не женат, но тебе пора спать, Грет, — спокойно сказала я. — Можешь лечь здесь.

Я открыла дверь в комнату, которая раньше, когда здесь жила Вик, была моей, а теперь служила мне кабинетом. Я быстро убрала лишние вещи с незастеленной кровати.

— Милая «спаленка». — Гретхен изобразила жестом кавычки и,

истерически смеясь, шлепнулась на матрас. А потом зевнула во весь рот. — Спать хочу жутко.

Может быть, она, в конце концов, была просто сильно пьяна.

— Сумеешь заснуть? — спросила я.

— А ты? Ты где будешь спать? — осведомилась Гретхен и хихикнула.

— На диване лягу, — соврала я и дала себе установку встать пораньше, чтобы не дать Гретхен пищи для ненужных догадок. — Утром поговорим, ладно? — И я укрыла Гретхен теплым одеялом.

Оно было без пододеяльника, но Гретхен, похоже, это несколько не волновало. Она уже закрыла глаза. Я вышла и осторожно прикрыла дверь.

На следующее утро я очнулась в испуге и сразу поняла, что проспала. Том уже ушел на работу. Я быстро встала и надела халат. Кровь пульсировала у меня в висках. Гретхен ведь еще не могла встать. Вчера она была в жутком состоянии. Я посмотрела на часы. На счастье, в этот день съемка у меня была во второй половине дня. Значит, времени вполне должно было хватить, чтобы разбудить Гретхен и выяснить, что с ней стряслось прошлой ночью.

Я на цыпочках подошла к кабинету и приоткрыла дверь.

На кровати никого не было... Гретхен исчезла.

Глава 15

Ее нигде не было. В кабинете пусто: ни записки, ничего — только кончики ее фирменных туфель торчали из-под дивана. Невольно вспомнилась Злая Ведьма из «Волшебника из страны Оз». Рядом с туфлями на полу валялась сумочка. Я встала на четвереньки и быстро заглянула под диван. Как и следовало ожидать, Гретхен под ним не оказалось. Но куда она могла деться без туфель и сумки?

Я вышла в холл и наткнулась на Пауло. Он был в свежей футболке, спортивных штанах, приспущенных ниже пояса, и громадных баскетбольных кроссовках.

— Нола, Элис, — мимоходом поздоровался со мной Пауло.

— Ты не видел Гретхен? — спросила я, но Пауло постучал пальцем по наручным часам и сказал:

— Опаздывать в спортзал, извини.

Он бросил взгляд в сторону своей спальни, отвернулся, вышел из квартиры и быстро сбежал по лестнице. Хлопнула дверь подъезда.

Почему у него был такой вороватый вид? Я ведь не обвиняла его в том, что он под покровом ночной темноты соблазнил Гретхен и увел в свою комнату.

О черrrrrрт...

Нет, это невозможно. Она не могла. Они даже нарой фраз не успели обменяться! Даже не познакомились толком!

Тем не менее я на цыпочках подошла к спальне Пауло.

Очень-очень медленно, затаив дыхание и прихватив одной рукой полы халата, я приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

Кровать была не прибрана, но пуста. Ох, слава богу. Я облегченно выдохнула.

Но все равно было непонятно, куда она, черт побери, подевалась. В нашей квартире не так много комнат, чтобы удалось где-то затеряться.

Я прошла по квартире, хотя прекрасно понимала, что это не глупая игра в прятки, что Гретхен не выглянет откуда-нибудь (например, из-под кухонной раковины) и не прокричит: «Я выиграла!»

Она просто растворилась в воздухе. Я обессиленно плюхнулась на диван и попыталась порассуждать логически. Ничего не получилось,

поэтому я позвонила Тому.

— Когда я утром встал, она точно была в твоей старой комнате, — сказал он. — Подожди минутку, Эл... Да, я буду через две секунды, — сообщил он кому-то. Я слышала, как звонят телефоны, как сотрудники в его офисе переговариваются между собой. Потом он снова заговорил со мной: — Эл, мне нужно идти, тут у нас с утра суматоха. Я перезвоню тебе попозже. Люблю. Пока.

Он повесил трубку.

Я сидела и гадала: не позвонить ли в полицию. Но не совсем понимала, что смогу сказать. «Моя лучшая подруга вчера вечером напилась и, возможно, наглоталась наркотиков. Я уложила ее спать, а теперь ее нет»? Они пошлют меня куда подальше.

Я вернулась в кабинет, открыла сумочку Гретхен и заглянула в нее. В сумочке лежал мобильник, кошелек, кое-какая косметика, заколка для волос — короче, ничего такого, что помогло бы мне разгадать тайну ее исчезновения. Я взяла мобильник. Он был включен.

И тут меня озарило. Бэйли. Я могла позвонить ему. Его сестра исчезла, и я волновалась за нее. Ему следовало сообщить об этом.

О-о-о... Мне совсем не хотелось звонить ему. Теперь он знал, что я в него влюблена. Буду выглядеть навязчивой школьницей.

«Спасибо тебе огромное, Гретх», — сердито думала я, просматривая ее телефонную книгу.

Вскоре я отыскала имя Бэйли. Я помедлила. Мне жутко не хотелось делать это, но все-таки ведь Гретхен действительно пропала! Черт! Я сделала глубокий вдох и, не дав себе передумать, нажала клавишу вызова.

— Грот, пожалуйста, отстань, — ответил сонный голос. — Я еще сплю...

О боже... а если он не один?

— Вообще-то это Элис, — проговорила я, пытаюсь сосредоточиться исключительно на исчезновении Гретхен. — Мы познакомились в кафе.

— О да! — торопливо откликнулся Бэйли. Я представила, как он приподнялся и сел на кровати. — Извини, пожалуйста! Минуточку... Ты звонишь мне с мобильного моей сестрицы?

— Да. — Я сделала еще один глубокий вдох. — Боюсь, что-то случилось.

Я нервно ждала Бэйли в кофейне, сжимая в руках сумку Гретхен, в которую положила ее туфли. В половине десятого дверь открылась. Вошел Бэйли, невеселый и немного усталый с виду.

Я ничего не могла с собой поделать. Сердце у меня учащенно забилось, как только я его увидела. Я взволнованно поправила свежевывмытые волосы и разгладила морщинку на черном топе с чуть более глубоким вырезом, чем обычно носила. Я очень старалась не думать о том, что Гретхен в разговоре с братом проболталась про мою влюбленность. Сейчас нужно было переживать за более серьезные вещи. Я неловко привстала и сразу протянула Бэйли сумку.

— Привет, Элис, — с полуулыбкой проговорил он. — О, это ее сумка? — Он взял у меня сумку и, поставив ее на столик, выдвинул стул и сел напротив меня. — Мне ужасно жаль, что тебе так досталось.

— Все нормально.

— Да нет, на самом деле ничего нормального. — Он откинулся на спинку стула и в упор посмотрел на меня. — Все это очень паршиво и грустно. Давно у нее не случалось таких срывов. Казалось, уже можно было убедить себя в том, что с ней все в порядке, и тут... — Он вздохнул. — И тут ползаешь напомиание: нет, совсем не в порядке. Бедная дуручка.

Я понятия не имела, о чем он говорит.

— Видимо, она слезла со своих средств, если отчебучила такое. Давно с ней такого не происходило.

— С каких средств она слезла? — спросила я, недоумевая.

— С лития, — ответил Бэйли, удивленный моим непониманием.

Наверное, вид у меня был совершенно ошарашенный, потому что Бэйли уставился на меня, а потом проговорил — очень медленно:

— О черт. Она тебе нечего не рассказывала?

— Литий? — эхом повторила я. В глубине сознания прозвенел звоночек. — Я что-то слышала об этом.

Бэйли опустил голову, закрыл лицо ладонями и пробормотал:

— Черт, черт, черт... — Он выдохнул, запрокинул голову и спокойно произнес: — У Гретхен маниакально-депрессивный психоз. Я думал, ты в курсе. Прости.

Я смотрела на него, напрочь лишившись дара речи.

— Я думал... — неловко выговорил он. — Просто... Она столько о тебе говорила, так тебя расхваливала. Вот я и решил, что она тебе все рассказала. Обычно она этого не скрывает — хотя в прошлом в результате потеряла много друзей. Может быть, как раз поэтому она и решила тебе не говорить: побоялась. Не знала, как ты отреагируешь. О черт, я веду себя как идиот, — сказал он, явно рассердившись на себя. — Где официант? Мне тоже нужна большая-пребольшая ложка, — попытавшись пошутить,

добавил он.

Мой разум наконец заработал, я начала вспоминать события вчерашнего вечера... Как Гретхен пела, как потом пыталась выскочить из такси на ходу. Значит, она не была пьяна? Значит, дело было не в наркотиках? Маниакально-депрессивный психоз? Почему же она не сказала мне?

Бэйли внимательно посмотрел на меня.

— Кажется, на тебя это слишком подействовало. Только пойми правильно. Ты знаешь, что такое маниакальная депрессия? Не надо так пугаться, Элис. Она не чокнутая.

Он ждал, но я молчала. Я только видела перед собой Гретхен, щелкающую ручкой на дверце такси. А если бы дверь не была заперта? А если бы...

— Можно, я попробую тебе объяснить? — мягко проговорил Бэйли. — Ты знаешь, что такое «забалдеть»?

— Не совсем, — мотнула я головой. — Когда училась в университете, пару раз вдыхала чужой дым — или как там это называется.

— Это называется «паровоз». — Он улыбнулся, удивленный моей неосведомленностью. — Я спрашиваю, потому что...

Он умолк и сделал глубокий вдох.

Несколько секунд мы сидели молча. Похоже, Бэйли собирался с мыслями.

— Представь, — наконец снова заговорил он, — что ты приняла наркотик. У тебя возникло ощущение экстатической радости, ты словно бы любишь весь мир. Тебе кажется, будто для тебя нет ничего невозможного. Тебе не нужен сон, у тебя столько энергии, ты с трудом можешь усидеть на месте. У тебя начинают возникать фантастически яркие идеи и планы, о которых ты раньше даже не смела помышлять... А теперь тебе кажется, что все возможно — абсолютно все. Деньги, другие люди — все перестает иметь значение, ты ничем и никем не сдерживаема. На самом деле ты чувствуешь себя необычайно привлекательной, словно бы намагниченной — все хотят слушать только тебя, ты и соблазнительна, и жаждешь, чтобы тебя соблазнили. Тебе хочется танцевать без конца, а потом — куда-то бежать. Ты словно мчишься в открытом кабриолете на рассвете, и ветер бешено раздувает твои волосы.

Я затаила дыхание. Это звучало просто чудесно. И мне ужасно захотелось, чтобы так и было — и чтобы рядом со мной был он.

— Но потом, — продолжал Бэйли, — все слишком сильно ускоряется. Ощущение такое, словно кто-то приклеил твои ступни к педали

акселератора и ты не можешь их оторвать. Ты с опасной скоростью пересекаешь перекрестки, мысли у тебя начинают путаться. Тебе страшно, окружающие люди пугают или сердят тебя.

Без всякого предупреждения ты оказываешься под самыми жуткими черными тучами, какие только могут быть на свете, а ты понятия не имеешь о том, где находишься и как сюда попала. А потом вся эта безумная энергия начинает кружить тебя все быстрее и быстрее... в небе над твоей головой грохочет гром... сверкает молния, и тебе кажется, будто ты видишь и слышишь что-то не совсем реальное. Безумное смятение и страх наваливаются на тебя с такой силой, что ты кричишь, но тут появляются люди и хватают тебя. Ты не знаешь, кто они такие, поэтому пытаешься защититься. Ты отбиваешься, но они держат тебя, хотя ты всеми силами стараешься вырваться и управлять собой...

Я сидела как каменная. Я даже перестала слышать шум в кафе. Видела только Бэйли, слышала только то, что он мне говорил.

— А потом ты просыпаешься и не помнишь, как заснула под этим тяжелым бесконечным дождем, который идет и идет, а тебя охватывает такая тоска, такое отчаяние, каких ты не ощущала никогда в жизни; ты не представляешь, что этому может прийти конец. Ты начинаешь вспоминать все ужасные вещи, какие натворила, пока была под кайфом. Тебя охватывает жуткий стыд, ты не хочешь никого видеть. Тебе кажется, что ты ничего не можешь предложить миру — и мир тоже мало что может предложить тебе.

Мило улыбающаяся официантка подошла к нашему столику и спросила веселым певучим голосом:

— Будете заказывать?

— А-а-а... кофе, пожалуйста, — пробормотала я, совершенно не готовая к ее появлению.

— Мне тоже, — сказал Бэйли. — Со сливками. Спасибо.

Официантка торопливо удалилась.

— В мозгу Гретхен происходит все то, что я сейчас тебе описал, — происходит само по себе, — продолжал Бэйли, не спуская с меня глаз. — Для того чтобы вызвать эти ощущения, ей не нужно ничего принимать, хотя наркотики и алкоголь, которые она употребляет, безусловно, не улучшают ее состояния. Фактически у нее в головном мозге нарушено химическое равновесие. В чем причина и почему болезнь внезапно обостряется — медики не знают. Может быть, заболевание наследственное — они не уверены. Как бы то ни было, три года назад ей поставили этот диагноз: маниакально-депрессивный психоз.

— Она раньше исчезала так, как сегодня? — наконец смогла выговорить я.

Бэйли кивнул.

— А ты знаешь, где она может быть?

Он покачал головой.

— Нужно просто терпеливо ждать. Надеюсь, она позвонит, а не она сама — так кто-нибудь другой. Увы, больше мы ничего сделать не можем.

Он беспомощно пожал плечами.

Я внимательно смотрела на него, пытаюсь представить себе, как бы чувствовала себя, если бы вот так потерялся Фил — несчастный, уязвимый, если бы он находился где-то, где никто из нас не может его найти, забрать его и защитить. Бэйли опустил глаза.

— Значит, нужно просто ждать?

Он кивнул.

— Наверное, это очень трудно.

У него вырвался робкий смешок.

— Ты представить себе не можешь, насколько трудно. Ты ждешь телефонного звонка — и в то же самое время боишься его. А вдруг — господи помилуй...

Некоторое время мы оба молчали. Казалось, пауза будет длиться вечно. Мне хотелось потянуться к Бэйли, прикоснуться к его руке, но я боялась, как бы он не понял это превратно.

— Ну а когда она объявится, — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно бодрее, — что тогда?

— Я попытаюсь определить ее в психиатрическую больницу.

Я не сдержалась и ахнула, мгновенно представив себе белые стены, гулкие коридоры, зарешеченные окна и смирительные рубашки. Другое на ум не приходило.

— Все не так, как ты думаешь, — поспешно проговорил Бэйли, заметив выражение моего лица. — Это абсолютно добровольно, и речь идет о частной клинике. Никто ее гуда не упрячет против воли, но лечь туда ей придется, ведь на определенных стадиях цикла болезни, которые я тебе описал, она не управляет своим настроением — и есть риск, что в отчаянии она может попытаться покончить с собой, но даже не будет осознавать, что пытается сделать это. Не хочу вдаваться в подробности — скажу только, что такое уже случилось в прошлом.

Снова пришла официантка и не слишком ловко поставила на стол чашки. Немного кофе выплеснулось в блюдечки.

— Ой! — смутилась она. — Приятного аппетита.

И снова ретировалась.

Я была в полном ужасе после рассказа Бэйли. Верилось с трудом. Гретхен? Красавица, юмористка, бесстрашная Гретх? Я чувствовала себя так, словно готова шагнуть в кабину лифта — а кабины нет, и под ногами у меня пропасть.

— Это всего лишь меры предосторожности, — добавил он быстро. — Звучит жутковато, Эл, но такое с ней уже случалось, а потом проходило. Возможно, и в будущем еще случится, но, несмотря на все, что я тебе рассказал, с ней можно жить, можно ладить — поверь мне. Дисбаланс регулируется лекарствами. Пока она их принимает, пока регулярно показывается врачам, она абсолютно нормальна. Верь мне: я в каком-то роде сам стал специалистом. Наверное, я прочел все книги по этой теме, обшарил все веб-сайты.

Он попытался улыбнуться.

— Вчера вечером, — я не слишком успешно пыталась придерживаться рассудительного тона, — она вела себя... очень странно. Возбужденно, непоследовательно. Ты думаешь, это потому, что она перестала принимать свои лекарства?

— Похоже на то, — кивнул Бэйли. — Ты уж извини, что я столько всего тебе выложил — она меня убьет, — вздохнув, проговорил он. — На самом деле она очень замкнутая. Ох, какой же я идиот... — Он снова закрыл лицо руками. — Мне и в голову не приходило, что она тебе ничего не рассказывала. Ты кажешься такой спокойной, надежной. Посмотришь и подумаешь — вот человек, на которого можно положиться.

— Но мы ведь не так давно знакомы, — медленно выговорила я. — Мы очень хорошие подруги, но...

— Я всегда считал, что девушки говорят друг с другом буквально обо всем, — чуть игриво проговорил Бэйли и так взглянул на меня, что мне, дура, на миг показалось, будто он намекает на мою влюбленность в него. Но его улыбка тут же угасла.

— Но с другой стороны, кто может решить — когда самое время рассказать о таком?

И точно — когда? Бедная, несчастная Гретхен.

— Ты ведь не бросишь ее? — поспешно спросил Бэйли. — Я знаю, это тяжкое бремя, но именно сейчас ей особенно нужны добрые друзья, Элис.

Я посмотрела на него.

— Конечно не брошу, — пообещала я. — Никуда я не денусь.

— Спасибо тебе, — произнес Бэйли с искренним облегчением. — Она пробьется, обещаю. И спасибо тебе за то, что позвонила мне и встретила

со мной. — После небольшой паузы он добавил: — Но я и сам собирался тебе позвонить.

Мое сердце в ожидании забилося. Его рука лежала на столе рядом с моей рукой. Я представляла себе, какое у меня будет ощущение, если он ко мне прикоснется.

— Гретхен сказала мне... — проговорил он.

— Да-да, знаю, — прервала его я и покраснела. — Она не должна была это делать. Просто хочу, чтобы ты понял: я не привыкла действовать словно пятнадцатилетняя девочка — типа: «Ты жутко нравишься моей подружке».

— Вообще-то я собирался сказать, что Гретхен сообщила мне: ты рассталась со своим другом.

— О... — выдохнула я и в очередной раз пожалела, что поблизости нет норки, в которую можно спрятаться.

Бэйли рассмеялся.

— Не расстраивайся так! Ладно, ладно. Буду честен до конца. Допустим, она говорила о тебе со мной. Наверное, опасалась, как бы я снова не упустил свой шанс. Я хотел позвонить тебе на следующий день после того, как мы познакомились, но Гретхен мне объяснила, что у тебя есть серьезные отношения. Ты совершенно права, она не должна была вмешиваться, но я рад, что она так поступила.

У меня — серьезные отношения? Неужели Гретхен лучше понимала, что у меня с Томом, нежели я сама?

— Может, мы немного посидим где-нибудь на воздухе? — спросил Бэйли. — Время есть?

Я бы все на свете отменила ради него.

Мы расплатились, и он вышел из кафе впереди меня. Я с удовольствием ступила на залитую солнцем улицу. Бэйли нашел свободную скамейку на Лестер-сквер. Мы уселись там, в окружении лондонцев, устроившихся на траве и деловито разворачивающих сэндвичи. Люди охотно подставляли лица солнцу, радуясь минутам покоя вдали от офисных телефонов и потока электронных писем.

— Ну, — сказал Бэйли, пытаясь перейти на более непринужденный тон, — какую неподобающе тяжелую тему мы изберем для разговора, когда я в следующий раз тебя куда-нибудь приглашу? Может быть, нарушения прав человека в Китае?

— Удивительно, как тебе удается сохранять спокойствие, — заметила я, думая: «Когда ты в следующий раз меня пригласишь?»

— Приходится. А какой у меня выбор? — Он немного смущенно

улыбнулся и показался мне в этот момент чрезвычайно ранимым. Я инстинктивно потянулась к нему, взяла его за руку. Просто взяла его за руку, так как почувствовала, что ему это нужно.

Он ничего не сказал. Мы просто сидели и держались за руки. Я боялась пошевелиться, чтобы он не подумал, что надо отпустить мою руку. Но он не отпускал.

А через некоторое время все стало меняться, и то, что началось с моей невинной попытки утешить Бэйли, начало преображаться в нечто иное. Кровь стала часто пульсировать в венах на моем запястье. Я все еще держала его за руку. Вернее — мы держались за руки. Я обвела площадь спокойным взглядом, но на самом деле я едва дышала. За столиками уличных кафе сидели люди, смеялись и лениво курили. Это мог бы быть Париж — если бы я зажмурилась и перестала видеть черные такси, почтовые ящики и пинтовые стаканы на столиках. Я подумала о Париже — и тут же вспомнила о Томе.

— Мне нужно идти, — сказала я, повернув голову к Бэйли.

— Хорошо. — Он посмотрел на меня, и я вдруг осознала, как мы близки друг другу. — Спасибо, что подержала меня за руку, — улыбнулся он. — Давно меня никто так не слушал. Я тебе очень благодарен. Но ты умеешь поставить точку.

И тут это произошло.

Он подался вперед и поцеловал меня — так, словно только мы одни и были на площади. Я на секунду замерла, а потом... потом очень робко поцеловала его в ответ и забыла обо всем, кроме испытываемого мною чувства. Мои губы покалывало, словно по мне пропустили электрический ток, напряженные мышцы плеч расслабились, я почувствовала, как рука Бэйли легла мне на бедро. Я вдыхала запах его кожи, ощущала его тепло. Мне казалось, что я падаю... На секунду я совершенно забылась, и мне стало все равно, смотрят на нас или нет. Пусть хоть весь Лондон остановится и, вытаращив глаза, уставится на нас. Пусть до конца света останется десять секунд — я бы погибла счастливой с этим поцелуем. Словно бы каждый нерв в моем теле ожил. Все во мне кричало: «Не отпускай меня!»

Но Том... Как же Том? Я поспешно отстранилась. Бэйли изумленно посмотрел на меня.

— Мы не должны это делать, — виновато пробормотала я.

— Почему?

Я растерялась.

— Гретхен пропала, и...

— Нет-нет, — торопливо проговорил Бэйли. — Маленькие кусочки радости надо подбирать, где бы ты их ни нашла. Понимаю, ситуация сейчас не из легких, но уверяю тебя: Гретхен была бы в полном восторге, узнай она, что ее сводничество было успешным.

Я вспомнила разговор с Гретхен в обувном магазине... Нет, я не могла разделить с Бэйли его уверенность. Но она сказала ему, что мы с Томом расстались и что я им увлеклась... Я была в полном смятении. Впрочем, разве могло это сравниться с тем, что чувствовала Гретхен? Она уж точно совсем потерялась, бедняжка.

— Я хочу еще увидеться с тобой, — сказал Бэйли. — Можно? Когда все уладится с сестрой.

Я кивнула. Инстинктивно, не задумываясь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда я тебе позвоню, — сказал Бэйли. — Как только она появится — сразу позвоню, чтобы ты не волновалась, и мы о чем-нибудь договоримся.

Мы. Вот как. Теперь он уже говорил о нас — «мы».

Ошеломленная и тем, что сейчас произошло, и тем, на что согласилась, я встала и еле слышно прошептала:

— Буду ждать.

Уходя, я чувствовала, что он провожает меня взглядом. И это было приятно.

Глава 16

— Ты сделала... что? — не веря своим ушам, переспросила Вик.

Я зажмурилась и обессиленно опустила на ковер в спальне.

— Я целовалась с Бэйли.

— Когда?

Я поежилась.

— Два дня назад.

— Два дня назад?!

В трубке телефона послышался звон, затем — приглушенные ругательства, а потом Вик сказала:

— Вот и я. Стакан разбила случайно. Два дня — и ты помалкивала в тряпочку. Это как называется?

— Тебя не было в Париже! Я не могла позвонить тебе в выходные! Вик, я схожу с ума. Мне так плохо, я чувствовала себя ужасно виноватой. Но все еще хуже, чем ты думаешь. Он только что позвонил, хочет пригласить меня куда-нибудь.

— Да? И что ты сказала?

— Ничего. Он оставил сообщение, потому что у меня не было сил ответить. Он сказал: «Гретхен вернулась. Ты свободна завтра вечером?»

— Что же мне делать?

— Гретхен вернулась? — переспросила Вик. — А где она была? Тоже куда-то уезжала на выходные?

— Нет, она... — начала я и услышала голос Тома:

— Привет, Эл, я дома. Ты где?

— Черт, Том пришел. Потом перезвоню, — прошипела я.

— Эл! Не вздумай вешать трубку!

В дверях появился Том. Таким взволнованным я его не видела несколько месяцев.

— У меня потрясающая новость, — объявил он. — Не хочешь ли ты, — он сделал драматическую паузу, — провести следующие... О, ты по телефону разговариваешь. Извини.

— Скажи ему, что я плачу — что я поругалась с Люком, — проинструктировала меня Вик.

Том поджал губы.

— Хочешь, я чай приготовлю?

Я покачала головой.

— Только недолго, ладно? Хочу все рассказать тебе до того, как вернется Пауло.

— Он ушел, — сообщила я Вик, как только Том удалился из комнаты.

— Ну вот, — облегченно вздохнула она. — Рассказывай, что случилось.

Десять минут спустя, после ожесточенных дебатов, Вик по-прежнему сохраняла уверенность в том, что все закончится слезами.

— Значит, у вас был красивый поцелуй. Что ж — пусть так и будет. Сохрани воспоминание об этом, но уйди! Говорю тебе: судя по всему, о чем ты мне поведала, он просто роскошный мужик. Привлекательный, милый и все такое. Идеал, короче говоря. А если так, то, значит, с ним наверняка что-то не так.

— Нет, с ним все так, — пылко возразила я. — Он потрясающий. Интересно, не ты ли сама мне говорила: «Ты заслуживаешь счастья, пусть даже не с Томом»?

— Но ты едва знакома с этим парнем!

— Ты Люка тоже не сто лет знала, — парировала я. — А через три месяца умчалась с ним в другую страну.

Последовала пауза.

— Но он — брат Гретхен! — наконец сменив тему, воскликнула Вик. — А если ты и этот мистер Идеал в конце концов разбежитесь? Гретхен окажется между двух огней, тебе захочется спросить ее, что у него на уме, с кем он теперь спит, а она не захочет тебе отвечать, ведь он ее братец, и все такое... В итоге тебе придется встречаться с ним всякий раз, когда твоя Гретхен будет собирать гостей на вечеринку или в день рождения. Прости-прощай тогда ваша дружба. Мне-то, конечно, плевать, как ты понимаешь.

— Я знаю, ты не любишь Гретхен, — вздохнула я.

— Я с ней не знакома, — поспешила напомнить мне Вик.

— Ну да, да... Понимаешь, тут тоже кое-что происходит.

И я пересказала Вик все, о чем со мной пооткровенничал Бэйли.

— О боже, Элис, — ахнула Вик.

Дверь спальни приоткрылась.

— Ты скоро? — осведомился Том. — Мне очень нужно поговорить с тобой.

Мы оба услышали, как звякнул дверной звонок.

— Что за... — нахмурился Том. — Пойду посмотрю.

Он сделал большие глаза и бесшумно ретировался.

— Прощу тебя, ничего не начинай с братом этой девицы, — умоляюще проговорила Вик. — Пожалуйста!

— Все уже началось, поэтому я должна все рассказать Тому. Так будет честно. Я не лгунья и не хочу его обманывать.

— Это был всего-навсего поцелуй, Элис. Вы не переступили границ. Ради этого не стоит разрывать отношения с Томом. Вы не дети малые, а Том... Том — один из твоих лучших друзей!

— Но я пообещала Бэйли, что снова встречу с ним! — в отчаянии проговорила я, уставившись в потолок. Как все было легко и просто на Лестер-сквер... — И между прочим, я хочу с ним встретиться. Тут дело не в одном-единственном поцелуе, а в том, к чему это приведет, а я не могу так поступить с Томом. Ты его знаешь... Ты знаешь, это его убьет. — Я немного помолчала. — У всякого действия есть последствия, и мне придется что-то предпринять. Сижу тут, будто должна принять какое-то решение, а на самом деле еще ничего не решила. Нет, я все решила в тот миг, когда поцеловалась с другим мужчиной.

— Отлично. Ладно, порви с Томом, только не говори ему о другом мужчине. К чему это приведет, кроме того, что Том будет чувствовать себя дерьмово? Ты еще и хорошего друга потеряешь вдобавок. Тебе придется солгать, сказать ему, будто у тебя никого нет. А потом — не начинай встречаться с Бэйли еще хотя бы пару месяцев.

— Ты предлагаешь пойти по пути наименьшего сопротивления! — проговорила я, нервно кусая ногти. — Да?

— Уж конечно, не по такому, какой выбрала ты, черт побери! Ты ведь хочешь облегчить душу, так сказать — объявить Тому, что ты целовалась с другим мужчиной. А это несправедливо по отношению к нему. Придется тебе, дорогая, просто жить с тем, что ты натворила, и всеми силами постараться смягчить удар для Тома. Только так ты можешь поступить, если тебе вообще есть дело до других людей. Но знаешь, Эл, никогда не стоит разрывать отношения с кем бы то ни было только для того, чтобы быть с кем-то еще. Разорви эти отношения, потому что они бесперспективны, потому что ты несчастлива с этим человеком, а не из-за того, что хочешь сменить старое на новенькое. Из такого никогда ничего не получится. Знаешь, какого цвета трава по другую сторону забора? Она зеленая, как и везде. А Гретхен знает обо всем этом?

— Понятия не имею. Бэйли в сообщении сказал только, что она вернулась. А когда мы с ним виделись, он упомянул, что постарается на время устроить ее в психиатрическую клинику. Думаю, она сейчас там и

находится. Я с ней пока не разговаривала.

— Боже мой.

— Никому не говори, — поспешно предупредила я Вик. — Мне и тебе не стоило про это рассказывать. — Я сделала глубокий вдох. — Ладно. Ничего не скажу Тому про поцелуй. Поступлю милосердно. Просто расстанусь с ним.

— Даже не верится, что ты способна так говорить об этом, — призналась Вик. — Будто два года ничего не значат для тебя. И как только ты сможешь просто так взять и уйти...

Я уже не раз задавала себе этот самый вопрос и не могла найти более подходящего ответа, чем чистая правда: «Я целовалась с другим женщиной».

— Я целовалась с другим женщиной, — проговорила я, зажмурившись. — Будь я по-настоящему счастлива, я бы никогда такого не сделала. Ни за что на свете.

— Но это же он тебя поцеловал! Люди то и дело совершают ошибки. Напиваются, да мало ли...

— Я была совершенно трезвая, Вик. Просто пожелай мне счастья.

— Желаю, — печально проговорила она и повесила трубку.

Я встала, одернула юбку и отправилась в гостиную. Неужели я вправду собралась сделать это?

— Том... — начала я, но слова замерли у меня на губах, потому что, к совершенному своему изумлению, я увидела сидящую на краешке дивана Гретхен.

Том стоял на пороге кухни, чуть приоткрыв рот. В одной руке он держал (вот ведь потеха!) кусок рыбы, а в другой — кухонное полотенце. На меня он уставился с таким видом, будто увидел впервые в жизни.

— Привет, Эл! — весело поздоровалась со мной Гретхен, словно мы только вчера расстались. Словно она не натворила бог знает чего и не полежала некоторое время в клинике.

Выглядела она абсолютно нормально — но с другой стороны, я понятия не имела о том, как должен выглядеть психически больной человек.

— Я сказала Тому, что ни он, ни я не должны иметь ничего против того, что ты теперь встречаешься с Бэйли. В конце концов, мы все — взрослые люди.

У меня препротивно засосало под ложечкой. Мне стало так худо, что я пошатнулась на месте и подумала: «Кажется, сейчас отрублюсь». А Том словно окаменел.

Гретхен посмотрела на меня и перевела взгляд на Тома.
— Что такое? — невинно спросила она.

Не помню, кто попросил ее уйти. Кажется, я.

Когда стихли ее шаги на лестнице, когда хлопнула дверь подъезда и остались только мы вдвоем, стоящее в разных концах комнаты, Том наконец обрел дар речи.

— Что бы ни случилось дальше, не лги мне, Элис.

Я услышала негромкое всхлипывание и поняла: это я плачу.

— Какого черта? Что происходит? Что она несет? Что это значит — «ты встречаешься с Бэйли»?

Я в отчаянии покачала головой.

— Я не знаю! Мы с ним встретились и попили кофе, это все! Что она тебе наговорила?

— Ты встречалась с ним, чтобы попить кофе? — Призвав на помощь выучку человека, много лет прослужившего в бизнесе, Том сразу взял быка за рога. — Когда?

— Два дня назад.

— Ты мне ничего не говорила!

— Мы с тобой почти не виделись! — возразила я, а это так и было. — Я собиралась сказать тебе сегодня, но тут Вик позвонила — и мы с тобой едва поздороваться успели!

Том растерянно смотрел на меня. Он был не на шутку взволнован, и ему явно очень хотелось поверить мне. Я вдруг осознала справедливость предложенной Вик тактики лжи во спасение и почувствовала, что у меня есть шанс повернуть ситуацию вспять.

— Поверь мне, Том: что бы она тебе ни наговорила — она все поняла неправильно. Я пообещала ее брату встретиться с ним, чтобы поговорить о ней. Она нездорова, понимаешь, у нее...

Но Том не слушал меня.

— Значит, вы просто невинно попили кофе — и все?

Краешком глаза я заметила дым, валящийся из духовки. Что бы там ни готовил Том, блюдо начало пригорать.

— Духовка, Том.

— Там всего лишь пицца, забудь. — Он смотрел на меня в упор. — Вы просто невинно попили кофе?

Мои глаза начали заполняться слезами. Он задал мне прямой вопрос.

— Да, — ответила я.

Я твердо решила говорить правду. Кофе мы и вправду пили невинно.

— И абсолютно ничего не произошло?

Я стояла, словно кролик под прицелом. Я не знала, как быть: то ли метнуться в сторону, солгать и тем самым убереечь нас обоих, то ли сказать правду и принять удар. Я промедлила на долю секунду больше, чем было нужно.

Том, не веря своим глазам, смотрел на меня.

— Что-то все-таки случилось.

Я заторможено кивнула и прошептала:

— Да.

Полотенце выскользнуло из пальцев Тома и упало на пол.

Я видела, как вздымается и опадает его грудь.

— Скажи что.

— Я целовалась с ним.

Том побледнел, будто я его ударила. Его лицо исказила гримаса изумления и боли. Он подошел к маленькому инкрустированному столику, который его родители подарили нам, когда купили себе новый. Встал возле столика и оперся на него, не глядя на меня.

— Том! — взорвалась я. — Я собиралась сказать тебе, что встречалась с ним! Честное слово — спроси у Вик!

Как только эти слова слетели с моих губ, я поняла, что совершила ужасную ошибку. Том запрокинул голову.

— Ты обсуждала это с другими людьми?

— Только с Вик, — умоляюще произнесла я.

Том обхватил голову руками.

Дым из духовки повалил более угрожающе.

— Том, пицца... — робко проямлила я.

— К чертям пиццу! — вдруг рявкнул он.

Я вздрогнула.

— Знаешь, что у меня произошло сегодня? — свирепо воскликнул Том. — Мне предложили шестимесячный контракт в Нью-Йорке. Сначала просто намекали, мол, может представиться шанс до Рождества, я ужасно обрадовался, ведь ты как раз возвратилась из Америки и тебе там так понравилось. Я решил, это будет просто великолепно для нас. Ты могла бы найти себе там любую работу, мы прожили бы шесть месяцев в другой стране, квартира бесплатная... Мы бы столько сэкономили, чтобы купить себе дом, когда вернемся! Я ничего не говорил, не хотел напрасно обнадеживать, и все это время работал как проклятый, чтобы доказать моим боссам, что я тот самый человек, который им нужен в Нью-Йорке, и сегодня — сегодня! — я узнал, что мою кандидатуру утвердили и я могу

приступить к работе в мае. Я попросил разрешения обговорить все с моей подругой и думал, ты подпрыгнешь до потолка от радости. Я сказал, что мы поедем, если ты согласишься. Господи...

— О Том... — выдохнула я.

Так вот почему он все это время молчал насчет ипотечного кредита и всего прочего... Он ждал и трудился в поте лица, чтобы потом преподнести мне сюрприз. Я вытянула руку и шагнула к нему.

— Но, дорогой... Это же значит — через две недели? Но ведь я не могу просто так бросить все и поехать, — сказала я совершенно искренне, всеми силами стараясь сгладить напряженность. — У меня клиенты, все расписано.

Том быстро отступил назад.

— Не прикасайся ко мне, — в отчаянии проговорил он.

К своему ужасу, я увидела слезы в его глазах.

— Я так старался, так... А ты в это время целовалась с братом Гретхен, а потом болтала об этом с Вик? — прошептал он.

Слеза побежала по его щеке.

Он стремительно кинулся мимо меня из кухни в нашу спальню. Я бросилась за ним. Он вытащил свой чемодан из гардероба и принялся швырять в него вещи — в том числе одну кроссовку, а вторая осталась под кроватью. Он ее не заметил, а я не сказала.

— Что ты делаешь? Ты уходишь? Нет! Том, останься, поговори со мной. Такое случилось в первый и единственный раз. Это был всего-навсего поцелуй! Честное слово!

Он не обращал на меня внимания. Выскочил из комнаты, схватил ключи и остановился только для того, чтобы выключить духовку.

— Открой окно, иначе сработает пожарная сигнализация, — буркнул он.

Взял чемодан и прошел мимо меня.

— Том! Пожалуйста, не уходи, — взмолилась я. Неужели он действительно уходил? — Том, пожалуйста, подожди!

Я услышала, как он торопливо спускается по лестнице. Еще пара секунд — и громко хлопнула дверь подъезда. Он ушел.

В притихшей и заполненной дымом квартире я стояла в оцепенении и очнулась только в тот момент, когда пронзительно взвизгнула пожарная сигнализация.

Глава 17

Жуткий механический писк эхом отлетает от больничных стен. В страхе я широко раскрываю глаза. Сигнализация беспрерывно звучит, меня начинает знобить. Только не это опять — только не это! Лицо Тома приобретает землистый оттенок. Он, в отличие от меня, впервые видит, как медсестра возится с трубочками над головой Гретхен, а потом наклоняется к самой Гретхен — единственной, кого не беспокоит противный звук.

Бэйли словно окаменел. Он еще даже сесть не успел — а тут такое.

— Без паники! — громко произносит медсестра, стремительно пересекает палату и нажимает кнопку. Писк мгновенно умолкает. — Это не связано с ее сердцем. Просто нужно было поменять флакон на капельнице, — объясняет она.

Через несколько секунд, когда мы начинаем постепенно приходить в себя, появляется врач и вкратце рассказывает Бэйли о случившемся и о нынешнем состоянии Гретхен. Мы с Томом снова уходим в комнату ожидания для родственников. Том очень взволнован. И не только он.

— Он ничего не запомнит из того, что ему говорят! Абсурд! — Он начинает нервно ходить по комнате. — Он только что приехал, и не нужно быть самым умным человеком в Британии, чтобы понять: он не может всего осознать. Кто-то из нас должен быть рядом с ним — если не я, то ты.

Я понимаю, как тяжело ему сказать такое.

— Наберись терпения, Том, он через минуту придет сюда.

— Набраться терпения? — Том смотрит на меня так, будто не верит своим ушам — Если бы такое случилось с тобой...

Но тут он начинает кусать губы и не заканчивает начатую фразу.

Дверь приоткрывается, выглядывает медсестра.

— Том? Вы не могли бы вернуться?

Не дожидаясь меня, Том практически отшвыривает медсестру в сторону, чтобы пройти за дверь. Я встаю, но медсестра загораживает мне дорогу и спокойно, серьезно говорит:

— Давайте дадим им возможность поговорить.

Я сажусь, инстинктивно догадываясь: что-то происходит.

Медсестра садится рядом со мной.

— Вы давно дружите с Гретхен? — дружелюбно интересуется она,

рассеянно вертя на пальце обручальное кольцо.

Я смотрю на нее с тревогой и опаской.

— Больше года. А почему вы спрашиваете?

— Значит, не так уж долго.

Она склоняет голову к плечу. Ее светлые волосы чуть поблескивают. Она ждет.

— Но мы очень близки, — говорю я, чтобы заполнить паузу. — Знаете, у некоторых людей так бывает.

Она улыбается.

— Конечно. Родство душ и всякое такое. Я со своей лучшей подругой знакома со школьных лет. Я ее безумно люблю, но порой она меня доводит до бешенства. Догадываюсь, что у вас с Гретхен тоже примерно так все обстоит?

Я молчу. И смотрю за окно.

— Иногда бывает, — наконец произношу я. — Порою с ней очень трудно... но, в конце концов, у нее маниакально-депрессивный психоз. — Я перевожу взгляд на медсестру. — Думаю, вам это уже известно. Поэтому она порой не в состоянии отвечать за свои поступки.

— Понимаю, — кивает медсестра. — Но наверняка вам бывает очень тяжело.

Да она понятия не имеет, как мне порой бывает тяжело.

— Все же ей тяжелее, я так думаю.

— Конечно, но точно так же может быть очень больно видеть, как кто-то, дорогой для тебя, борется за жизнь. А еще труднее, когда оказывается, что на самом деле твой близкий человек жить не хочет.

— Это вы обнаружили Гретхен? — мягко спрашивает она. — В ее квартире?

— Да, — еле слышно отвечаю я. Я предчувствовала, что этот вопрос прозвучит. — Дверь была приоткрыта. Я вошла и увидела ее.

— Интересно, почему она оставила дверь открытой? — спрашивает медсестра.

— Она была не в себе, — быстро отвечаю я.

— Так значит, вы с ней говорили?

Я искоса смотрю на дверь.

— Нет. Я хотела сказать: я думаю, что она была не в себе — если сотворила такое.

Я порывисто встаю. Мне хочется уйти. Медсестра протягивает мне руку.

— Ее состояние ужасно, Элис, но смотреть на это не легче. Я просто

пытаюсь дать вам возможность выговориться. Мы могли бы определить вас в одну из групп, где...

— Помощь нужна ей, — поспешно прерываю я медсестру. — Она ведь должна уметь контролировать свое состояние, но у нее не всегда это получается. — Я вдруг ловлю себя на том, что говорю более энергично, чем могла бы посреди ночи, особенно учитывая все случившееся. — Ей нужно лечение. Есть таблетки, выравнивающие настроение, снимающие стресс. И только тогда, когда ты не принимаешь соответствующие лекарства, когда ты настолько самонадеян, что отказываешься от них, считая, будто они тебе не нужны, хотя люди, любящие тебя, и специалисты утверждают обратное, — вот тогда это действительно проблема.

Медсестра явно немного удивлена моей вспышкой, но не обескуражена.

— Ваш гнев вполне понятен, Элис, — говорит она, и я вдруг понимаю, насколько крепко сжала кулаки — даже костяшки пальцев побелели. — Это обычная реакция, и...

Но уже слишком поздно. Чаша моего терпения переполнилась. Я вижу Гретхен, сидящую на полу в гостиной, потом ее же — неподвижную, на больничной кровати... Кровь пульсирует у меня в висках, в горле встает ком.

— Просто чудовищный эгоизм! — наконец взрываюсь я. — Она знает, что творит, — это не то, чем она не в силах управлять! Она решает не принимать свои лекарства, хотя понимает, каковы могут быть последствия! Она знает, что Бэйли и Том, и... о черт!

Я ищу в сумке бумажные носовые платочки. У меня течет из носа, глаза наполняются горячими сердитыми слезами. Я зла на Гретхен, на себя, я вся дрожу.

Но я понимаю, что наговорила уже слишком много, и мне хочется замолчать и уйти от этой медсестры. На ватных ногах я бреду к двери и готова выскочить в коридор. Но слышу оклик медсестры:

— Элис!

Я не собираюсь слушать ее.

Когда я возвращаюсь в палату, там только Том и новая медсестра. Где Бэйли — я понятия не имею.

— Ты как? — спрашивает Том, глядя на мое залитое слезами лицо, когда я обессиленно опускаюсь на стул рядом с ним.

— Отлично.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я? — резко спрашивает он. — Бэйли еще разговаривает с врачами. Что? В чем дело, Элис?

Он тянется ко мне и берет меня под руку.

— Все нормально, Том, — устало произношу я, чувствуя, что близка к полному изнеможению. «Лгунья, лгунья, какая же я лгунья...» — Все нормально.

Ничего более ненормального в моей жизни не было.

Я опускаю голову на руки, пытаюсь совладать с собой. Какого черта я здесь делаю? Как это все случилось? Том наклоняется ко мне и не слишком ловко массирует мне спину. Я выпрямляюсь.

— Лучше? — неуверенно спрашивает он.

Я киваю, хотя, если честно, мне нисколечко не лучше.

— Наверное, тебе надо поесть, — говорит Том. — Думаю...

Но я не слушаю его, потому что в этот самый момент — неужели мне только показалось?! — нет, я уверена... Я вижу, как мизинец лежащей на простыне руки Гретхен едва заметно дрогнул. Неужели она действительно шевельнула рукой?

О боже всевышний!

Я бросаю взгляд на Тома, но он смотрит только на меня.

Она действительно пошевелила рукой, я уверена. О господи. О господи!

Меня снова пробирает дрожь, но я пытаюсь вести себя так, будто ничего не случилось, будто я ничего не видела. Совсем ничего. Она приходит в себя? Но она не может прийти в себя! Не может, и все!

— Ты очень бледная, — говорит Том. — Хорошо бы тебе сейчас батончик шоколадный съесть. Думаю, станет лучше. Хочешь, я тебе дам мелочи?

В дверях появляется медсестра, которая только что допрашивала меня.

— Элис, не могла бы я...

И тут мы все видим, как Гретхен чуть заметно шевелит головой. Тут уже ошибиться невозможно. Снова звучит сигнализация. Я вскакиваю, будто меня ударило током. Стул отлетает к стене и ударяется о нее. Раздается треск пластика. Я не могу слышать, как эта треклятая сирена завывает каждую секунду. Оставшиеся у меня нервы рвутся на куски.

— Черт! — потрясенно восклицает Том, и его губы расплываются в улыбке. — Ты видела? — кричит он, оборачивается ко мне и тут же отворачивается. — Она пошевелилась!

Я прикрываю губы ладонью и выбегаю из палаты. Я слышу, как медсестра окликает меня.

Я мчусь по коридору, пулей влетаю в женский туалет, вбегаю в кабинку. Меня рвет. У меня начинают стучать зубы. Кажется, с моих губ

стоном срывается:

— Черт, черт, черт...

Но я даже в этом не уверена.

Я слышу, как открывается дверь. До меня доносится голос медсестры.

— Элис?

На этот раз она произносит мое имя более спокойно. Она толкает дверь кабинки. Я не заперлась изнутри, кабинка очень тесная. Дверь задевает мой локоть, я вижу в просвете лицо медсестры.

— Элис, вам плохо?

— Она приходит в себя? Приходит в себя? — бормочу я в отчаянии, а потом произношу эти ужасные слова. Они сами срываются с моих губ. — Она не может прийти в себя, не может!

Медсестра, надо отдать ей должное, все так же невозмутима. Она очень медленно произносит:

— Вы очень расстроены, у вас стресс, но...

Я едва слышу ее. Я снова вижу, как Гретхен глотает таблетки. О боже, боже... Это не значит, что я плохая. Она попросила меня помочь ей...

— Помочь ей? — переспрашивает медсестра, и тут до меня доходит, что я все это произнесла вслух.

Молчание длится целую вечность.

— Элис, — наконец нарушает его медсестра. — Вы ведь не помогли Гретхен сделать это?

Я смотрю на нее и понимаю, что она, несмотря на внешнее спокойствие, перебирает в уме заученные фразы вроде: «Помощь в совершении самоубийства... оказание содействия больному, находящемуся в состоянии тяжелой депрессии и желающему умереть... Насколько бы добрыми ни были намерения... противозаконно... осуждается... наказуемо тюремным заключением... сроком более десяти лет. Отнять у себя жизнь своими руками не противозаконно. Помощь кому-то другому сделать это квалифицируется как преступление».

— Вот почему вы не хотите, чтобы Гретхен очнулась, Элис? — спрашивает медсестра.

Я издаю сдавленный звук. Меня наконец прорывает.

— Я этого совсем не хотела.

— Конечно не хотели, — мягко произносит медсестра. — Ваши чувства вполне понятны и нормальны, Элис.

Нет, не нормальны! Ничего тут нет нормального — совсем ничего, — все черт знает как перепуталось! И как она только может говорить, что мои чувства нормальны?

— Вы правы, — продолжает медсестра таким тоном, словно крадется за агрессивной кошкой, которую хочет усадить в сумку-переноску. — Это вовсе не значит, что вы плохой человек. Очень трудно видеть, как кто-то, кого вы любите, страдает, что ему больно.

Она придвигается ближе ко мне. Неожиданно я чувствую себя совершенно изможденной. Мне хочется, чтобы все закончилось. Я больше не могу. Мне так жаль, так жаль...

— Я думала... а она все так замыслила, а я ей говорила, что это глупо, что так нельзя. — Я пытаюсь подобрать слова, задыхаюсь и дрожу. — Она сказала, что все равно сделает это и я должна ей помочь... она проглотила эти таблетки... но я ничего не сделала. Она ждала, а я ничего не делала, я просто сидела и... — Я судорожно вздыхаю. — О господи, господи... она все время так... Делала больно себе и тем, кто ее любит. Неужели обязательно нужно было поступать так с нами?

Я в ужасе смотрю на медсестру.

— Гретхен попросила вас помочь ей умереть? Поэтому вы не хотите, чтобы она пришла в себя. Боитесь, что все станет известно?

Я отчаянно трясусь головой.

— Нет! Она...

И тут я слышу, как открывается дверь. Медсестра оборачивается, и я слышу мужской голос. Это Том.

— Она здесь? Эл!

— Я здесь! — в отчаянии откликаюсь я.

Медсестра отворачивается от меня. Том открывает нараспашку дверь кабинки.

— Все хорошо! — говорит Том. — Сигнализация сработала, потому что она пошевелила головой, но это хорошо, милая, это очень хороший знак. Не бойся! Все будет хорошо.

Он встревоженно смотрит на меня.

Я всхлипываю и запрокидываю голову. Я всеми силами стараюсь взять себя в руки.

— Мне так жаль! — выкрикиваю я, и слезы снова застилают мне глаза.

— Не говори глупостей! — говорит Том. — Ты измучена, ночь на дворе... Пойдем. Вернемся со мной в палату.

Я не могу! Она вот-вот очнется! Но и здесь я оставаться не могу... с этой медсестрой.

Том протягивает мне руку. Не глядя на медсестру, я прохожу мимо нее и поспешно выхожу из туалета. Я гадаю, какие у нее мысли и кому она

теперь все расскажет. Но ведь я на самом деле ни в чем не призналась.
Чуть было не призналась, но... не до конца.

Слава богу, что на свете есть Том.

Глава 18

Возвращение в палату превращается в долгую пытку. Я переставляю ноги и смотрю, как они движутся. Я понимаю, что Гретхен еще не может сидеть на кровати и говорить. Наверняка она будет заторможенной и вялой, но довольно скоро поймет, где находится. Я должна идти, я должна...

Мы поворачиваем за угол. Бэйли вернулся; он с серьезным видом слушает немного усталого врача и кивает:

— Понимаю, понимаю.

Вид у врача профессионально-отстраненный. По его взгляду трудно что-то понять, но молодая новая медсестра при нем преодолела прежнюю робость и теперь ведет себя более уверенно. Видимо, этот врач — местное светило. Врач бросает взгляд на Гретхен и говорит о ней. На мое счастье, она опять лежит неподвижно, и у меня почему-то возникает такое чувство, что врач воспринимает физическое проявление каких-то симптомов раздраженно. Гретхен для него — всего лишь очередное тело, масса клеток. А мы все ему только мешаем.

— Что ж, пожалуй, вот и все, — говорит доктор и заглядывает в историю болезни. — Спасибо, сестра. — Он протягивает историю болезни медсестре с таким видом, будто это бокал мартини.

Врач готов выйти из палаты, но Том четко и решительно произносит:

— Простите. Значит, Гретхен стало лучше по сравнению с тем, что было раньше?

Врач смотрит на Тома так, словно к нему в гольф-клубе подошел кто-то, смутно знакомый, но он никак не может вспомнить, что это за человек и как его зовут. При всем том он абсолютно уверен, что этот человек явно не стоит его внимания. Врач вопросительно смотрит на Бэйли. Бэйли говорит:

— Все в порядке. Мне хотелось бы, чтобы они были в курсе.

Я вижу, что у врача эти слова вызвали раздражение, ведь теперь ему придется все рассказать еще раз. Однако он сразу же словно бы надевает маску, которую можно снабдить ярлыком «Заботливая уверенность» и которую он выгащил из коробочки, помеченной как «Маски врача для всяких малозначительных друзей и родственников».

— Здравствуйте, — кивает врач и представляется нам: — Я — доктор

Бенедикт. Гретхен приняла опасную смесь наркотиков и алкоголя. — Он говорит, делая небольшие паузы между словами. — Эти вещества вызвали первичные признаки комы, и, как вы уже видели, к несчастью, это состояние чревато высоким риском остановки сердца. Кроме того, существует ряд побочных реакций — в частности, дыхательная и почечная недостаточность. Однако в данный момент нет сомнений в том, что общее состояние улучшается, и...

Тут он умолкает, потому что снова звучит сигнализация, но это происходит уже в третий раз и не так сильно нас пугает.

— Как нарочно, — сухо произносит врач и оборачивается.

Сестра наклоняется над кроватью Гретхен.

Мы ждем секунду.

— У вас там все в порядке? — спрашивает врач чуть напряженно. Ему явно хочется не прерывать свое повествование.

— Концентрация упала, — отвечает медсестра. — Включу отсасыватель.

— Это хорошо или плохо? — Бэйли смотрит на доктора Бенедикта, отчаянно ожидая слов утешения.

Но врач торопливо просматривает показатели мониторов, а сестра подкатывает к кровати какой-то аппарат, похожий на насос.

— Так, молодые люди. Прошу вас выйти на некоторое время из палаты, нам нужно прочистить ее дыхательные пути, — решительно объявляет нам врач.

Мы с Томом уже успели привыкнуть к такому развитию событий и послушно отправляемся к двери. А Бэйли начинает паниковать.

— Почему? Она не может дышать? В чем дело? Я думал, она вот-вот очнется!

Входит другая медсестра.

— Пожалуйста, не могли бы вы подождать в коридоре? — говорит нам Бенедикт и добавляет для медсестры: — Отключите сигнализацию!

— Прошу вас, сестра! — в отчаянии умоляет Бэйли, не обращая внимания на врача. Он смотрит на Гретхен. — Дыши!

— Бэйли! — Том хватает его за руку. — Позволь им помочь ей!

— Отстань от меня! — грубо отталкивает его Бэйли. — Не поступай так со мной, Гретх! — строго говорит он, смотрит на сестру, и его глаза наполняются слезами. — Не смей так со мной поступать! — Он подносит руку к губам и остервенело вонзает зубы в костяшки пальцев. — Я знаю, ты меня слышишь!

Мы снова сидим в комнате со стенами мерзкого мятного цвета и молча ждем. Том и Бэйли, естественно, не разговаривают друг с другом, а мне попросту ни о чем говорить не хочется. Я онемела. Сижу, обхватив себя руками, и смотрю в одну точку.

Я уже не понимаю, как долго мы находимся здесь, я потеряла счет времени. Я сижу между Томом и Бэйли, зажатая между ними, словно кусок сыра в сэндвиче, меня будто заперли в кабинке американских горок. Я пережила несколько головокружительных подъемов и спусков, а теперь чувствую, что мы мчимся по прямой, но она, эта прямая, вот-вот закончится, и мы снова набираем скорость.

И конечно, в скором времени появляется доктор Бенедикт, а следом за ним — та самая медсестра, которая притадилась за мной в туалет. Бенедикт спокойным голосом объясняет, что состояние Гретхен, увы, снова значительно ухудшилось. Я вижу, что медсестра не сводит с меня глаз.

Все молчат. Потом один из моих спутников — точно не знаю кто — судорожно всхлипывает.

Доктор Бенедикт ждет момента, когда мы уясним смысл сказанного, и продолжает:

— К несчастью, нередко возникают вторичные осложнения. В данный момент у Гретхен затруднено дыхание. Мы удалили из бронхов слизистую пробку. У нее не было простуды, гриппа, или бронхита, или пневмонии до того, как она... — он делает небольшую паузу, явно стараясь избежать слов «пыталась совершить самоубийство», — ...поступила в больницу?

Том кивает.

— Простуда была.

— Кроме того, она, как я полагаю, курит? — спрашивает доктор Бенедикт. — Когда пациент находится в состоянии комы и ему проводится искусственная вентиляция легких, он не в состоянии самостоятельно откашляться, изгнать из бронхов мокроту. У нее также сильно снизилась концентрация газов в крови, и нам пришлось увеличить подачу кислорода до шестидесяти процентов.

— Но ведь она начала приходить в себя! — поспешно вмешивается Том. — Мы видели, как она пошевелилась!

Бенедикт, сверкнув глазами, смотрит на него.

— Как я уже сказал, в данный момент мы имеем дело со вторичным осложнением. При том, что Гретхен действительно преодолевает последствия передозировки и остановки сердца, теперь нам придется ввести ей успокоительные препараты, так как, придя в сознание, она

может начать сопротивляться интубации. Я имею в виду трубку у нее во рту, через которую она дышит, — добавляет он, заметив непонимающий взгляд Бэйли. — Короче говоря, в данный момент первоочередные задачи несколько изменились.

— Она может умереть? — жалобно спрашивает Бэйли. — Эти осложнения могут ее убить?

Бенедикт, не изменившись в лице, смотрит Бэйли прямо в глаза.

— Ее состояние очень серьезно, — произносит он. Повисает тягостная пауза. — К утру мы будем знать больше.

Последние слова врач произносит, не глядя Бэйли в глаза.

— А долго она пробудет под действием успокоительных? — не выдерживаю я.

— Столько времени, сколько потребуется для значительной подачи кислорода, — отвечает Бенедикт. — Если потом все будет хорошо, мы сможем снизить подачу кислорода и постепенно уменьшить дозу успокоительных. Затем отменим искусственную вентиляцию легких. Но давайте доживем до завтра.

Он одаривает нас улыбкой, полной заботы и дружеской поддержки.

«Они что, дома перед зеркалом тренируются?» — думаю я.

Меня не обмануть.

Том и Бэйли встают. Я поднимаюсь чисто автоматически.

— Спасибо вам, — заторможено произносит Бэйли.

Мы друг за другом выходим из комнаты для родственников.

На полпути по коридору я обнаруживаю, что оставила под стулом сумку, и возвращаюсь в комнату одна. Я еле передвигаю ногами. До меня доносятся голоса. Эти двое явно не слышат моих шагов. Я останавливаюсь. Разговаривают Бенедикт и медсестра.

— Я говорила с ее лучшей подругой...

Голос у медсестры звучит совсем не так, как тогда, когда она говорила со мной. Меня она утешала, а теперь говорит взволнованно. У меня замирает сердце.

— Думаю, она как-то причастна к попытке самоубийства. Она начала рассказывать мне про какой-то план, но тут в туалет вошел ее бойфренд — вернее, бывший бойфренд, и...

— Сестра, — скучающим голосом произносит Бенедикт. — Я умираю с голоду, мне пора домой. Что вы хотите сказать? Только покороче, пожалуйста.

— Подруга пациентки, Элис, сказала, что она не хотела, чтобы Гретхен продолжала страдать. — Медсестру явно не смутил недовольный

тон Бенедикта. Она говорит все более решительно и убежденно. — Она сказала, что будет лучше, если Гретхен не очнется. А я не думаю, что Гретхен была без сознания, когда подруга обнаружила ее. Она утверждала, будто дверь квартиры была приоткрыта, но это кажется маловероятным... А когда я предположила, что она, быть может, причастна к случившемуся, она очень разнервничалась.

Бенедикт фыркает.

— Что тут удивительного? Родственники всегда чрезмерно чувствительны к неоправданным серьезным обвинениям.

— Доктор Бенедикт, я ее ни в чем не обвиняла. Думаю, она была готова признаться в том, что помогла Гретхен наглотаться таблеток. Ведь это же помощь в самоубийстве — то есть фактически убийство!

Бенедикт добродушно смеется.

— Сестра, а вам не кажется, что вы насмотрелись телесериалов?

— Но я обязана кому-то сообщить, если, на мой взгляд, имеет место нарушение закона или если кто-то или что-то может нанести вред пациенту, — настойчиво возражает медсестра. — Ну вот, я сообщаю об этом вам!

Бенедикт вздыхает.

— Хорошо. Перескажите мне, что она вам наговорила.

О нет. О нет, нет, нет!

— Она начала рассказывать о том, что у них был план! А если она имела в виду план, как помочь Гретхен уйти из жизни? Она сказала, что Гретхен просила ее помочь.

Нет, я этого не говорила! Или сказала?

— Помочь ей сделать это? Или помочь ей не сделать этого.

Судя по тону Бенедикта, я представляю, что он пожимает плечами и смотрит на медсестру как на полоумную.

— Что именно она сказала? Она сказала: «Я помогла ей покончить с собой»?

— Нет, но...

— Хорошо. Что она сказала?

— Ничего конкретного, но...

— Ничего конкретного, — с легкой издевкой повторяет Бенедикт.

Я медленно выдыхаю... Он ей не верит.

— Я спросила, помогла ли она Гретхен, а она ответила «нет», а потом она была готова...

— Значит, она это отрицала?

— Но разве вы не думаете...

— Нет, — отрезал Бенедикт. — Не думаю. Стараюсь никогда не делать скоропалительных выводов.

Я облегченно отступаю назад, но тут же слышу, как медсестра решительно и настойчиво произносит:

— Доктор Бенедикт, я уверена, тут что-то не так.

Наступает пауза. Я представляю, что врач остановился и, обернувшись, смотрит на медсестру.

Он вздыхает. Я слышу, как он говорит:

— Хорошо, хорошо. Просто присматривайте за ситуацией, если вам так будет легче. Наблюдайте за ней.

— Ладно. Но моя смена скоро заканчивается, поэтому я и хотела рассказать обо всем вам.

— Договорились, сестра. Я все обдумаю и, когда что-то решу, сообщу кому-нибудь еще. Положитесь на меня.

Я тороплюсь. Сейчас зайду, заберу сумку и быстро уйду по коридору! Слава богу, эта пронырливая медсестра уходит... но не будет ли теперь еще и этот врач следить за мной? Не расскажет ли он обо всем еще кому-то, когда уйдет? Похоже, он так сказал, чтобы медсестра просто отвязалась от него, но все-таки, все-таки...

Том и Бэйли сидят и смотрят на Гретхен. Она выглядит очень спокойной и умиротворенной. Совсем не похожа на человека, борющегося за собственную жизнь. Я сажусь.

Тихо. Только едва слышно попискивают приборы да доносятся приглушенные шаги из коридора. Я стараюсь слушать только эти звуки и забыть обо всех медсестрах на свете. Но каждый звук, связанный с повседневной жизнью, текущей за этими тонкими бесстрастными стенами, заставляет меня вздрагивать. Я начинаю считать попискивания аппаратов, успеваю сосчитать до семи, и тут вдруг Бэйли жалобно произносит:

— Я знал, что опоздаю на самолет. Прошлой ночью мы закончили съемку и устроили вечеринку, чтобы это отметить, а потом я проспал и понял, что не успеваю на свой рейс. Позвонил в аэропорт и попросил отменить мой заказ.

Том смотрит на него, не веря собственным ушам.

— Это случилось из-за того, что ты ходил на вечеринку?

— Если бы я смог вернуться вовремя, успел бы на самолет и избавил всех нас от этого, честное слово. — Бэйли затравленно смотрит на Тома. — Сильнее, чем я сам себя сужу, ты меня не осудишь, как бы ни старался.

У меня на глаза набегают слезы. Я смотрю на Бэйли. Он думает, это он

во всем виноват, а я знаю, что он совершенно ни при чем. О, что же мы натворили, Гретхен?

— Ты ходил на треклятую вечеринку! — повторяет Том, все еще не в силах поверить в услышанное.

— Да, но... — беспомощно произносит Бэйли.

— Прекратите, пожалуйста! — кричу я. У меня больше нет сил.

Я вскакиваю и опрометью выбегаю из палаты.

Глава 19

— Прости. Мне очень стыдно, — прошептала Гретхен так тихо, что я ее едва расслышала. Она лежала на диване в квартире Бэйли. Я сидела напротив нее. — Я ничего не понимала. Я совсем не хотела, чтобы так вышло...

Я впервые встретила ее после того, как она появилась у меня дома и устроила переполох. Проведя пару недель в психиатрической клинике, она немного похудела и словно бы уменьшилась в размерах — стала хрупкой и обесцвеченной. Но с другой стороны, я ни разу не видела ее совсем без макияжа, в простенькой футболке и штанах, смахивающих на пижамные. Вид у нее был истощенный, измученный.

— Я знаю, что ты не хотела, — сказала я, усевшись поудобнее и попытавшись сделать вид, будто расслабилась. Получалось не слишком удачно.

— Просто ты говорила, что между вами ничего серьезного, и я не подумала... — Она оборвала себя, потом в отчаянии добавила: — Но все равно я не должна была ничего такого говорить. Прости.

Я сразу вспомнила, как Бэйли сказал: «Гретхен мне объяснила, что у вас серьезные отношения».

Но в общем-то, во всех своих бедах я должна была винить только себя. Ведешь себя с людьми нечестно — именно такие удары и получаешь. И если бы я не обманывала Гретхен — а может быть, и себя, — когда говорила с ней о Томе, все бы не закончилось так печально. Как я могла обижаться на Гретхен? Ведь когда она явилась к нам с Томом, она была не в своем уме, она была тяжело больна. А у меня какие могли быть оправдания? Я до сих пор не могла даже думать про то, как Том стоит посреди кухни и смотрит на меня, не в силах поверить услышанному.

Я кашлянула и перешла на легкий, непринужденный тон.

— Ну как ты себя чувствуешь? Бэйли, — непривычно было произносить его имя при ней, — сказал мне, что врачи подобрали тебе новые препараты. Помогло?

— Может быть, немножко... А вы с Томом еще общаетесь?

Я покачала головой и с трудом выговорила:

— Он ушел. Я купила тебе парочку дисков. — Я взяла сумку. —

Думала, может быть, посмотрим вместе. Я еще не видела эти...

Гретхен привстала на диване.

— Что ты хочешь этим сказать — «он ушел»? Куда ушел?

— Уехал в Америку.

— В Америку?!

Она замерла, будто я сказала: «Улетел на Луну». Вид у нее стал совершенно несчастный.

Я кивнула. Несмотря на все мои старания, голос у меня начал звучать не слишком уверенно. Нужно было взять себя в руки — ведь я пришла подбодрить Гретхен, а она и так уже страдала из-за того, что натворила. Я отвернулась, чтобы она не видела моего лица, и сделала вид, будто что-то ищу в сумке.

— Когда это случилось? — спросила Гретхен.

— Он оставил мне письмо.

Я вытащила диски и начала срывать целлофан с коробок.

Конверт, адресованный мне, я обнаружила дома на столе на следующий день после того, как Том ушел.

Элис.

Я заходил, чтобы забрать остальные вещи. Паспорт и так далее. Тебя не было дома, и, наверное, хорошо, что вышло так.

Ты была и по-прежнему очень дорога мне. Я очень люблю тебя и хотел одного — сделать тебя счастливой. Прости, что у меня это не получилось.

Не думаю, что ты хотела нарочно сделать мне больно, и надеюсь, ты поймешь, почему я пока не в силах с тобой разговаривать.

Вскоре я уеду в Нью-Йорк. Я говорил с Пауло, и мы договорились, что я заплачу за квартиру за те месяцы, пока меня не будет. С учетом всех праздников и выходных, я вернусь приблизительно к концу ноября. Уверен, к этому времени ты сумеешь подыскать себе другое жилье. Надеюсь, ты согласишься с тем, что будет справедливо, если я попрошу тебя переехать — мне не так просто будет заниматься подбором жилья, находясь в Штатах. Пауло поможет найти кого-нибудь, кто займет твою бывшую комнату.

Будь счастлива.

С любовью,

Том.

— Прости, Элис, — снова проговорила Гретхен. — Если бы только я могла вернуться во времени назад и не говорить этого... Я не хотела, чтобы, чтобы...

— Гретх, я знаю, — прервала ее я. Мне было очень тяжело говорить об этом. — Ты же не нарочно. — Я встала, чтобы поставить диск для просмотра. — По крайней мере, получилось расставание в чистом виде. В каком-то смысле очень хорошо, что он просто смог взять и уйти.

Несколько секунд Гретхен молчала.

— И вам с Бэйли так будет легче.

Я опустила на стул. Этого я вовсе не имела в виду. Я хотела сказать, что Тому было проще уйти от сложившейся ситуации, хотя и не могла спорить с тем, что его уход даровал нам с Бэйли большую свободу в наших отношениях, чем было бы в противном случае.

Вик умоляла меня не торопить события.

«Эл, очень важно иметь перерыв между романами. Ты должна осознать разрыв с Томом — поплакать, погоревать и пережить это. Делай, что должна сделать для того, чтобы обрести свободу и двигаться дальше. Тебе не кажется, что сейчас было бы хорошо заняться собой? Повстречайся с кем-нибудь из старых подружек. Мне пришла групповая рассылка насчет пикника в Ричмонд-парке. Ты не ответила — но ведь ты же в субботу не работаешь?»

«Нет, не работаю, — ответила я. — Но это не имеет никакого отношения к Бэйли. В субботу день рождения папы, и родители хотят, чтобы мы все собрались у них дома, но Фил не может, и у Френ тоже не получается, поэтому мне придется поехать к ним».

«Я рада, что ты не работаешь, но все же не стоит отказываться от подобных приглашений, — предупредила меня Вик, — иначе люди станут думать, будто тебе это неинтересно, и перестанут тебя приглашать. У тебя сейчас прекрасная возможность вернуться к общению с миром, Эл. Реши, какой жизни тебе хочется, отвлекись от того, куда тебя занесло. Если ты действительно нравишься Бэйли, он подождет, пока ты будешь готова».

Но он не хотел ждать, а мне было так приятно, что он хотел снова встретиться со мной! Я поняла, что тоже вовсе не хочу ждать.

Мы пошли поужинать в маленький ресторанчик, где подавали тапас^[50]. А я никогда не слышала о таких заведениях. Там мы с Бэйли

несколько часов проговорили о разных местах, где я не бывала и где мечтала бы побывать. Бэйли наклонился к столику, взял меня за руку и стал нежно поглаживать запястье. Потом мы ехали в такси, и я слишком остро чувствовала, как близко мы сидим. Бэйли положил руку на мое бедро. Машина слегка подпрыгнула на «лежачем полицейском», и меня прижало к Бэйли. Он улыбнулся.

«Так гораздо лучше», — сказал он и поцеловал меня.

Поездка оказалась поистине стремительной. Я чувствовала только его руку у себя на бедре, только поцелуй, становившийся все глубже по мере того, как мы на заднем сиденье поворачивались лицом друг к другу.

«Зайдешь? — спросил Бэйли, когда такси остановилось у подъезда, и, поцеловав меня в кончик носа, добавил: — Никакого принуждения».

Я растерялась и покачала головой. Бэйли понимающе кивнул: «Это был лучший вечер в моей жизни. Доедешь до дома — черкни мне эсэмэску, чтобы я знал, что ты благополучно добралась».

Я так и сделала, а в ответ получила сообщение такого содержания: «Лежу в постели и думаю о тебе. х»^[51]. Я с восторгом и страстью прижала к груди мобильник. Бэйли был невероятно сексуален. А потом у меня было несколько хлопотных рабочих дней, но мне было трудно сосредоточиться, и я даже забыла об одной из назначенных встреч. В конце концов я, охваченная сладостными мечтаниями, вошла в студию и обнаружила там сердитую клиентку. На время съемки я постаралась собраться. К пятнице я была совершенно объята мыслями о новой встрече с Бэйли и сделала одни из самых худших снимков в своей профессиональной карьере — нет, они были приемлемы, но жутко скучны. Это меня немного огорчило, но не настолько, чтобы все переделать. Я отправилась домой пораньше, хотела привести себя в порядок и надеть новенькое, специально приобретенное белье. На всякий случай.

Белье оставалось на мне недолго. После ужина с двумя бутылками красного вина моя решимость и чувство вины перед Томом окончательно развеялись.

«Не хочу, чтобы ты думал, будто я это делаю с кем попало», — сказала я потом, лежа в постели Бэйли в его объятиях.

«Конечно нет, — ответил Бэйли, — но все равно ты это делаешь очень хорошо».

Он поцеловал меня в шею.

«Нет, правда... — Я зажмурилась и выдохнула, пытаюсь сосредоточиться. — Я не...»

Бэйли отстранился и посмотрел на меня.

«Хочешь сказать, что я особенный?» — спросил он лукаво.

Я рассмеялась.

«Очень. Но прекрати болтать. Поцелуй меня еще».

— Элис? — окликнула меня Гретхен. — Чтобы запустить фильм, нужно нажать «воспроизведение».

Я покачала головой и, сев прямее, уставилась на экран телевизора. Взяла пульт и поспешно нацелила его на экран.

— Между прочим, ты вовсе не обязана сидеть тут со мной. Наверняка есть кто-нибудь, с кем ты могла бы провести время повеселее, — заметила Гретхен.

Я нажала кнопку воспроизведения, встряхнула пульт и постучала им по ладони, после чего попробовала еще раз. Наконец пошли титры.

Я решительно покачала головой.

— Хочу посмотреть этот фильм вместе с тобой, — заявила я.

На самом деле клиентка пригласила меня на вечеринку, устроенную в связи с запуском проекта, и надо было бы, конечно, там появиться, но я знала, что Гретхен сидит в квартире одна, и к тому же Бэйли попросил меня ее навестить.

Я, честно говоря, думала, что Гретхен, выписавшись из психиатрической клиники, сразу отправится к родителям — я бы на ее месте поступила именно так, но Бэйли спокойно растолковал мне, что это ни к чему.

«Там будут сплошные ссоры, — сказал он. — Мама попытается взять все в свои руки, и поначалу это будет хорошо, а потом она начнет строить разные планы насчет Гретхен — естественно, из самых лучших побуждений. — Он поднял руку. — Но Гретхен такого не выдержит. Будет взрыв, и она снова сбежит... Не стоит это делать. Сейчас я хотя бы знаю, где она».

«Значит, она будет жить с тобой?» — немного удивленно спросила я.

Он кивнул.

«Но недолго. Начнут действовать препараты, и ей будет лучше, она наберется сил. А потом ей станет скучно, и она захочет перебраться к себе. В последний раз все так и было. Так что это не помешает нам... бывать вместе. Обещаю».

«Это меня ни капельки не волновало», — поспешно заверила его я.

О ком же еще заботиться в первую очередь, как не о родственнике, вышедшем из психушки? Гретхен имела полное право на то, чтобы быть первой в списке приоритетов Бэйли. Случись такое с Филом или Френ, я

бы поступила именно так.

«Ты глазом моргнуть не успеешь, а она уже исчезнет», — сказал Бэйли и притянул меня к себе.

— Мне неловко торчать тут и мешать вам, — сказала Гретхен в тот вечер, примерно через две недели после того, как поселилась у брата. Я зашла навестить ее, потому что днем ее голос по телефону показался мне слишком тихим. Она была одета, но без макияжа. Я не поняла, причесывалась она или нет. На краю дивана стояло несколько полупустых мисок с хлопьями и кружек с остатками чая. На поверхности плавали ярлычки от чайных пакетиков. Гретхен перебралась через посуду и, устроившись на диване, укрылась теплым одеялом, хотя было совсем не холодно.

— Как ты можешь мне мешать, когда я специально пришла тебя навестить? — с шутливым упреком проговорила я, сев в кресло рядом с Гретхен.

— О? — откликнулась она. — Так ты пришла меня повидать? А я думала, тебя больше интересует Бэйли.

Я растерялась. Похоже, она сменила невеселое настроение на обидчивое.

— Мне всегда приятно видеть вас обоих, — предусмотрительно выразилась я, стараясь, чтобы Гретхен не почувствовала себя инвалидом в больнице, к которому пришли в часы, отведенные для посещения пациентов. — И вообще, ты можешь делать все, что хочешь, — ведь это квартира твоего брата.

— И твоего бойфренда, — поспешно уточнила Гретхен.

Мы обе некоторое время молчали.

— Открыть шторы? — спросила я, привстав. — Немного темновато.

Гретхен равнодушно пожала плечами, а когда я раздвинула шторы и в комнату хлынул яркий послеполуденный свет, она поежилась.

— Ну, чем ты сегодня занималась? — спросила я, вернувшись в кресло.

Гретхен глянула на меня и перевела взгляд на экран телевизора.

— Да так... Ничем особенным. У меня был сеанс терапии. А ты?

— Я фотографировала собаку, сидящую рядом с пакетом корма. Грандиозный день, — с улыбкой ответила я.

Гретхен тоже улыбнулась, но улыбка была настолько мимолетной, что я ее едва заметила.

— А твоя агентша звонила? — решительно продолжала я.

Гретхен кивнула, взяла пульт от телевизора и принялась переключать каналы.

— Она все еще пытается сглаживать острые углы. Мы сочинили такую легенду, будто бы я на время исчезла, чтобы решить проблемы с алкоголем. Я же не могу появиться на людях в таком виде.

Она с отвращением указала на себя.

— А разве нельзя... просто сказать правду? — осторожно спросила я.

В конце концов, она не была виновата в своей болезни. Никто не мог ждать, что она стала бы работать, будь у нее воспаление легких или еще какая-то хвороба.

— Людям трудно объяснить, что такое психическое заболевание, — холодно выговорила Гретхен, продолжая нажимать на кнопки пульта. На экране мелькали кадры. — Люди говорят, что все понимают, но в действительности это не так. Конечно, выглядишь ты нормально, значит — какой же ты больной. Но как бы то ни было, поболтать о проблеме пьянства куда как интереснее. Ведущая детской программы — алкоголичка... — Гретхен озадаченно покачала головой. — Чего только не придумаете...

Насколько я поняла, она не останется без работы навсегда, и это было хорошо. Зазвонил лежавший на одеяле рядом с Гретхен мобильный, она взяла его и раздраженно посмотрела на дисплей.

— Ох, мама, да пошла ты... — выдохнула Гретхен и бессильно уронила руку с телефоном.

— Ответь, если хочешь, — предложила я. — Не обращай на меня внимания.

— Не хочу я с ней говорить, — монотонно выговорила Гретхен и устала в одну точку.

— А где Бэйли? — спросила я, делая попытку перевести разговор в другое русло. Очень трудно было найти нейтральные темы. С Гретхен в самом деле за день не произошло ничего такого, о чем она могла и хотела бы поговорить.

— Ему нужно забрать что — то в библиотеке. Обещал вернуться к семи. А что у вас на вечер запланировано? — спросила Гретхен, бросив взгляд на меня и тут же снова уставившись на телеэкран.

— Точно не знаю. Просто поужинаем где-нибудь, наверное. — Я специально сказала о наших планах нейтрально-равнодушно, чувствуя себя неловко из-за того, что мы с Бэйли куда-то пойдём, а ее оставим одну. — А ты чем будешь заниматься?

Гретхен рассмеялась.

— Я? Вечером буду смотреть телик и отвечать на звонки треклятых родителей, а они будут названивать каждые пять секунд — сама видишь. — Взмахнув рукой, она указала на умолкший мобильник. — Мама завтра устраивает в саду возле дома сбор трупы. Премьера в будущем году, а это, так сказать, встреча перед началом репетиций. Она просит, чтобы я приехала. Понимаешь. — Гретхен снова начала нервно переключать каналы, — она хочет, чтобы я играла в этом спектакле.

— Что? — удивилась я и наморщила нос.

— Угу. — Гретхен скрипнула зубами. — Потому что после восемнадцати лет в шоу-бизнесе я просто только о том и должна мечтать, чтобы сыграть в какой-нибудь унылой любительской версии пьески под названием «В этой усадьбе мы все — полное дерьмо». То есть, как считает мама, от этого мне определенно станет лучше. И звонила она, чтобы опять пытаться меня уломать. Если будет так продолжаться, она меня просто доконает.

Я не знала, что сказать. Бедняжка Гретх.

— Понимаешь? — проговорила она, повернув ко мне голову. — Если ты до сих пор гадаешь, почему я не рассказывала тебе про свою треклятую болезнь, так вот — именно поэтому. Потому что никто, черт побери, ничего не понимает. Она думает, будто я хочу быть такой! Если бы я могла что-то сделать, я бы сделала. А ей никак не вбить это в голову, черт возьми! — Гретхен скрестила руки на груди, еще несколько раз свирепо потыкала в кнопки переключения каналов и в конце концов отшвырнула пульт. — А мне просто нужно немного времени, чтобы прийти в себя, вот и все.

Меньше всего в этой ситуации мне хотелось выглядеть так же, как все остальные, но именно так я себя и чувствовала.

— Но мне ты могла все рассказать, — наконец проговорила я. — Я не стала бы относиться к тебе хуже. Я могла бы тебе помочь, уделяла бы тебе больше внимания.

— Ты могла бы мне помочь? — мгновенно вспыхнула Гретхен. — В чем ты могла бы мне помочь?

Озадаченная прямоотой вопроса, я не знала, что ответить.

— Может быть, я выслушивала бы тебя, — осторожно предположила я. — Помогла бы тебе найти лечение получше.

Гретхен устало взглянула на меня.

— Только не строй из себя обиженную из-за того, что я тебе ничего не рассказывала, пожалуйста. Я со своими-то чувствами с трудом могу справиться. Ты уж как-нибудь со своими сама разберись.

От изумления я раскрыла рот.

— Я не хотела...

— Хотела, хотела. Я не говорю, что это плохо, Элис. Когда люди чувствуют, что кому-то нужны, у них легче на душе.

Обиженная и совершенно обескураженная, я не знала, как отреагировать. Гретхен была охвачена настолько сильными эмоциями, что из-за этого комната стала казаться мне тесной и неуютной. Я решила, что мне лучше уйти и оставить Гретхен одну.

— Извини, — произнесла она через несколько секунд — как раз тогда, когда я собралась удалиться под каким-нибудь благовидным предлогом. — Я чувствую себя последним дерьмом. Совсем не хотела срывать на тебя. Ты мне правда очень помогала, еще как помогала. — Она бросила на меня быстрый взгляд. — Приходила ко мне после работы такая веселая, когда я вела себя как несчастная стерва. Как сейчас.

— Ну что ты такое говоришь! Ведь ты была больна.

— Да, это правда. Я не хотела тебе рассказывать, — проговорила Гретхен, не глядя на меня — Знаешь, мне и в лучшие времена бывало трудно сохранять дружбу со многими людьми. При моем поведении всем со мной было трудно поддерживать отношения — даже когда я от людей ничего не скрывала. И я решила, что будет проще и легче, если я не буду ничего говорить про свою болезнь. И мне не хотелось еще и тебя потерять. — Ее глаза наполнились слезами, она торопливо отвернулась и жалобно проговорила: — Знаешь, не так-то просто чувствовать, что только ты одна сходишь с ума в мире, где полным-полно нормальных людей.

В эти мгновения она была такой трогательной, что мне вдруг захотелось обнять ее, утешить. Я встала, подошла к дивану, опустилась на колени и отодвинула в сторону миску с хлопьями.

Я взяла Гретхен за руку и крепко сжала.

— Ты не можешь сделать ничего такого, из-за чего я бы перестала быть твоим другом, — решительно объявила я.

Гретхен не могла посмотреть на меня.

— Мне так стыдно, — прошептала она, заливаясь слезами. — Я вас всех только огорчаю.

— Вовсе нет, — мягко возразила я.

— Мне так противно, так стыдно. Той ночью, у тебя... Знаешь, я бы ни за что, ни за что... с этим Пауло, если бы... — Она покраснела и умолкла.

Я попыталась справиться с шоком. Так значит, она все-таки переспала с ним? Но я только пожала плечами и улыбнулась.

— Что ж, бывает.

— Понимаю: я не должна была переставать принимать лекарства, — проговорила Гретхен, перебирая пальцами край одеяла. — Но знаешь... Я заскучала по гипермании. Мне нравится та, в которую я превращаюсь. Ты кажешься себе красивой... светящейся изнутри, будто человек-светлячок. К чему бы ты ни прикоснулся — все озаряется светом, оживает. словно на рассвете летишь на самолете и можешь выставить руку в иллюминатор и прикоснуться к краю облака, подсвеченного солнцем. Оно словно бы протекает сквозь твои пальцы.

Господи, но какой ценой?

Гретхен нервно смяла край одеяла.

— От лития я становлюсь тупой, толстокожей. Я ничего не чувствую — и мне просто хочется снова начать чувствовать. Я становлюсь скучной. Люди, которые раньше мне звонили, не звонят уже сто лет, а я сама не могу им позвонить, потому что мне нечего сказать... нечего, потому что я ничего не сделала, ничего не чувствовала. — Вид у нее стал отчаянно беспомощный.

— У тебя есть я, — напомнила я ей. — И Бэйли.

— Знаю, — всхлипнула Гретхен. — Но это тоже несправедливо. Бэйли приходится возиться со мной, подстраховывать меня. Я его не заслуживаю.

Я вдруг подумала: «А не стало ли ей еще хуже из-за того, что я теперь встречаюсь с Бэйли? Два человека, на которых она могла положиться, влюблены друг в друга... А она, должно быть, чувствует себя одинокой, покинутой».

— Ты не против того, что мы с Бэйли встречаемся? — отважилась спросить я.

— Что ты такое говоришь? — поспешно откликнулась Гретхен и потянулась за пачкой бумажных носовых платков. — Это же я вас свела, или ты забыла?

Я улыбнулась ей, а она попыталась улыбнуться сквозь слезы.

— Мне очень стыдно, что ты видишь меня такой — жалкой, хныкающей, как ребенок, — призналась она. — И все-таки я рада, что ты здесь.

Глава 20

— Элис, какого черта ты делаешь? — вспыхнула Гретхен, когда я подняла тарелку, оставленную ею на полу в гостиной, чтобы отнести ее в кухню.

Я приехала к Бэйли в пятницу поздно вечером после восхитительной съемки в Барселоне. Мне не терпелось рассказать ему о своей поездке, а его не оказалось дома — он пошел в ресторан за готовой едой. Гретхен была на своем обычном месте — на диване. В гостиной царил беспорядок. Я ожидала совсем не такого начала вечера. Неужели обострение началось у Гретхен только два месяца назад? По моему ощущению, прошло уже два года.

— Я думала приготовить нам чай, вот и решила захватить тарелку — все равно иду в кухню. Что такого? — сказала я так спокойно, как только могла.

— Я сама! — сердито возразила Гретхен. — Я не инвалид, что бы там все ни думали.

Я прикусила язык, поставила тарелку на пол и села. Эти новые вспышки раздражения были крайне мучительны. Гретхен явно все наскучило, она любую мелочь воспринимала на свой счет. Я, конечно, радовалась тому, что ее депрессия явно пошла на убыль. У Гретхен прибавилось сил, она стала подвижнее — и безусловно, это были хорошие знаки. Я всей душой желала ей скорейшего выздоровления.

— Извини, — поспешно проговорила Гретхен. — Мне просто все надоело, до смерти надоело — я понимаю, ты хотела помочь. Как все прошло в Барселоне? — с деланным интересом спросила она.

— О, чудесно! — ответила я с горящими глазами, но тут же заметила печаль во взгляде Гретхен. — Правда, я жутко устала, да и жара там стояла невыносимая, — солгала я и решила перевести разговор на более нейтральную тему. — Слушай, угадай, что я тебе сейчас скажу... Моя сестра ждет ребенка!

В моей семье все только и говорили о Френ — особенно мама. Она была в полном восторге. Она позвонила мне, обуреваемая гордостью, и пригласила на семейный обед.

«Я подумала, что ты можешь приехать с этим твоим новым Бэйли, —

объявила мама, великодушно преодолев неодобрение, с которым она относилась к моему роману с братом Гретхен. — Если только он не против познакомиться с Френсис и Адамом. Я устраиваю для них обед, потому что Френсис совершенно измучена, — когда это случится с тобой, ты сама поймешь, каково ей сейчас. Собираюсь приготовить вегетарианскую пасту, ведь от запаха мяса Френсис тошнит. Уже тошнит! Потрясающе!»

Я была почти уверена в том, что Бэйли вовсе не захочется тащиться на встречу с моими дражайшими родственниками и вести разговоры о младенцах, в то время как наш с ним роман только начался. Да и мне, откровенно говоря, не очень этого хотелось. Мы с ним, похоже, и так занимались только тем, что проявляли заботу о родственниках.

— Вот это новость, — без особого интереса проговорила Гретхен.

Ей явно не было никакого дела до Френсис. Некоторое время мы помолчали, а потом она вдруг резко встала.

— Пожалуй, я сегодня переночую у себя, — объявила она и сунула ногу в туфлю. — Я знаю, Бэйли считает, что я еще не готова, но на самом деле готова.

Я поудобнее устроилась в кресле и поджала под себя старательно депилированные ноги.

«Нет, — решила я, — от меня она никаких возражений не услышит».

Провести вечер и ночь пятницы с Бэйли — это было что-то новенькое. Я так рвалась к нему после долгого рабочего дня, я так мечтала о большом бокале вина... и о сексе, если на то пошло, а что получила? Получила Гретхен, сидящую в тоске на диване, не желающую есть ничего, кроме сухариков — и то изредка, и пялящуюся в телевизор. При этом ей было, судя по всему, положительно все равно, что показывают. Но я была ее лучшей подругой и потому никак не могла сказать Бэйли: «Меня уже тошнит от того, что твоя сестра все время торчит у тебя. Ты не мог бы попросить ее слинять?»

Мне расхотелось оставаться в квартире. Как хорошо было бы куда-нибудь пойти с Бэйли, в какое-нибудь веселое местечко, чтобы это было похоже на свидание, как полагается в начале романа. Ничего такого у меня не было с Томом, ведь мы сразу начали жить в одной квартире. А Бэйли опасался оставлять Гретхен одну надолго, поэтому, когда мы с ним куда-то отправлялись, я все время чувствовала: надо торопиться домой и отпустить няньку. По правде говоря, все было гораздо хуже — мы с ним и были няньками. Лишь незаметно брались за руки в ожидании, когда Гретхен отправится спать и мы сможем лечь на диване. Все бы ничего, и я бы даже радовалась этим украденным моментам, будь я лет на десять младше.

Неужели так уж эгоистично мечтать о том, чтобы побольше побыть наедине с новым возлюбленным?

— В общем, — объявила Гретхен, словно бы прочитав мои мысли, — вам нужно побыть вдвоем. Скажи Бэйли, что я пришлю ему эсэмэску, как только доберусь до своей квартиры.

— Ты уверена, что все будет хорошо? — спросила я, сразу почувствовав себя законченной сучкой.

Но Гретхен уже была на полпути к двери. Ответом мне было то, с каким грохотом она ею хлопнула.

Две недели спустя, когда Гретхен благополучно провела у себя дома несколько ночей, я робко предложила Бэйли съездить на выходные в Париж. Что-то вроде: «Давай начнем все сначала, ладно?» Кроме того, мне очень хотелось показать Вик нового бойфренда. Он согласился — после того, как поговорил с Гретхен и та заверила его, что с ней все будет в порядке.

«Просто поезжайте, — сказала она Бэйли. — А для меня это будет отличная проверка — целых три дня сама по себе. Послушай, даю слово: если будет худо, я позвоню маме или пане. Хорошо?»

У меня, правда, по этому поводу не было никаких сомнений, когда я наконец проснулась рядом с Бэйли в безликом гостиничном номере. Он поцеловал меня медленно, неторопливо, словно я была первой женщиной в его жизни и последней, которую ему хочется любить. Неужели все наконец тронулось с места? Господи, как я на это надеялась!

— Спасибо тебе за то, что последние пару месяцев ты была так терпелива, — сказал Бэйли, глядя на меня и гладя мои волосы. — Я не сомневаюсь: ты самая необыкновенная, сильная и красивая женщина из всех, с кем я был знаком. Как только я мог жить без тебя?

А потом у нас был секс — настолько прекрасный, что я вправду поверила, будто я именно такая женщина, какой он меня обрисовал.

— «Как только я мог жить без тебя?» — повторила Вик вечером этого дня. — Так и сказал?

Я кивнула.

— Да, в точности так. Я чуть не растаяла. Ну? Что скажешь?

— Скажу, что с твоей стороны необычайно любезно было вытащить себя из постели и попить с нами кофе во время твоей любовной вылазки в Париж. Спасибо тебе, — сказала Вик. — Я польщена.

— Я хотела спросить, — терпеливо проговорила я, шагая рядом с Вик по улице Лафайет, — что ты скажешь о нем?

Я незаметно указала на Бэйли, восхищенно разглядывавшего обрамленную галереей крышу магазина. Люк взял на себя роль гида.

— Ну ладно, ладно. Он мне нравится!

Я обрадованно улыбнулась.

— Хорошо. Мне тоже. Тебе не кажется, что он просто потрясающий?

— Слов нет, — сказала Вик.

— Как думаешь, у нас будут красивые дети? — мечтательно спросила я.

Вик ответила не сразу.

— Я бы пока предоставила твоей сестренке рожать детишек. Не уверена, что Бэйли из тех мужчин, которые обожают детей. Вот веселый дядюшка из него вполне может получиться, а насчет собственных детей — не думаю, что он жаждет ими обзавестись.

Какое-то время мы шли молча. Я была уверена, что Вик ошибается, но свое мнение оставила при себе.

— На прошлой неделе мне звонил Том, — сообщила Вик, сменив тему. — Он в порядке. Начал с кем-то встречаться.

У меня возникло очень странное чувство. Я практически не позволяла себе вспоминать о Томе.

— Я подумала — может быть, тебе стоит об этом узнать, — продолжала Вик, убрав за ухо прядь растрепавшихся темных волос. — Он, бедолага, наверняка надеялся, что я расскажу все тебе. Насколько я понимаю, тебе он пока не звонил.

Я покачала головой.

— Дай время. Позвонит. Даже не сомневаюсь.

— Он про меня спрашивал?

Вик кивнула.

— Он спросил про тебя и Бэйли. Вместе ли вы.

Я поморщилась.

— Я не упоминала о нашей с тобой встрече сегодня, — сказала Вик. — Думаю, ему было бы тяжело об этом услышать, но я все же сказала, что, кажется, ты встречаешься с Бэйли. Больше ничего не добавила. Вот тогда он мне и сообщил, что начал выбираться на люди и назначать свидания.

Я промолчала. Вик взяла меня за руку.

— Слушай, ты мне вот что скажи, — проговорила она, снова мудро сменив тему разговора, — весело было у Тани? Я порой жалею, что до сих пор ни разу не ответила на рассылку. Я знаю: все пытаются держать меня в курсе встреч, но все же порой так завидно, что ты где-то веселишься без

меня. Будь проклят Люк и все эти французские закидоны!

— Какая рассылка? — нахмурилась я. — Я ничего не видела.

Последовала короткая пауза. Вик мягко проговорила:

— Наверное, тебя по ошибке не включили в рассылку, Эл. Или это из-за того, что я рассказала Тане, как ты сейчас занята — приглядываешь за приятельницей. Кстати, как там Гретхен?

Вечером в воскресенье мы вернулись в Лондон, и настроение у меня было не самое веселое. Я уже успела соскучиться по Вик. Как же мне было легко с ней! Но я знала, что в квартире нас ждет Гретхен.

А когда мы вошли, я в первый момент подумала, что мы ошиблись адресом. В квартире едва заметно пахло полиролью. В вазе на столе в гостиной стояли свежие цветы. Но сильнее всего бросились в глаза изменения, происшедшие с самой Гретхен.

Она выглядела в буквальном смысле другим человеком. Волосы пышные, блестящие, на лице — косметика. Незнакомое платье. И вся она просто-таки светилась от радостного волнения. Впечатление было такое, словно та, недавняя Гретхен упаковала вещички и переехала в другой город. Она стала похожа на прежнюю себя.

— Входите, присаживайтесь, — стеснительно проговорила она. — Я вам ужин приготовила. И еще у меня есть кое-какие новости.

— Я знаю, только так я и должна была поступить, — уверяла меня Гретхен чуть позже, когда я мыла тарелки после ужина. — Сцена, пение — до этого еще далеко. Никаких больше программ на телевидении, а трехмесячные летние актерские курсы будут отличным началом. Я так волнуюсь! Занятия начнутся в августе. Вы с Бэйли такие молодцы, я вам очень благодарна, но мне пора вернуться к активной жизни. Не могу же я целыми днями сидеть тут или у себя, как какая-нибудь мисс Хэвершем^[52].

— Это замечательно, Гретх, — тепло проговорил Бэйли, достав огромный торт, который мы привезли для Гретхен из Парижа. — Неожиданно, но замечательно.

Он поставил на стол тарелочки, положил ложки, сел и отрезал себе большущий кусок.

— И где эти курсы будут проходить? — спросил он с полным ртом.

— В Нью-Йорке, — ответила Гретхен.

Бэйли перестал жевать.

— Но, сестренка, я же не смогу просто впрыгнуть в самолет, если у тебя опять будет обострение или ты перестанешь принимать свой литий.

Гретхен терпеливо посмотрела на него.

— Я понимаю, почему ты беспокоишься. Но не нужно волноваться. Ничего такого не случится. Обещаю. Даю слово. Посмотри, насколько мне лучше. К тому же я уже пообщалась с психотерапевтом в Штатах... Сначала нашла врача, а уж потом подыскала жилье! Я отправлюсь в Нью-Йорк задолго до начала курсов, поэтому у меня будет куча времени для обустройства. Между прочим, все считают, что мне давно пора было отправиться в Штаты, что это моя судьба, так почему бы не съездить? Очень даже логично!

Бэйли ее доводы, похоже, не убедили. А я затаила дыхание. У меня появилась надежда на лучшее. Впервые за долгое время Гретхен выглядела такой оживленной. Может быть, и у нас с Бэйли появится шанс стать нормальной парой? Только мы вдвоем? Гретхен могла бы объявить, что собирается отправиться в Америку вплавь, и я бы сама надула ей спасательный жилет — так мне хотелось, чтобы она не отказалась от этой возможности!

— Кстати, насчет того, где можно пожить. Моя квартира. — Она сунула руку в карман и достала ключ. — Мне совсем не хочется, чтобы она долго пустовала, и, Эл, я знаю, что тебе так или иначе придется скоро переехать. Я планирую пробыть в Штатах до конца года, и ты окажешь мне невероятное одолжение, и к тому же, естественно, за квартиру тебе платить не придется. Вот и сэкономишь для оплаты своей квартиры, когда она тебе понадобится. Согласна пожить у меня?

Она подтолкнула ключ по столу, и он упал мне на колени.

— Не стану отрицать: она все продумала, — сказал Бэйли позже, когда мы легли спать. — Но у нее в Нью-Йорке нет ни одного знакомого человека! Что же мне делать, если мне позвонят из какой-нибудь больницы и скажут, что она госпитализирована? Я и так уже столько раз за последние месяцы отказывался от работы, чтобы быть здесь, рядом с ней. Не смогу же я мотаться туда-сюда через Атлантику. Как думаешь, мне не стоит уговорить ее остаться?

— Нет, я так не думаю, — медленно выговорила я. — Думаю, она права. Ей нужно встряхнуться. И впечатление такое, что ее состояние намного улучшилось. Думаю, мы должны ей поверить.

Я действительно гордилась Гретхен. Она так терпеливо и долго шла к своему нынешнему состоянию. И еще — мне было грустно расставаться с подругой именно сейчас, когда ей стало лучше. Но с другой стороны, последние два месяца мне дались нелегко, и мне нужно было отдохнуть от Гретхен.

— Пожалуй, это для нее будет просто великолепно, — сказала я. — Нью-Йорк! Как здорово!

До сих пор у меня в голове не укладывается, как я могла быть настолько глупа.

Глава 21

Через некоторое время Бэйли находит меня в больничной часовне.

— Пожалуйста, больше так не убегай, — говорит он. — Ты меня жутко напугала. И вообще, что ты здесь делаешь?

Вопрос в самую точку. В часовне холодно, пахнет затхлостью, и кажется, будто сами стены пропитаны отчаянными молитвами. Трудно представить, что в этом помещении может находиться что-то хорошее, не считая людей, надеющихся на чудо или пытающихся найти утешение в привычной вере. Маленькое пластмассовое распятие стоит на столике, рядом с ним — толстая книга и ручка. Что-то вроде религиозной книги жалоб и предложений. «Молитесь за упокой души Мэри Маккарти», «Пожалуйста, пусть мой папа поправится». По здесь хотя бы нет врачей и пронырливых медсестер.

— Похоже, я прошел мимо одного и того же мужчины в халате три раза, — доверительно сообщает мне Бэйли. — Будто оказался на медицинской лестнице Эшера^[53]. — Он разворачивает стул, стоящий позади меня, и садится на него верхом. Потом обвивает руками мои плечи. — Не плачь, — говорит он и целует меня в затылок.

А мне из-за этого хочется плакать еще сильнее.

— Как ты узнал, что меня надо искать здесь?

— Я не знал, — признается Бэйли. — Том предположил, что ты можешь быть тут.

О.

Он заглядывает через мое плечо.

— Ты читаешь Библию?

Он протягивает руку, не дав мне закрыть книгу, и берет ее у меня.

— «Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз»^[54], — читает Бэйли вслух. — Гм, — задумчиво произносит он. — Семьдесят семь. Это чертовски много.

— Бэйли! Это часовня, — испуганно говорю я.

Он обводит взглядом унылое помещение.

— Эл, я не уверен, что Бог присутствует здесь. Я был бы не больше уверен в этом, если бы сидел в шкафчике с чистящими средствами. И кого

ты тут собралась прощать? Гретхен? Меня?

Я качаю головой.

— Конечно нет. Ты ни в чем не виноват. Том просто жутко напуган, вот и ищет, кого бы обвинить.

— Я имею в виду не только то, что я опоздал на самолет. Никто не обязан сидеть у постели лучшей подруги с двумя бывшими бойфрендами. Это неразумно.

Я пытаюсь улыбнуться.

— Да, неразумно. Вот в этом ты абсолютно прав.

— Мне так жаль, что все так вышло, Элис. Ужасно жаль.

Что я могу на это ответить? Все равно ничего изменить уже нельзя.

— Постарайся не винить Гретхен, — говорит Бэйли. — Она тоже ни в чем не виновата.

Я молчу.

— Но надо признаться, нам ведь тоже пришлось нелегко. Если бы мы с самого начала чаще бывали вместе... если бы ей не было так худо, если бы она не нуждалась так отчаянно в нас обоих, может быть, все сложилось бы иначе...

О, пожалуйста, вот только этого не надо! Это мне сейчас нужно меньше всего. Но Бэйли продолжает.

— Знаешь, в то время ты вела себя просто поразительно, — говорит он. — С ней было очень непросто, но ты проявляла невероятное терпение.

Вовсе нет. Она была моей подругой, нуждающейся в помощи. Я делала то, что должна была делать, разве нет?

— Мне правда очень жаль, — говорит Бэйли, глядя на пластиковое распятие, — что не вышло по-другому. Просто, когда она улетела в Штаты и у меня появилась возможность снова начать работать... ты же знаешь, я больше не мог отказываться от предложений. Эл, у меня тогда было жутко туго с деньгами. Мы с тобой почти не виделись за эти три месяца. Я чувствовал себя налоговым эмигрантом. Наверное, такова оборотная сторона моей работы. — Он печально вздыхает и пожимает плечами. — Мне приходится надолго уезжать. Так уж все обстоит.

— Мы не должны это обсуждать, Бэйли, — говорю я.

Я просто не хочу, потому что слишком свежи воспоминания. Я отчетливо представляю, как звоню ему в Лос-Анджелес, в Кейптаун, в Тимбук(мать его)ту, да бог знает куда еще — и произношу незнакомым, заискивающим тоном: «Я скучаю по тебе». Я немного волнуюсь, но пытаюсь сдержаться, а он спокойно, почти равнодушно отвечает: «Я тоже скучаю по тебе, но у меня работы по горло, и, честно говоря, я рад, что

снова в деле. Послушай, малышка, мне пора идти. Нужно еще много написать сегодня. Хочу закончить, пока голова хоть немного варит, понимаешь?»

— Так ты прощаешь меня? — спрашивает он, захлопнув Библию и протянув ее мне.

— Нечего прощать, — отвечаю я, пожимая плечами. — Любовь проходит. Это случается.

И тут я чувствую себя ужасно глупо и неловко. Ведь он мне ни разу не говорил, что любит меня. Это я любила его, вот и все.

— Ты такая замечательная, Эл, — говорит Бэйли и восхищенно качает головой. — Тебя ничем не сбить с толку. — Он поеживается. — Может быть, вернемся? Тут холодновато. И, честно говоря, мне здесь немного не по себе.

Он снова смотрит на пластмассовое распятие и передергивает плечами.

— Здесь вовсе не холодно, дурачок! — вымученно улыбаюсь я. — Ты просто привык к более экзотичной температуре.

— Я не так давно не был в Англии, — с упреком произносит Бэйли.

Я вздергиваю брови.

— Ну ладно, давно, — вздыхает он. — Просто теперь мне так кажется. Я думал, что у Гретх все хорошо. Но... не важно. Теперь мне придется здесь задержаться. Мне заказали серию статей «Сто развеселых выходных в Британии»!

— Ты собираешься согласиться на эту работу только для того, чтобы быть рядом с ней? — спрашиваю я, не в силах скрыть удивление. Ведь ему непременно нужно мотаться по миру — такая у него работа. Но видимо, нет... все не так, когда он не хочет, чтобы это было так.

— Конечно! — удивленно откликается Бэйли. — Когда она очнется, ей будет просто ужасно плохо, — добавляет он с такой уверенностью, словно других вариантов попросту нет и Гретхен обязательно поправится. — Ты же помнишь.

Я знаю: он — ее брат, он все сделает ради нее, и так и должно быть. Если бы Гретхен позвала его на помощь, стоя на самой высокой горе в разгар самой жуткой бури, он бы каким-то образом добрался до нее. Я знаю: это просто замечательно, что у него такое большое, щедрое, любящее сердце, в котором все еще жива надежда на то, что с Гретхен все будет хорошо, и это одна из многих причин, почему я в него влюбилась. Родные всегда должны быть для человека на первом месте. Но все-таки слишком больно понимать: я для Бэйли не так важна, как Гретхен, — и никогда не

стану так важна. Она всегда будет для него на первом месте.

— Когда я вижу, как она лежит на больничной койке, утыканная всеми этими трубочками, мне нестерпимо хочется их все порвать, — неожиданно признается Бэйли, — хотя я отлично понимаю, что без них она не сможет дышать. Она выглядит такой маленькой, такой ранимой. Даже не могу передать тебе, каково это — видеть кого-то, кто тебе дорог, в таком состоянии. Я чувствую, как сердце сжимается. — Бэйли качает головой. — Хочется сделать все от тебя зависящее... сделать для нее, и мне страшно представить, как она оказалась... в таком месте, в таком страшном месте, как смогла вытворить с собой такое. Ведь она знает, что будет со мной, если в один ужасный день — Господи, не допусти, чтобы такое случилось! — ей это удастся. Единственное мое утешение — убеждать себя в том, что она так никогда не поступила бы, если бы не болезнь.

Глаза у него блестят. Он продолжает:

— Я знаю, она взрослый человек, я знаю, у нее много недостатков, но понимаешь, Элис, когда я вижу ее такой, она кажется мне всего лишь маленькой девочкой. В детстве она была настоящей бедой, но она всегда улыбалась, когда я входил в комнату. Она всюду бегала за мной хвостиком. Я только и слышал: «Бйэли-и-и! Да-а-а-ай! Ма-а-а-а-а-а-а-а-ам!» — произносит он писклявым голоском. «Он не хочет со мной играть!» — Бэйли нервно смеется. — Я от нее убежал наверх с кем-нибудь из приятелей, но она ни за что не желала сдаваться. Я тут же слышал, как она топает по лестнице следом за мной. Наверное, ей просто хотелось всегда быть рядом со мной. — Он умолкает, видимо погружаясь в воспоминания о более счастливых временах, а потом грустно добавляет: — Попроси она меня сейчас поиграть с ней, я бы поиграл.

Я вижу, как его глаза наполняются слезами. Он поспешно утирает их.

— Я должен был быть рядом с ней, Элис! Старшие братья для того и нужны. — Он на миг умолкает. — И в первый раз с ней рядом был я. Когда ей было семнадцать.

Он никогда мне об этом не рассказывал. И Гретхен не рассказывала.

— Парень бросил ее. Обычная история — первая любовь, жуткая страсть и всякое такое. Ей было очень, очень плохо, и мама велела мне сходить к ней в комнату, потому что она не спустилась к чаю. Я вошел и увидел ее на подоконнике в темноте. Понимаешь? Я могу вспомнить только, как окно бешено хлопает на ветру, а она стоит на подоконнике. Я двадцать минут уговаривал ее не делать этого, но она все-таки спрыгнула.

— О Бэйли! — Я беру его за руку. Я готова сделать что угодно, лишь бы утешить его. Что угодно.

— Она только сломала лодыжку и три ребра. Не знаю, как вышло, что не случилось ничего более страшного. Мы тогда думали, у нее всего лишь нервный срыв. А теперь я понимаю: тогда-то все и началось. Все было просто ужасно, и мне безумно жаль, что тебе пришлось такое пережить, Элис, что ты ее нашла. Но знаешь, не стоит ее за это ненавидеть. Она сама не ведает, что творит.

Он смотрит на меня так искренне, а я по-прежнему ничего не могу ему сказать.

— Если бы ты ее возненавидела, я бы тебя не винил. Понимаешь, даже наша мать уже не в силах это выносить. У нее ничего не осталось в жизни. Она совсем превратилась в развалину и просто не может приехать и увидеть Гретх в таком состоянии. Но может быть, отец все-таки уговорит ее приехать завтра. — Бэйли устало проводит рукой по лицу. — Да я и сам просто с ума схожу. Будь это мой ребенок, я бы в геенну огненную спустился и вырвал его из пасти небытия, если бы потребовалось, — с неожиданной яростью произносит он.

А потом он запрокидывает голову, зажмуривается и говорит:

— Когда все закончится, я отвезу ее куда-нибудь, где тепло, где она сможет ходить босиком по горячему песку и пить холодное пиво. Где все просто и легко.

Я понимаю: он не кривит душой. Он готов отдать все, чем богат, ради того, чтобы его сестра осталась жива.

— Бэйли, — тихо говорю я. — Можно тебя кое о чем спросить? Гретхен когда-нибудь просила тебя порвать со мной?

Похоже, мой вопрос его изумляет.

— Нет! С какой стати?

Значит, Вик была права: у него просто не хватило сил быть нужным кому-то еще, а я, честно говоря, к тому времени слишком сильно к нему привязалась. Вик навеки застряла в Париже, Гретхен окопалась в Нью-Йорке, с пятичасовой разницей во времени. Том от меня ушел, мое семейство интересовали только результаты УЗИ Френсис, и ее переезд в более просторный дом, и то, что сказала ей в последний раз акушерка. Мне было одиноко, но теперь я понимаю, как мои непрерывные «я скучаю по тебе» в телефонных разговорах с Бэйли нагружали его лишней ответственностью за чье-то счастье — при том, что сам он хотел лишь немного развлечься. Может быть, мы теперь были бы вместе, если бы я ничего не требовала от него, если бы просто оказывалась рядом, когда была нужна ему, — я, его сильная, надежная, заботливая Элис.

— Прости, — говорит Бэйли и гладит мою руку. — Мне не хотелось

ни на ком срывать свои чувства. Просто нужно было выговориться. Но теперь мне намного легче, спасибо тебе, — благодарно произносит он. — Пойдем, Элли-Пэлли!^[55] — Он встает и протягивает мне руку. — Пошли. Хватит с меня этой часовни. И запах тут противный. — Он морщит нос. — Мы нужны Гретхен.

— Вернусь через минуту, обещаю, — говорю я.

Бэйли кивает и направляется к выходу.

— Спасибо, что выслушала меня, Эл, — говорит он. — Как хорошо, что ты отлично знаешь Гретхен. Она — вернее, мы с ней очень многим тебе обязаны. Спасибо, — повторяет он и уходит.

Дрожащими руками я переворачиваю страницы Библии и нахожу слова о прощении завистника. Я снова и снова перечитываю эти строчки, с такой силой вглядываюсь в текст, что начинаю различать структуру бумаги, и слова постепенно проникают в мое сознание: «Ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое»^[56].

Глава 22

— Вдохни поглубже, дорогая, и объясни толком, что случилось.

— Он бросил меня! Наконец мы с ним остались вдвоем, а он бросил меня!

Я сидела, прижавшись спиной к стене, в квартире Гретхен и рыдала в телефонную трубку.

— Как? Только что? — спросила Вик.

Я попыталась совладать с собой.

— Он вчера вернулся из Рио...

Вик фыркнула.

— Как обычно.

— ...И попросил меня встретиться с ним как можно скорее. Я ничего нехорошего не подозревала, я так и подумала, будто он просто хочет со мной встретиться. — Я в отчаянии искала глазами свежий носовой платок. — Он сказал, что ему нужно выбраться из дома, чтобы не заснуть, — продолжала я. — И мы встретились в Гайд-парке, попили кофе, а потом прогулялись. Я так радовалась тому, что он вернулся, и болтала без умолку.

— Ясное дело, — сочувственно проговорила Вик.

— Я шла, разбрасывала ногами опавшие листья и говорила про то, как мне всегда хотелось побывать в это время года в Новой Англии и посмотреть, какая там осень, и еще всякую чепуху говорила вроде: «Правда, какие потрясающие цвета? Ну давай же, делай как я!»

Теперь это все казалось мне настолько унижительным, что я зажмурилась от стыда.

— Ох, какая же я дура! Он, чего доброго, подумает, будто я хотела сказать, что мне хочется поехать туда вместе с ним.

Вик терпеливо ждала.

— Он молчал, он был какой-то подавленный, но я решила, что это из-за перелета, из-за разницы во времени, поэтому я сказала, что, если он не хочет, я могу попинать листья вместо него, и нечаянно поддела туплей собачью какашку.

Мне хотелось рассмеяться, но у меня не получилось.

— О нет!

Вик, надо отдать ей должное, и не подумала смеяться.

— Я не заметила ее под кучей листвы. Я стала вытирать туфлю о траву и сказала, что отмою ее, когда мы вернемся домой, но он сказал, что ничего не получится, а я сказала — получится, и показала ему туфлю, чтобы он увидел, что я ее почти очистила, а он тогда сказал, что не с туфлей, а у нас ничего не получится.

— Ооооооох, — простонала Вик. — А ты что сказала?

— Точно не помню. Сначала — ничего особенного. — Я прижала колени к груди и сгорбилась над телефоном. — Он проводил меня сюда, и, наверное, это было дико для него — провожать меня в квартиру своей сестры.

— Уж это он мог сделать, черт бы его побрал! — возмущенно воскликнула Вик.

— Но когда мы пришли сюда, я поняла, что он сейчас уйдет, и все, я попыталась убедить его в том, что он совершает ошибку.

Боль от свежих воспоминаний была настолько сильна! Я видела, как он стоит в дверях, все уже решивший для себя, а я, цепляясь за последнюю соломинку надежды, пытаюсь изложить ему причины, почему ему стоит остаться со мной... Я снова разрыдалась.

— Лучшего способа окончательно разбить собственное сердце не придумаешь, — сказала Вик.

— Знаю, — всхлипнула я. — Конечно, лучше было бы попытаться сохранить хотя бы остатки гордости.

— Расставания никогда не выглядят красиво.

— Я все уговаривала его, пока он не потерял терпение. И тогда я спросила, есть ли у него другая. Лучше бы не спрашивала.

— И? Есть другая?

— Он говорит — нет, он бы так никогда не поступил, просто он не может дать мне то, чего я хочу, что мне нужно. Он сказал, что притворяться было бы несправедливо.

— Ладно, хотя бы честно признался в том, что он, в конце концов, не тот, кто тебе нужен. Значит, у него все-таки есть недостатки, — сердито проговорила Вик. — Но ведь это он фактически уговорил тебя расстаться с Томом. Ты очень его интересовала... И все эти «я не могу тебя дождаться» и «давай не упустим нашего счастья». Черт! Ненавижу мужиков, больных на голову, вроде него!

— А потом, потом я все-таки попросила его остаться хотя бы на одну ночь, — выпалила я.

Мое сердце было готово разорваться. Мне не хотелось даже Вик

признаваться в том, как низко я пала, но я не могла остановиться в своих признаниях.

— О, Эл... — ахнула Вик.

Она ждала, а я тихо плакала, и мои рыдания эхом разносились по квартире Гретхен. Потом Вик негромко, мягко проговорила:

— И он остался? Вот почему ты мне звонишь сейчас? Он только что ушел?

Я помотала головой, и это было глупо — ведь Вик меня не видела.

— Он отказался остаться. — Я нервно хохотнула и высморкалась. — Это меня чуть не убило. Он помрачнел, стал смотреть на часы и повторять, что у него много работы. А я так распахивалась, что заорала на него, чтобы он убирался, если для него так важна его чертова работа. И он ушел.

— Что ж... Давай будем благодарны судьбе за маленькие милости, — сказала Вик. — По крайней мере, он и ты сделали одну правильную вещь. И за это тебе надо держаться, Эл, — за то, что в конце концов ты его послала подальше.

— Только потому, что он меня довел до этого.

— Не имеет значения, — возразила Вик. — Все равно последнее слово осталось за тобой. Гретхен знала, что он собирается порвать с тобой? Насколько я понимаю, ты ей звонила?

— Пыталась, — призналась я, — но ее так трудно застать при пятичасовой разнице во времени и всем ее образе жизни. Вчера вечером ее не было дома, а сейчас звонить слишком рано — у нее воскресенье, шесть часов утра, она наверняка спит. Как ты была права! Ты говорила: это случится, если мы расстанемся, вот и случилось.

— Ну... Не могу сказать, что меня это радует.

— Ты во всем была права. И понимаешь... я так жутко зла на себя! — Я свирепо скатала шарик из бумажного носового платка. — Когда мы расстались с Томом, ты говорила: повремени немного, поживи своей жизнью. А я вместо этого, — продолжала я, сердито швырнув бумажный шарик в стену, — первые два месяца каждую минуту, пока не спала, торчала у Бэйли дома с Гретхен и с ним. Правда, никто не был в этом виноват, потому что она была больна, а потом она улетает в Штаты, а он начинает скакать по всему свету... а я что делаю?

Вик терпеливо слушала. Она понимала, что мне не нужно от нее ответа.

— Я жду его, словно какой-нибудь телевизор в режиме ожидания, жду, когда он вернется из очередной поездки. Все сосредоточено на нем, все для него. — Я начала заводиться. — Я отказываюсь от съемки в Италии,

потому что тогда мне придется уехать из Англии в то самое время, когда он вернется на пару дней. Я беру горы скучнейшей работы в Англии, а значит, я доступна в любое время, стоит меня только пальцем поманить. То есть — о чем я, черт бы меня побрал, думала? — Я злобно вытащила из пачки новый носовой платок. — Как это унижительно!

— Ну будет тебе, Эл, с кем из нас такого не бывало, — попыталась урезонить меня Вик. — Ты ради него встала на голову, и, конечно, ты верила, что он тебе сделает предложение, вот и кинулась в этот роман очертя голову. Ты не первая, кто понял, что жить ради другого человека — дерьмовая идея. В худшем случае ты подарила шесть месяцев своей жизни мерзавцу. Но больше такой ошибки не совершишь.

Я слушала ее, вытирая усталые, распухшие глаза. Потом снова высморкалась.

— Когда ты занята работой и кучей повседневных дел, когда ты живешь внутри ситуации, очень трудно сделать шаг назад, охватить взглядом всю картину и увидеть, в чем ты ошибаешься. Я не знаю ни одной незамужней женщины, которая бы не думала: «Надо бы, конечно, позвонить кому-то из подружек и договориться о встрече, но я, черт возьми, так устала, и у меня выдался сумасшедший денек. Я хочу только одного: поскорее оказаться дома, выпить чая и упасть в постель со своей половинкой». Уж я это знаю, сколько раз бывало. На самом деле, как ни печально, половину времени я так измотана, что у меня даже нет сил в «Фейсбуке» пообщаться со знакомыми. Я захожу туда только для того, чтобы поглазеть на чужие фотки. И это паршиво.

Я негромко хлюпнула носом и в очередной раз высморкалась.

— Ты все это говоришь только для того, чтобы мне стало легче?

— Конечно нет! Прекрати заниматься самобичеванием! Тебе столько всего дано, Элис! Ты поразительно талантлива, ты сделала потрясающую карьеру, и теперь ты свободна и можешь взяться за любую работу, за какую только пожелаешь! Я бы посоветовала тебе наконец заняться тем, о чем ты всегда мечтала, — видовыми съемками.

— Да, знаю, надо бы, — сказала я. — По крайней мере, мне повезло в том, что я занимаюсь любимым делом.

— Вот умница! — похвалила меня Вик. — А с этим уродом тебе больше видаться не надо. С этого момента у тебя начинается новая жизнь. Ну, что ты сегодня собираешься делать? Тебе не стоит оставаться одной, потому что теперь ты можешь злиться на всех и вся, а потом опять впадешь в тоску.

Потом? У меня уже сейчас глаза снова наполнялись слезами. Она

была права! Наверное, я виделась с ним в последний раз. Мы в последний раз в жизни поцеловались. О-о-о-о-о-о! Как же больно...

— Почему бы тебе не повидать родителей? Может быть, стоило бы немного погостить у них?

— У меня завтра с утра работа. Мне надо поехать на съемку. А съемка предстоит приятная, спокойная. Только я, клиентка и коробка с лаками для ногтей. Слава богу.

— Вот и отлично. Потом сходи куда-нибудь перекусить. Послушай, наверняка ты не забыла, — сказала Вик, — но на всякий случай я тебе напомню: сегодня Хеллоуин. В Штатах его празднуют на всю катушку, так что имей это в виду, если будешь пытаться дозвониться Гретхен. А теперь мне бы хотелось, чтобы ты позвонила своей маме. Хорошо? А мне еще разок позвони вечером, когда вернешься домой.

Я повесила трубку и еще поплакала, гадая, где сейчас Бэйли и чем он занимается. Потом я подумала: не послать ли ему эсэмэску — спросить, все ли с ним в порядке, и добавить, что я надеюсь, мы все-таки «останемся друзьями», и что я не хотела говорить ему, чтобы он убирался ко всем чертям. Набрала текст сообщения.

Но потом я поразмыслила над тем, о чем мне говорила Вик, и стерла сообщение. Я набрала телефон родителей. На дорогу к ним ушло бы два часа, но так хорошо было бы обняться с мамой и папой и поплакать дома.

Мама взяла трубку после двух гудков.

— Френсис, ради бога! Это всего-навсего ложные схватки, а мне нужно идти! Чем чаще ты мне названиваешь, тем сильнее я опаздываю.

— Это не Френсис, — сказала я, жалобно шмыгнув носом. — Это я.

— О, Элис, — сказала мама. — Не шмыгай, высморкайся. Послушай, я бы рада с тобой поболтать, но у меня совершенно нет времени. Твоя сестра абсолютно уверена, что у нее начались схватки и она родит на полу в кухне. Правда, должна признаться тебе, что это происходит уже в четвертый раз за два дня.

Теперь мне стало понятно, почему Френ не перезвонила мне вчера, сразу после того, как от меня ушел Бэйли.

— Мало того, так еще Фил с папой готовы друг другу глотку перегрызть, потому что у Фила вчера в гостях были какие-то его дружки, а теперь в заборе на заднем дворе здоровенная дыра. Филип! — сердито сказала мама, не отводя ото рта трубку, — что ты себе позволяешь! Что за непристойные жесты! Да, папа знает, что это означает, но дело не в этом! — Потом она снова заговорила со мной: — Мне пора идти, дорогая. Слава богу, что у меня есть ты. Надо было родить тебя первой и

остановиться на этом. Я тебе попозже позвоню. Филип, поговори с сестрой.

— Йо, Эл, — сказал Фил. — Что новенького? А у нас тут папа бесится, и у Френсис тоже крыша поехала, звонит всю дорогу и воеет в трубку, просто жуть. О боже! Ладно! Эл, мне пора сваливать. Тут один чокнутый старикан на меня вопит и говорит, что я должен забор починить, хотя я здесь ну совершенно ни при чем. Передаю ему трубочку.

Трубку взял отец и натянуто выговорил:

— Здравствуй, Элис. У нас сегодня все вверх ногами. Филип, как ты, надеюсь, поняла, все еще не нашел работу и ведет ночной образ жизни — то есть валяется на диване, поедает все, что только найдет в холодильнике и на плите, пьет мой виски и к тому же ради забавы разрушает дом. Нет, ты сделал это, Фил! — взревел отец таким зычным голосом, что мне пришлось отодвинуть трубку подальше от уха. — Ты что, меня совсем дураком считаешь, черт бы тебя побрал? Прямо возле забора футбольный мяч валялся!

В общем, к родителям я не поехала. Похоже, там все просто сошли с ума. Так что большую часть дня я лежала на кровати и плакала. Не самое лучшее начало новой жизни. А позже, около пяти часов вечера, я вдруг обнаружила под кухонной раковиной бутылку персикового шнапса. В результате еще чуть позже мне стало гораздо хуже.

Дрожащими пальцами — то ли это была нервная дрожь, то ли первые признаки того, что у меня начала шалить печень — я набрала номер и затаила дыхание, услышав в трубке непривычные иноземные сигналы. Черт! Гудки идут! А я даже не была уверена в том, что у него прежний номер мобильного, а уж тем более в том, что его телефон работает в Америке. Я ждала, но он не отвечал.

Весь вечер всякий раз, стоило мне подумать о Бэйли, который до вчерашнего дня был моим бойфрендом и которому я могла позвонить в любое время, я просто умирала от боли и желания. Но хотя голова у меня шла кругом, я, словно какая-нибудь мазохистка, начала все острее ощущать вину перед Томом. Так ли он чувствовал себя, как я сейчас? Неужели ему пришлось отправиться в другую страну и вести себя так, словно все в полном порядке, быть веселым и приветливым, приступить к новой работе в незнакомом городе, чувствуя себя настолько паршиво? О бедный, бедный Том.

Получился жуткий, неудобоваримый коктейль из стыда и страданий, и к одиннадцати вечера я окончательно утратила способность мыслить логически, мне только было жутко тоскливо. Я страдала по Бэйли и

тосковала по Тому. Я решила, что будет очень правильно позвонить ему в Штаты и извиниться за то, что разбила его сердце.

Том ответил радостным:

— Алло?

Будто и не было тех шести месяцев, что мы с ним не разговаривали.

— Привет, — проговорила я шепотом. — Это я. Ты не спишь?

— Элис? — проговорил Том очень удивленно.

Еще бы ему не удивляться. Правда, я не почувствовала, что он не рад моему звонку, и сочла это хорошим признаком. Но с другой стороны, я была слишком пришиблена и, даже стукнувшись физиономией о дорожный знак, приняла бы это за символ грядущих радостей.

— Я просто хотела сказать, как мне жаль, — проямлила я, бродя по квартире Гретхен с беспроводным телефоном. — Мне так ужасно жаль. Бэйли бросил меня, и я подумала, может быть, ты захочешь об этом узнать. Ведь это же плохо. И знаешь, Том, у меня было очень тяжело на душе, потому что ты такой хороший, Том. Хороший, добрый, щедрый, у тебя такое большое сердце. И я ужасно по тебе скучаю. Мне так хотелось бы обнять тебя. — Тут я опять расплакалась. — С тобой так хорошо обниматься.

— Элис, ты пьяна? — спросил Том.

— Конечно нет, с чего ты взял? — осторожно проговорила я, бросив взгляд на почти опустевшую бутылку шнапса. — Я знаю, как я себя чувствую, ведь это я говорю. И совсем я не пьяная. — Я кашлянула, чувствуя, что язык у меня и в самом деле немного заплетается, и подошла к дивану. — Я в полном порядке. Правда.

А потом мне показалось, что я услышала чей-то голос рядом с Томом. Женский голос.

— Элис, я сейчас никак не могу поговорить с тобой, потому что ухожу. Я плюхнулась на диван.

— С подружкой? — спросила я, вспомнив, как Вик говорила мне насчет того, что Том начал встречаться с американками.

— Да, — смущенно ответил Том. — Что-то вроде хеллоуинской вечеринки. Я могу позвонить тебе, когда здесь будет утро, если хочешь.

— Нет-нет, не надо, — сказала я, качая головой.

Мне вдруг стало очень тоскливо и стыдно. Все было плохо, все наперекосяк. Его голос... такой родной и знакомый, но при этом он сейчас находился в незнакомой комнате, в другой стране, с какой-то неизвестной мне женщиной.

— Я... ммм... Я завтра вечером иду в ресторан с Гретхен, — солгала я. Мне вдруг захотелось показать ему, что у меня тоже есть своя жизнь и я

не какая-нибудь там унылая алкоголичка, оглушившая в одиночку бутылку фруктового ликера. — Так что меня не будет. — Я почувствовала, как глаза опять наполняются слезами, и попыталась совладать с голосом. — Так приятно снова поговорить с тобой. Когда вернешься, встретимся? Ты не против? Посидим где-нибудь, выпьем?

— Конечно, — неловко выговорил Том. — Что-нибудь придумаем.

— Лишних друзей не бывает.

Я попыталась рассмеяться, но вышло похоже на рыдания.

Том произнес более мягко:

— Недругом я тебе никогда не был. Мне просто нужно было время, вот и все. Эл, ложись спать. И поставь рядом с кроватью ведро, ладно? Обещаешь?

В его голосе звучала настолько искренняя забота, что мне стало окончательно не по себе. Я пробормотала:

— Обязательно. Ну, пока.

И закончила разговор. Заливаясь слезами, я запрокинула голову и увидела в оконном стекле свое далеко не самое лучшее отражение. Я себя едва узнала. Мне была попросту незнакома эта отчаявшаяся, безутешная женщина, глядящая на меня. В ту ночь я еще долго плакала, пока не заснула.

Слава богу, на следующее утро мне нужно было работать. Пустая студия встретила меня покоем и тишиной. Чуть позже подъехала клиентка. Какое счастье, что я не трудилась в многолюдном, шумном офисе, где должна была бы появиться одетой с иголки, при полном параде. Творческие люди могут позволить себе легкую неряшливость во внешнем облике, и клиенты, похоже, именно такими нас воспринимают. К счастью, съемка прошла легко. Даже при том, как отвратительно я себя чувствовала, трудно было напортачить, фотографируя лак для ногтей. Как только приступила к работе, я сразу сосредоточилась на форме флакончиков и цветах жидкостей. К тому времени, как сразу после ланча зазвонил лежавший в кармане мобильник, я уже была полностью поглощена съемкой и не стала бы отвечать на звонок, но это была Гретхен.

— Привет, — сочувственно проговорила она своим обычным, знакомым голосом — как в старые добрые времена. — Мне так жаль. Я вчера вернулась и нашла все твои эсэмэски, но не стала звонить — было уже очень поздно. Значит, мой глупый братец принял классически дурацкое решение и позволил тебе уйти из его рук?

Я выдохнула, отошла немного подальше от софитов и клиентки,

нервно вертевшей в руках очередной флакончик. А ведь я все утро терпеливо просила ее не прикасаться к инсталляциям. Я плюхнулась на стул у дальней стены студии так резко, что мои похмельные мозги изрядно трянуло, словно в ведре взболтали мутную воду.

— Он тебе сказал, — быстро проговорила я. — Что он сказал?

— Наверняка тебе погано, — с прежним сочувствием проговорила Гретхен. — Мне так жаль, Эл.

— Да, бывали у меня времена и получше, — беспомощно пошутила я и заговорила тише, чтобы меня не расслышала клиентка. — О господи, Гретх, ты не поверишь. Я позвонила Тому, а он был дома с какой-то девицей, они собирались куда-то уходить. — Я зажмурилась от стыда. — Ох, как же мне жаль, что тебя нет здесь!

— Я приеду через четыре недели. Всего через четыре недели. Ты уж потерпи, пожалуйста, а потом я позабочусь о тебе, когда вернусь! Развлечемся на полную катушку.

Ее слова звучали невероятно утешительно, и я сразу вспомнила о более счастливых временах.

— А что ты Тому позвонила — не переживай из-за этого, — продолжала Гретхен. — Со всеми такое бывало — когда нас бросают, мы всегда звоним тому мужчине, который когда-то был для нас чем-то вроде якоря, чтобы выплакаться, и так далее, и тому подобное. Ничего тут нет ужасного.

Слава богу, что у меня были Гретхен и Вик.

Я закрыла глаза.

— Ты как думаешь: он положил трубку и сказал ей: «Это звонила моя пьяная английская бывшая подруга, которая меня бросила?»

Последовала небольшая пауза, а потом Гретхен осторожно произнесла:

— Нет, он так не сказал. Он просто сказал, что ты расстроена и немного не в себе. Честно говоря, я как раз поэтому тебе сразу не позвонила, а только теперь звоню.

Сначала я подумала, что ослышалась, и стала гадать: может, я и теперь не в себе?

Я села прямее и очень глупо пробормотала:

— Что? Ты была с Томом? Как это?

— Элис, чем бы ты сейчас ни занималась, не бросай трубку, — сказала Гретхен. — Я хочу, чтобы ты позволила мне все объяснить.

— Что ты там делала? — спросила я в полном замешательстве. — Ты с ним даже не знакома! Он говорил, что собирается куда-то с какой-то

американкой.

— Нет, он так не говорил. Ты просто так предположила, — мягко проговорила Гретхен и, сделав глубокий вдох, добавила: — Он собирался куда-то пойти со мной, и... в общем, мы встречаемся.

Я словно окаменела, а в студии все шло обычным чередом. Клиентка опрокинула флакончик, и лак растекся по столу, вошел курьер, принес посылку... Все как обычно. Кроме того, о чем мне только что сказала Гретхен.

Они с Томом... что?

— Элис... — обратилась ко мне Гретхен.

Но прежде чем она успела сказать еще хоть слово, я принялась остервенело нажимать на кнопки на панели мобильного, продолжая при этом прижимать его к уху. Голос Гретхен сменился щелчками набора номера. Я уставилась в точку на противоположной стене.

Том и Гретхен?

Они встречались?

Но ведь он видел ее всего два раза. Как же она оказалась в его квартире?

Я вдруг ясно представила их в шикарных апартаментах на Манхэттене. Том вешает трубку, побеседовав со мной, пьяненькой, и поворачивается к красоте Гретхен, любующейся своими ухоженными ручками. Он протягивает ей руку и говорит: «Ну, пошли?» Она встает, устремляет на него нежный взгляд, а он наклоняется и целует ее...

У меня было такое чувство, будто меня пронзили насквозь чем-то острым. Даже дыхание перехватило.

О господи... А я-то, идиотка, соврала ему, будто иду вечером в ресторан с Гретхен, чтобы он подумал, что у меня тоже есть своя жизнь...

А она все это время сидела рядом с ним.

Глава 23

Когда к девяти часам я вернулась домой, то есть в квартиру Гретхен, вся кассета автоответчика была заполнена сообщениями от нее. Она то умоляла меня взять трубку, то сердито настаивала на том, что не сделала ничего дурного, и напоминала, как много я для нее значу, — и, в конце концов, кто свел меня с ее братом? Кто предоставил мне квартиру абсолютно даром? А в последнем сообщении она сказала, что просто хочет все объяснить.

Я не успела выдернуть телефонный шнур из розетки и зашвырнуть телефон вместе с базой через всю комнату. Он снова зазвонил. Я чуть было не сделала то, что собиралась, и передумала только в последнюю минуту. После гудка в комнате зазвучал голос Тома, а не Гретхен. Я рухнула на диван и уставилась на телефон, слушая, как Том спокойно обращается ко мне с другого берега океана.

— Эл, это я. Мне очень жаль, что Гретхен пришлось самостоятельно решать, говорить тебе о нас или нет. Тем более по телефону.

О нас? Я, не удержавшись, вскрикнула.

— Мы договорились, что Гретхен все расскажет тебе, когда мы возвратимся в Англию, но... ммм... понимаешь, не всегда все получается так, как задумано, и... Но как бы то ни было, ты — лучшая подруга Гретхен, вы столько пережили вместе, а ты не позволяешь ей объяснить, как это больно для нее.

У меня челюсть отвисла.

Больно для нее?

— Надеюсь, ты не откажешься увидеться с ней, когда мы вернемся, и дашь ей шанс поговорить с тобой, чтобы ты поняла, что никто не хотел тебе зла. Позвони мне, если захочешь поговорить, но я пойму, если это случится не сразу.

— Ты знала? Ты знала, что он с ней встречается? — обрушилась я на Вик, позвонив ей в следующую же секунду после того, как Том повесил трубку.

— Конечно нет! — поспешно возразила Вик. — Эл, понимаешь, я готова с тобой поговорить об этом, но можно, я перезвоню тебе буквально через пять минут? Просто мы с Люком сейчас досматриваем видео, а

потом он хочет лечь спать...

— О, извини, — немедленно проговорила я, — я просто была в таком шоке... мне просто было нужно...

Я услышала, как Вик вздохнула.

— Ладно, погоди. Нет проблем. Досмотрю фильм с утра.

— Ты можешь поверить? — озадаченно проговорила я. — Сначала Бэйли, а потом еще это!

— Понимаю, — ответила Вик. — Что тут скажешь? Ужасно.

— Как она могла так поступить со мной? Пусть он мой бывший бойфренд, пусть мы расстались, но все равно он так много значил для меня, а подруги не должны так поступать, это неписаное правило!

— Согласна, это просто возмутительно — после всего, что ты сделала для нее, — сказала Вик. — Но пожалуйста, я тебя очень прошу: не надо переписывать историю. Наберись спокойствия и вспомни: вы с Томом расстались из-за Бэйли, а не из-за Гретхен. Они с Томом теперь — свободные люди, и они оба считали, что ты встречаешься с Бэйли. Все равно, конечно, неприятно и больно, но разве ты была бы настолько возмущена, узнав об этом, если бы по-прежнему была с Бэйли? Пойми меня правильно, немного ревности — это вполне нормально, но...

— Я не ревную! — прервала я Вик. — Я просто думаю, что это дико, ужасно. Я ей рассказывала разные секреты, разные мелочи о Томе — в том числе и про секс с ним... а теперь она сама с ним спит! И я очень люблю Тома... То есть да, я не была в него влюблена, и я знаю, я ему сделала очень больно, но ведь так скоро человека не разлюбишь. Мне и так-то было бы трудно привыкнуть к мысли о том, что у него новая подруга, с которой он встречается по полной программе, — но с Гретхен? То есть... какого черта? Как же мы теперь с ней сможем дружить? Как мы сумеем просто сесть и поболтать о своем, о девичьем, о том, что ее раздражает, допустим, в ее новом бойфренде? Ведь уже не сможем.

— Ну, когда ты встречалась с ее братом, ты тоже кое-чего не могла, — напомнила мне Вик. — Вот почему...

Я поняла, что она вот-вот скажет что-нибудь вроде: «Я тебя предупреждала», поэтому продолжила:

— Я ей сразу сказала о том, что мне понравился Бэйли, и она сначала психанула, и я просто отступила. А она никогда, никогда мне ничего такого не говорила о Томе. Ничего! Она мне даже не сообщала о том, что они встретились в Штатах!

Я села. У меня кружилась голова. Все это казалось мне нереальным, дурной шуткой, но все же и он, и она подтвердили, что все так и есть.

Вик молчала и слушала.

— И как ты думаешь, что они говорят друг дружке обо мне? — прошептала я. — Что она ему скажет, что он — ей? Они столько про меня всякого знают, и мне вовсе не хочется, чтобы они сидели и перемывали мне косточки... Ты думаешь, они жалеют меня, бедную брошенку? А я не хочу от них жалости! Не хочу!

— Уверена, они ни о чем таком не говорят, Эл. Просто у тебя сейчас не самый удачный период в жизни, и тебе приходят в голову дурацкие мысли, — попыталась успокоить меня Вик. — Том — хороший человек, он до таких разговоров не опустится. Честно говоря, Эл, он вовсе не обязан был звонить тебе и объясняться. Большинству мужчин такое и в голову бы не пришло.

— Из-за того, что у меня было с Бэйли? — спросила я.

— Ну, отчасти да, — неловко проговорила Вик.

— Но я вообще не хотела рассказывать Тому о нем! Я собиралась вести себя так, как ты мне посоветовала. Я решила врать, чтобы поберечь Тома, и так и было бы, если бы Гретхен не явилась тогда и не выложила Тому все. Она не должна была к нам приходить, она, черт возьми, вообще-то лежала в больнице!

И тут вдруг меня словно обухом по голове ударили. Ну просто будто с неба свалилось что-то железное, тяжелое и сбilo меня с ног.

— О господи, Вик. Ты думаешь, она собиралась рассказать ему?

— Не понимаю, — озадаченно призналась Вик. — Собиралась рассказать ему о чем?

— О том, что мы с Бэйли «встречаемся». Ведь из-за этого мы мгновенно расстались с Томом. А теперь у нее роман с Томом. Значит, она находит его привлекательным.

— Не хотелось бы говорить грубости, но сейчас ты всего-навсего подтверждаешь очевидное.

— Я хочу понять: когда она на него запала? Когда увидела в первый раз? Когда он еще был моим бойфрендом?

Мысли у меня путались. Вик молчала — наверное, пыталась осмыслить то, о чем я ей только что сказала. Через несколько секунд она растерянно проговорила:

— На самом деле похоже на то, что они не так давно встретились в Штатах и именно там все началось... Думаю, может быть, тебе нужно...

— Как понять — «встретились в Штатах»? В незнакомом городе, где живут миллионы людей? Разве такое могло получиться случайно?

Мой взгляд упал на висевшую на стене серию фотографий Гретхен,

выполненных в стиле уорхоловских^[57] портретов Монро. Гретхен на снимках смеялась, запрокинув голову, снимки были разных цветов. Это было что-то вроде мозаики, и нужно было соединить кусочки между собой, чтобы получить картинку.

— Ни с того ни с сего она вдруг решает записаться на какие-то курсы в Нью-Йорке, где она никого не знает... но зато она знает, что в Нью-Йорке Том, поскольку я ей об этом сказала. И на тебе! Они просто случайно встречаются и влюбляются друг в друга? В таком огромном городе?

— Эл, — чуть встревоженно проговорила Вик, — у тебя выдались паршивые выходные, и я понимаю: ты расстроена, ты ищешь причины, объяснения, но получается что-то несуразное. Ты хочешь сказать, что она полетела туда целенаправленно, будто какая-то ракета, реагирующая на тепло? Она же все-таки не Глен Клоуз^[58] в этом фильме... как же он называется... «Роковое влечение»!

— Ну, в психушке она все-таки лечилась, и совсем недавно, — поспешно проговорила я.

— О Элис! — в ужасе воскликнула Вик. — Перестань. Будь выше этого. Я уверена: любовь, романтика — об этом она думала меньше всего. Ты же сама говорила, что она была очень плоха и творила жуткие глупости.

— Да, да! Например — нарочно выложила Тому все про меня и Бэйли!

— Значит, получается, что собственная болезнь для нее могла стать хорошим оправданием в данном случае? — недоверчиво спросила Вик.

А мне до сих пор такая мысль в голову не приходила.

— Да! — воскликнула я. — Конечно! Ты совершенно права!

— Прости, но уж это — чистой воды безумие. Элис, пожалуйста. Ты меня неправильно поняла. Я пошутила. Ни один человек не может быть настолько расчетлив, не может так манипулировать другими.

— Не верю! — буркнула я, не слушая Вик. — Мне пора. Я тебе перезвоню.

— Элис, только не звони Тому, — умоляюще проговорила Вик, но я резко нажала клавишу прерывания связи и принялась яростно набирать номер Тома.

Глава 24

— Получается, что Гретхен влюбилась в меня еще в Лондоне, намеренно разлучила нас, а потом полетела за мной в Штаты? — медленно, недоверчиво выговорил Том. — Прости, Элис, но я в это не верю. Не такой уж я красавчик.

Я не засмеялась. Мы с Томом общались по телефону уже двадцать минут. Когда-то мы с ним были настолько близки, что могли говорить друг другу любую правду.

— Это смешно. Послушай, перестань, — сказал Том. — Если хочешь знать, — немного смущенно добавил он, — мы с ней поначалу сопротивлялись тому, что возникло между нами.

Ясное дело. Небось еще как сопротивлялись.

— Никто из нас не предполагал, что так получится.

— Не надо! — вспыхнула я. — Подробности меня не интересуют!

— Мы не хотели никому сделать больно, но ведь у тебя был роман, ты помнишь?

— Да, но ты теперь подумай о том, как вышло, что ты «случайно» узнал об этом!

Я ахнула. В этот момент мне пришло в голову кое-что еще: то, как Гретхен разнервничалась и даже, похоже, обиделась на меня, когда я ей в первый раз рассказала о своих чувствах к Бэйли, а потом вдруг ее настроение резко изменилось, и она занялась сводничеством. Не для того ли она подтолкнула меня к Бэйли, чтобы убрать со своей дороги?

— Между прочим, именно Гретхен сосватала нас с Бэйли — она тебе об этом рассказывала?

Том не обратил никакого внимания на эти мои слова.

— Элис, все вышло случайно. Мне здесь было одиноко, ей тоже. Никто ничего не собирался делать нарочно — просто безумно предполагать такое! Тебе нужно передохнуть, успокоиться.

Я не могла поверить, что он урезонивает меня. Не я тут была сумасшедшая! Я снова посмотрела на фотографии на стене, и мне стоило большого труда, чтобы сдержаться и не швырнуть чем-нибудь в размноженные лица Гретхен.

— Нет, Том, это у тебя с головой не в порядке, — ответила я резко, как

будто хотела уязвить его посильнее. — Вот уж безумие так безумие. Давайте теперь все будем жалеть бедную, несчастную, ни в чем не виноватую Гретхен. «О, я что-то сказала такое, чего не нужно было говорить? Но я была не в себе! Все дело в лекарствах, в моей болезни, в депрессии...» Чушь собачья! Ее маниакальная депрессия — не оправдание подлого поведения. Нельзя делать все, что тебе вздумается, а потом повернуться и сказать: «О, это была не я, я не хотела, чтобы так вышло!» Она прячется за такими оправданиями, поскольку это ее устраивает, это так удобно — ведь она может делать все, что пожелает, — и я поражена, как ты до сих пор не понял!

— Элис, ты хоть слышишь, что говоришь?

— А тебя нисколечко не волнует то, что она психически больна? Это не пугает тебя?

— Значит, тебе все-таки нужны подробности, — терпеливо выговорил Том. — Послушай, в Лондоне мы с Гретхен не виделись по вполне очевидным причинам, но, несмотря на ее болезнь, все, что ты рассказывала о ней, — правда. Она невероятно забавная, щедрая, добрая, эмоциональная...

— А также ловкая, подлая, умеет вертеть людьми, а когда под кайфом, готова трахнуть с кем угодно, и деньги на ветер швыряет, будто они бумажные, для игры в «Монополию»! — злобно прервала я Тома.

Том сделал глубокий вдох и на провокацию не поддался.

— Нам просто очень хорошо вместе. Что касается ее болезни, для меня это не вопрос. Она сразу откровенно обо всем рассказала, она принимает свои лекарства... Ну да, бывает, она вдруг становится очень печальной или, наоборот, немножко психует, но я в такие моменты просто оставляю ее в покое.

— «Немножко психует»? — не веря своим ушам, переспросила я. — Ты что, черт возьми, шутишь со мной? Я своими глазами видела, как она пыталась выпрыгнуть из машины на ходу!

— Эл, прошу тебя, — проговорил Том. — Это несправедливо по отношению к Гретх... И так непохоже на тебя.

— Ладно, тогда расскажи мне, как это вы там «случайно» встретились? — сказала я тоном офицера полиции, расследующего преступление и собирающего улики.

— Господи, Элис, — измученно выговорил Том. — Она прилетела в Нью-Йорк, она тут никого не знала. Она понятия не имела, куда обратиться за медицинской помощью. Она никому о себе не рассказывала, не хотела, чтобы люди узнали о ее болезни. Она случайно вспомнила о том, как ты ей

говорила, что я сейчас в Штатах, и еще ей врезалось в память, в какой юридической фирме я работаю. Она была в отчаянии — ты можешь представить себе, чего ей стоило позвонить человеку, с которым она виделась всего два раза в жизни? Причем в последний раз — не при самых приятных обстоятельствах...

— Но это попросту неправда! — взорвалась я. — Она говорила мне и Бэ... — Я поспешно оборвала себя. — Перед самым отъездом она сообщила мне, что уже договорилась с американским психиатром. Почему же тот врач ей не помог? Зачем ей понадобилось звонить тебе?

— Не знаю. Может быть, здешние медики — ей не понравились, может быть, они просто не разобрались в ее состоянии. Знаешь, тут каждый второй называет себя психотерапевтом, — сообщил мне Том. — Просто поразительно.

А он-то сам слышал, что говорил? И с каких это пор он стал таким экспертом по психиатрии?

— Ой, Том, перестань.

— Откуда тебе знать, что правда, а что нет? — теряя терпение, спросил он. — Ты здесь не живешь — а я живу.

— Она манипулировала мной и тобой — а ты, дурачок, этого никак не хочешь понять!

— Что же, она тебя заставила влюбиться в ее братца? — сердито проговорил Том. — Послушай, Эл, — ты права, я просто мужик и во многих тонкостях не разбираюсь. Мы встретились, она мне понравилась, у меня никого не было. Вот и все. Согласен: куда удобнее было бы начать встречаться с женщиной, которую ты совсем не знала, но люди ничего не могут с собой поделать, когда влюбляются. Что ты превосходно доказала, влюбившись в Бэйли. — С трудом, но все же он заставил себя произнести это имя. — И между прочим, ты сделала это не для того, чтобы кому-то насолить. Выглядело так отчасти, но на самом деле все было по-другому.

— А тебе не приходило в голову, что это может меня огорчить?

— Сказать честно, Эл? — поспешно спросил Том. — Вообще-то да, поначалу я думал об этом, как ни противно признаваться. Я все еще очень сильно хотел к тебе вернуться. Но ведь, Элис, черт возьми, ты возила его в Париж?

Я ахнула.

— Вик обещала, что не скажет тебе!

— Она и не сказала. Я позвонил, а трубку взял Люк и случайно проболтался. Но могу откровенно тебе признаться, что те чувства, которые я сейчас испытываю к Гретхен, не...

Меня мучило от того, как он говорил о ней. Это было неправильно!
— ...не имеют ничего общего с моим желанием досадить тебе. Абсолютно ничего общего. Я делаю это не для того, чтобы сделать тебе больно, Элис. Я любил тебя.

Ну, вот этим все было сказано. В прошедшем времени. Больше я не в силах была его слушать.

Я повесила трубку и некоторое время сидела, не в силах пошевелиться.

Как она могла? Как *он* мог? Но главное — как могла так поступить со мной одна из моих лучших подруг и не рассказать мне ни о чем? Я начала вспоминать все наши телефонные разговоры с Гретхен, о том, как мы болтали о всякой чепухе — о ее курсах, о моей работе, о преподавателях, которые ей нравились, о новостях в моем семействе. И все это время она встречалась с Томом, у них были свидания. Она спала с ним. Я медленно обвела взглядом комнату и словно бы взглянула на вещи Гретхен новыми глазами. Я сидела на ее диване, я жила в ее квартире — и это, конечно же, это придумала она.

Я содрогалась при мысли о том, с какой легкостью она так умело расставила всех по местам. Меня захлестнула волна гнева, обиды, ревности и чувства, что меня подло предали.

Она должна была быть моей лучшей подругой. Все и все, что было важно для меня, теперь вращалось вокруг нее.

Я не понимала, смогу ли это вынести.

Глава 25

Я вернулась в тихую квартиру Гретхен и бросила на столик в прихожей свежий номер «Лут»^[59]. Я весь день провела на съемке в шумном ресторане в Мейфэре, присутствие других людей и их болтовня действовали на меня успокаивающе. А здесь телевизор не был включен, никто не поставил чайник к моему приходу, никто не спросил у меня, как прошел день. Только треклятые портреты Гретхен в стиле Энди Уорхола смеялись надо мной. Я решила позвонить Вик.

— Salut^[60], Элис, — ответил Люк своим спокойным докторским голосом. — Я слышал, у тебя нелегкие времена. Мне очень жаль. Ты, наверное, хочешь поговорить с Викторией? Или со мной?

— А-а-а... Вообще-то я хотела поговорить с Вик, — сказала я, немного озадаченная его предложением. — Она дома?

— Конечно, — вежливо проговорил Люк. — Она заканчивает ужинать. О, уже идет.

— Привет, Эл, — проговорила Вик с набитым ртом. — Ты как там?

— С ума схожу, — призналась я. — Мне нужно съехать отсюда, Вик. Ты не понимаешь, каково это. Я себя здесь чувствую как в ловушке, но буквально ничего не могу найти. — Я обвела взглядом квартиру Гретхен и поежилась. — Быстро отыскать жилье перед Рождеством совершенно невозможно. Разве что только абсолютно отчаявшиеся ищут номера в гостиницах.

— Ну, тебе до отчаяния еще далеко. — Я услышала, как звякнула вилка по тарелке. — Спасибо, Люк, ты просто душа... Я понимаю, что тебе там находиться противно, Эл, и прекрасно понимаю почему, но она сейчас в другой стране, и жить с ней бок о бок тебе не приходится. Когда она должна вернуться?

— Кажется, ее планы не изменились — к концу ноября. Через две недели. Если я ничего не найду к концу недели, мне просто придется переехать в гостиницу, или в студии спать, или уж не знаю где.

— Но сегодня среда! — зевнула Вик. — Значит, что там у тебя остается? Три полных дня всего?

— Знаю. Я все газеты просмотрела, искала комнаты, которые сдают ненадолго, и те, которые сдают надолго, — устало проговорила я. — Но я

же не могу себе позволить снимать однокомнатную квартиру сама, значит, остается искать комнату с соседями. А если учесть, что у меня дорогущая фотоаппаратура, мне нужно подыскать себе хотя бы полунормальных соседей в каком-нибудь приличном доме, где не дует из всех щелей, где никто не заберется к тебе в окно посреди ночи. А это не так просто. Кое-где мне говорили, что после Нового года, возможно, комната освободится, но мне от этого толку мало.

— А как насчет нашей университетской компании? — снова зевнула Вик. — Боже, Эл, ты уж меня прости! У меня сегодня тот еще денек выдался на работе. Ужасно тяжело: пытаешься сосредоточиться на каком-то слове, которого не понимаешь, когда люди говорят настолько быстро. Приходится сильно напрягаться, иначе все превращается в одно сплошное французское ля-ля-ля. И все-таки мне кажется, что наши университетские девчонки...

— Ладно, — сказала я, — представь себе, как бы это выглядело, окажись ты на месте одной из них. «Привет, это Элис говорит. Послушай, я понимаю, в последнее время мы очень редко виделись — разве только в дни рождения, но у меня вечно полным-полно работы, а еще я стала жутко ленивая, и мне было проще провести вечер пятницы с моим тогдашним бойфрендом, чем напрячься и встретиться с тобой. А теперь мы расстались — он променял меня на мою так называемую лучшую подругу, а она ненормальная, а я только что расплевалась с нынешним дружкой! Ой, я тебе сказала, что мне негде жить? Я подумала, может быть, у тебя найдется для меня местечко? Увидимся в пятницу?»

— Я тебя поняла, — вздохнула Вик. — Да, тяжелый случай.

— Жутко неудобно. Я уже не в том возрасте, чтобы умолять кого-то выделить мне свободную комнату. Поначалу мне очень понравилась эта идея — пожить в ее квартире. Все так просто и легко. Я даже не подумала тогда, что может случиться, если мы поссоримся. Мне и в голову не приходило, что такое возможно.

Меня охватила знакомая смесь тоски и злости, стоило мне вспомнить о Гретхен. Как только узнала про нее и Тома, я часами анализировала нашу с ней дружбу и пришла к выводу, что эти отношения наверняка были построены из песка. Все исчезло так же быстро, как началось, и теперь я уже вообще сомневалась, было ли что-то, хотя еще не так давно очень дорожила дружбой с Гретхен. Может быть, меня настигла расплата за слишком большие ожидания от девушки, которая могла стать всего лишь приятельницей для коктейлей и кофе? Ведь если на то пошло, однажды она сама призналась, что я была нужна ей для расширения контактов в сфере

модельного бизнеса.

Я пыталась представить, что она сама думала о наших отношениях. Вправду ли так боялась меня потерять, как сказала, пребывая в депрессии? Но каковы бы ни были ее мотивы, она уже явно получила от нашей дружбы все, что хотела, и переметнулась к Тому. Теперь я понимала, как это выходило, что другие люди, дружившие с ней, оказывались на обочине — не важно, больна она была или нет. А в моменты более спокойных размышлений я просто чувствовала себя потерянной, у меня в голове не укладывалось, как Гретхен вообще была способна на такое: на ложь, манипуляции... ведь она знала, насколько дорог мне Том. Я думала, что значу для нее больше.

Могла ли я что-то сделать по-другому, будь у меня шанс? Сделать — но что? Спросить ее при первой же встрече, здорова ли она психически? Но с другой стороны, проблема заключалась не в ее болезни — а в ней самой. В том, какой стиль поведения она избрала для себя. Мне жутко не повезло познакомиться с ней. Она просто показалась мне забавной. А вышло так, что эта дружба перевернула всю мою жизнь.

Но как я ни злилась на себя за понапрасну истраченные время и силы, я все равно ждала, что она позвонит снова и извинится. Она не позвонила. И это ее молчание яснее всяких слов говорило о том, что нашей дружбе конец.

— Из всех людей, с которыми можно подружиться, — проговорила я, пытаясь немного разбавить горечь своего разговора с Вик, — я выбираю психически неуравновешенную маргиналку. Знаешь, единственный положительный момент за этот абсолютно дерьмовый месяц — то, что мне удалось похудеть, не прилагая ни малейших усилий.

Я села на диван и скрестила ноги по-турецки.

— Отлично! Ты исхудавшая и безутешная — значит, тебе самое время приехать в Париж! — воскликнула Вик. — Пожила бы тут немножко, пока не встанешь на *rêche*.

— Ага, чтобы пытаться уместиться третьей на вашем с Люком французском велосипеде-тандеме? Спасибо, но мне нужно встать на свои собственные две *pieds*. Между прочим, *rêche* по-французски означает «рыбалка», — подсказала я подруге. — А *pieds* — «ноги».

— Ой! — Вик засмеялась. — Так вот почему я с таким трудом вчера покупала себе чулки... А может быть, тебе какое-то время пожить у родителей?

— Четыре часа на поезде в час пик? — хмыкнула я. — И если меня не доконает транспорт, то уж Френ точно добьет. Она вот-вот должна родить и

не дает ни минуты покоя маме с папой. Ей до смерти надоела ее беременность, она страшно психует. Может быть, в ближайшей церкви найдется рождественский вертеп, в который я могла бы забраться и поспать. Шучу.

— Знаешь, а ты очень храбрая, — серьезно проговорила Вик. — И я тобой горжусь. Понимаю, тяжело лишаться общения с людьми, которые раньше безраздельно принадлежали только тебе, и, на мой взгляд, ты потрясающе здорово держишься. Еще немножко — и все будет хорошо. Выше нос. А теперь, дорогая, прости меня, пожалуйста, придется закончить разговор. Я выжата как лимон. А завтра у меня опять тяжелый день.

— Ой, правда? — Я вдруг со стыдом осознала, как долго говорю с ней и при этом ни разу не спросила, как у нее дела. — Извини, Вик, ради бога. Я все про себя да про себя, а как твои дела, даже не удосужилась поинтересоваться.

Она, как будто растерявшись, немного помолчала.

— Все хорошо, — ответила она наконец. — Вот тебе тяжеловато. Я тебя так понимаю, Эл, так понимаю — честное слово. Но все будет хорошо, Эл, — запомни мои слова.

Ей и вправду удалось меня немного утешить. Потом я сидела в темноте на диване Гретхен и тупо глядела в телевизор. В среду вечером ничего интересного не показывали. Я облачилась в пижаму, надела теплые носки и пила чай с чипсами «Доритос». Купила себе большущий семейный пакет. Только что я получила эсэмэс. Квартиру, которую я собиралась посмотреть завтра утром, уже сдали сегодня вечером. Времени и вариантов оставалось все меньше.

Но в следующее мгновение все мысли разом вылетели у меня из головы, потому что я услышала голоса за дверью и увидела, как медленно поворачивается дверная ручка. Кто-то пытался взломать дверь! Неизвестно зачем я убавила громкость телевизора — наверное, чисто инстинктивно — и замерла. А потом услышала, как с легким скрежетом поворачивается ключ в замке.

Дверь открылась нараспашку, и я, словно в дурном сне, увидела их, стоящих на пороге, — Тома и Гретхен. Они были очень даже реальны. Смеющиеся, тяжело дышащие, они внесли в прихожую чемоданы и сумки. Гретхен протянула руку к выключателю и обескураженно произнесла:

— Телевизор включен!

По всей видимости, она заметила меня, замершую на диване, только когда квартира залил яркий свет. Я увидела, как сильно она вздрогнула.

— Черт! — вскрикнула она. — Элис!

Она обессиленно опустила руку. Она явно не ожидала застать меня здесь. Наверное, решила, что я настолько разозлилась и обиделась, что мгновенно собрала вещички и пулей вылетела из ее квартиры, цедя сквозь зубы: «Ноги моей здесь больше не будет».

— Что ты здесь делаешь? — изумленно спросила Гретхен. — То есть я думала... ладно, я не думала... Мы не ожидали...

Она бросила взгляд на Тома. Тот осторожно поставил на пол чемодан и попытался оценить ситуацию. Он посмотрел на Гретхен, и мне этого было более чем достаточно. Этаким понимающий взгляд супругов. Он говорил куда больше, чем слова.

Гретхен была в кашемировой юбке цвета овсяных хлопьев — явно жутко дорогой. Юбка ловко облегла ее стройные бедра и немного расширялась книзу. Черная кофточка поло подчеркивала все прелести ее фигурки. Словом, вид у нее был самый что ни на есть стильный. Любой успешный мужчина гордился бы тем, что рядом с ним такая женщина. Посмотрев на Тома, я поняла, что он как раз такой мужчина.

Костюм на Томе был не классического покроя, как прежде, но тоже явно не из дешевых. За те семь месяцев, что мы с ним не виделись, он похудел. Когда он подбоченился и принял позу типа «ну, теперь жди беды», полы его пиджака распахнулись, и я увидела, как рубашка не слишком плотно облегла его подтянутый пресс — сплошные натренированные мышцы. Кто-то здорово потрудился в тренажерном зале над его намечавшимся животиком. Том был без галстука, и туфли на нем были не те строгие и стандартные, в которых он покинул Лондон, а такие, про которые можно с гордостью сказать: «лучше не спрашивай, сколько они стоят, ты себе такие не купишь». И стрижка у него была более короткая и стильная, и его глаза казались более светлыми, а взгляд — пронзительным. Я догадалась, что он сменил очки на контактные линзы.

Ситуация — лучше не придумаешь. И надо же им было явиться именно тогда, когда я сидела на диване в таком жалком виде. Мне не хватало только картонки на шее с надписью: «Подайте на пропитание».

Я сделала глубокий вдох и проговорила так спокойно и достойно, как только могла:

— Я не ждала вас так рано. Думала, вы вернетесь к концу следующей недели. Я ищу квартиру, но у меня сложности. Прошу прощения за то, что вы застали меня здесь. Мне очень жаль.

Все молчали. Том кашлянул и сказал:

— В общем, нет никаких проблем. Мы можем поехать ко мне, Гретх. А

утром разберемся, как быть. Мы и вправду приехали раньше, чем собирались. Гретхен получила предложение по работе, и меня тоже вызвали обратно... — Он не договорил. — Ну ладно, это не так важно.

— Не слишком удачное время для переездов — накануне Рождества, — сказала я. — Но это, конечно, не ваша проблема.

— Ну ладно, — проговорила Гретхен, сделав большие глаза и сдавленно хохотнув. — На улицу я тебя, конечно, не выгоню. Можешь жить тут сколько пожелаешь. Но насколько я понимаю, ты не захочешь жить здесь со мной. Правда, тут две спальни, так что...

Я ошеломленно уставилась на нее. Она что, лекарств своих перепила? Я совершенно не желала задерживаться в ее чертовой квартире! Не могло же ей прийти в голову, будь она в здравом рассудке или не в слишком здравом, что я захочу жить с ней под одной крышей? Как она себе это представляла? Я, к примеру, должна буду готовить завтрак, когда здесь будет ночевать Том? А может быть, мы втроем будем устраиваться на диване под пуховым одеялом и смотреть видео? У нас с Гретхен волосы будут стянуты в хвостики, мы будем лопать попкорн, а потом, перед тем как Том с Гретхен отправятся в свою спальню, чтобы трахаться, как кролики, мы все хором будем вопить «Споко-о-ойно-ой но-о-очи!», как персонажи чертовой «Горы Уолтона»?^[61]

Но тут я поняла, что Гретхен разыгрывает благородство ради Тома. Все продумала — решила показаться рассудительной и добренькой. Ну да только я была не такая дурочка, чтобы купиться на подобные штучки.

— Спасибо, это ни к чему, — негромко ответила я.

— Я тебя очень хорошо понимаю, — сказала Гретхен. — Наверняка тебе тяжело и не хочется разговаривать. Я догадываюсь, потому что ты не стала перезванивать мне, хотя я тебе послала столько сообщений. Но ты можешь спокойно оставаться здесь, пока не найдешь куда переехать. А я до этого времени поживу у Тома. — Она посмотрела на Тома большими невинными глазами. — Хорошо, Том?

— Конечно! — немного смущенно отозвался он.

Я вынуждена была отдать ей должное. Она повела себя еще лучше, чем можно было ожидать. За пять секунд решила перебраться к нему, а разве он мог возразить?

Том посмотрел на меня. В его взгляде я не заметила ни вины, ни угрозы — только искреннюю заботу.

— Мы вправду хотим тебе помочь, Эл.

— Значит, договорились, — поспешно встряла Гретхен. — Это самое меньшее, что мы можем сделать. Я не буду тебя беспокоить, пока ты здесь.

Просто дай мне знать, когда подыщешь себе другое жилье. Не торопись.

И верно — куда торопиться? Ситуация устраивала ее со всех сторон.

— Я забегу завтра, заберу кое-что, ладно? — спросила она.

Я кивнула.

Она умело вела свою игру. Том взял чемодан и сумки, и они ушли.

На следующее утро я встала очень рано. Я чувствовала, что будет лучше, если Гретхен зайдет, когда меня не будет, хотя отчасти мне очень хотелось в это время оказаться дома. Но, несмотря на все мои старания, в восемь часов утра я услышала, как открылась дверь. Я вышла в кухню и увидела Гретхен, снимающую туфли. Опять она меня обошла.

— Ой, как хорошо, — сказала она, — ты здесь. Извини, что я так рано. Том уехал на работу, а мне не хотелось оставаться там одной, вот я и... Я тут тебе кое-какую почту захватила.

Она бросила мне открытку, поставила на пол сумку и стала снимать перчатки.

Открытка упала к моим ногам, я подняла ее. На ней красовалась фотография бегемота, на спине у которого сидела маленькая птичка, а над ними было написано: «Друзья».

Я перевернула открытку и прочла:

Дорогая Эл,

надеюсь, у тебя все хорошо. Давай где-нибудь выпьем в Рождество? В Южной Африке жуткая жара, жара, жара!

С любовью,

Бэйли, ххх.

— Извини, я не знала, стоит ее спрятать или нет, — сказала Гретхен, сочувственно склонив голову к плечу. — Уверена, он хотел как лучше, Эл, правда... но, честно говоря, странный выбор открытки. Разве можно кому бы то ни было намекать, что он похож на бегемота.

А мне и в голову не пришло.

— Мне очень жаль, что у вас ничего не вышло.

— Не переживай, Гретхен, — проговорила я, пристально глядя на нее. — Тома здесь сейчас нет. Зря передо мной распинаешься.

Она печально вздохнула.

— О Элис. Не надо. Я просто пыталась вести себя пристойно. Долго еще ты будешь хватать оливковую ветвь, чтобы потом стегать ею меня?

— Давно вы вместе?

— Но, Эл, ведь ты с ним порвала. Он тебе не был нужен! Наверняка ты хочешь, чтобы Том был счастлив, иначе это просто... очень эгоистично. Мне, например, все равно, что у него был роман с тобой!

— А мне не все равно! — вдруг свирепо воскликнула я. — Ты была моей лучшей подругой, Гретхен! Ты мне ни разу не сказала о том, что он тебе нравится! Он был не просто каким-нибудь парнем, с которым я встречалась пару месяцев, — я прожила с ним два года!

Это меня она назвала эгоисткой? Глядя мне в глаза?

— Ну хорошо, теперь я это знаю, — угрожающим тоном произнесла Гретхен. — Но...

— Ой, перестань, ты прекрасно знала это еще тогда, когда делала сенсационное заявление насчет меня и Бэйли! Ты отлично знала, что Том — большая часть моей жизни!

— Между прочим, если на то пошло, ты четыре месяца встречалась с моим братом. Будь вы по-прежнему вместе, у нас с тобой вообще не возникло бы такого разговора, ты прекрасно понимаешь.

— Нет, такой разговор все равно возник бы, — сердито возразила я. — Ты лгала мне, ты мной манипулировала, ты...

— О, знаешь что? — проговорила она, на миг зажмурившись. — Мне это так противно, это ниже нас обеих. Я пыталась объяснить тебе, как получилось, что мы с Томом начали встречаться, но ты отказывалась отвечать на мои звонки, ты не желала меня слушать. Все это время ты вела себя как ребенок, правда. — Она наклонилась и подняла сумку. — Счастье еще, что хотя бы одна из нас способна вести себя как взрослый человек. Я, пожалуй, пойду.

— В ту квартиру, где когда-то жила я? — выпалила я. — Кстати, а Том в курсе, что Пауло был первым, что он опередил его?

В следующую же секунду я пожалела об этих словах. И как только я могла ляпнуть такое.

Гретхен густо покраснела.

— Удар ниже пояса, — сказала она. — В ту ночь я была не в себе, и ты это отлично знаешь. Кстати, тебе тут никто не мешает. Добро пожаловать.

— Ты уж мне поверь, я всеми силами стараюсь убраться к черту из твоей жизни.

Гретхен промолчала, отвернулась, нервно обулась и торопливо натянула перчатки. Подошла к двери и, обернувшись, сказала:

— Я не собираюсь тебе вредить, Элис. Но при этом я не чувствую себя чем-то тебе обязанной, так что не думай, будто я мучаюсь угрызениями совести. Не мучаюсь. Ты была рядом со мной, когда я в тебе нуждалась. А сейчас я готова тебе помочь. Если ты забыла, в этом и заключается настоящая дружба.

Она смотрела на меня. Ждала, скажу ли я что-нибудь. Но я ничего не сказала.

Гретхен разочарованно покачала головой, вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Глава 26

Я не слишком удивилась, когда на следующий вечер ко мне явился гость. Я только-только вернулась с работы и собралась выпить чаю, как в дверь позвонили. Я приоткрыла ее и увидела Тома.

— Привет, — смущенно проговорил он. На этот раз он больше походил на прежнего Тома. Он был в очках, и волосы у него не были так аккуратно уложены. — Кто-то вышел из подъезда и открыл дверь, так что я решил не пользоваться домофоном, сразу поднялся. Надеюсь, ты не против.

Конечно нет! — торопливо проговорила я.

Неужели мы докатились до этого? Неужели нужно было просить у меня прощения за то, что он не воспользовался домофоном?

— Можно войти? Я хотел бы поговорить с тобой.

Я открыла дверь нараспашку.

— Хочешь чаю?

— Да, спасибо.

Том вошел, снял туфли и пальто и аккуратно повесил его на спинку дивана.

— На улице жутко холодно, — сообщил он, зябко поежившись, прошел к кухонной стойке в носках и уселся на табурет.

— Как на работе? Все хорошо? — спросила я, взяв чашку и автоматически положив в нее чайную ложку сахара — как он любил.

Именно так мы с ним сотни раз начинали наши разговоры по вечерам, но В такой запредельной обстановке — впервые.

— Могло быть хуже, — зевнув, ответил Том, снял очки, протер стекла и снова надел. — Все трудятся как проклятые, чтобы успеть все сделать к Рождеству, и почему-то считают, что я способен с легкостью приступить к делам с того момента, на котором остановился шесть с лишним месяцев назад. «Ну ладно, Том, ты же знаешь, мы храним эти документы на третьем этаже в шкафу, в том кабинете, в котором работала Хетер, перед тем как уйти в декрет. Ну, или в кабинете Джонти посмотри. Он теперь его делит с Доном». — Том покачал головой. — А я понятия не имею о том, кто все эти люди, и, откровенно говоря, из-за всего этого мне хочется забраться в мифический шкаф Хетер и надеяться, что из него я попаду в Нарнию^[62]. Или обратно в Нью-Йорк. Согласился бы и на то и на другое. Ну да ладно,

хватит обо мне. Как твоя работа?

— Все в порядке. Спасибо.

Я решила не упоминать о странном утреннем эпизоде. Я проводила предварительную фотосессию с крайне раздражительной бывшей поп-звездой, которая отчаянно пыталась удержаться на телевидении, где вела пятнадцатиминутный фрагмент в реалити-шоу. Я вдруг отчетливо услышала, как то ли она сама, то ли ее агентша что-то негромко проговорила с упоминанием имени Гретхен. Я тут же наострила уши. Гретхен — не самое распространенное имя. Они сплетничали о нас! Неужели уже знали, что у нее теперь роман с моим бывшим? Наверное, Гретхен им разболтала. Какие подробности она могла им рассказать?

Меня просто затрясло из-за выброса адреналина. Что же, я теперь и на работе не могла от нее скрыться?

«Если вы хотите что-то сказать, — проговорила я отчетливо, набравшись храбрости, — пожалуйста, говорите громче. Я наверняка смогу удовлетворить ваше любопытство».

Агентша одарила теряющую популярность звезду предупреждающим взором и как ни в чем не бывало проговорила:

«Простите, Элис, мы просто говорили о том, как это замечательно для Гретхен — ведь она несколько месяцев не появлялась на экране, а теперь ходят слухи, что в „Уоркинг тайтл“^[63] ей предлагают главную роль».

Звезда фыркнула и ретировалась в туалет.

«Жалко ее, — неловко прошептала агентша. — Она просто завидует. Я знаю, что Гретхен — ваша подруга. Без обид».

«Никаких обид», — еле слышно отозвалась я и, наклонившись, стала возиться с проводом для вспышки.

Мои щеки пылали от стыда.

Надо же было так вляпаться. Мне показалось, что клиенты сплетничают обо мне, и я на них обрушилась — вопиющий непрофессионализм.

Я поставила чашку с чаем перед Томом, гадая, что же он собирается мне сказать.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Значит, ты думаешь, что тебе удастся переехать в этом году?

— Если повезет.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка получилась так себе.

— Отлично! Это хорошо.

Он с удовольствием отпил немного чая, и стекла его очков слегка затуманились.

Мы немного помолчали, а потом я спросила:

— Насколько я понимаю, это не светский визит?

— Нет. Не светский. Я пришел поговорить с тобой насчет квартиры.

Я насторожилась:

— Это она тебя послала?

Он нахмурился и покачал головой.

— Нет-нет. Она знает, что я поехал к тебе, но то, о чем я хочу поговорить с тобой, — исключительно моя идея. В общем... можно не сомневаться, что ты не можешь, да и, наверное, не хочешь жить здесь, в ее квартире, — что бы она ни говорила вчера вечером.

Это было сказано не то чтобы недружелюбно, но как бы без сахарной глазури, но, с другой стороны, иного я от него и не ожидала.

— Я не... — начала было я, но Том протестующе поднял руку и решительным жестом поправил очки на переносице.

— Пожалуйста, дай мне договорить. Я понимаю, все сложилось невероятно трудно для нас обоих. Но я горжусь всеми нами. Я горжусь тем, что мы с тобой до сих пор способны сидеть вот так и разговаривать, я горжусь тем, что Гретхен не устроила тебе скандал, когда мы вернулись, и я думаю, это многое говорит обо всех нас, о том, что мы за люди. Поддерживать других, помогать им даже тогда, когда это дорого обходится тебе самому, — хорошо и правильно. И все мы в то или иное время так поступали.

Он все еще не видел правды. Он все еще не понял, что на самом деле представляет собой Гретхен.

— Но вот чем я не горжусь, так это тем, — продолжал Том, — что сразу попросил тебя выехать из нашей квартиры из-за того, что ты начала встречаться с Бэйли. Это был настолько же твой дом, насколько и мой. Но мне было больно и... словом, ладно. Что было, то прошло. Гретхен нужно дать возможность вернуться сюда, и я подумал, как ты согласишься на то, чтобы возвратиться в нашу квартиру? — Он улыбнулся и неловко поерзал на табурете. — Похоже, есть свободная комната.

Что? Я оторопело уставилась на него. Я не ослышалась? Снова жить с ним под одной крышей? Он что, сбрендил?

— По деньгам тебя все вполне устроит, — продолжал Том. — И соседи нормальные. Правда, один из них — Пауло, но тут уж ничего не попишешь... и переехать ты можешь в любое время, как только пожелаешь. Что скажешь?

Он устремил на меня искренний, честный взгляд.

Тот человек, который сменил меня, собрался съехать? Я смотрела на

Тома, не веря собственным ушам.

— Ну да, — проговорила я насмешливо, — потому что Гретхен это понравится.

Том удивился.

— Не понимаю, при чем тут она.

Я недоверчиво вздернула бровь.

— Послушай, никто не мог предположить подобного, но раз уж так вышло, тебе нужно где-то срочно поселиться. Верно? — Он отодвинулся от стойки. — Мне не следовало просить тебя уехать, Элис. Мне очень стыдно. По крайней мере, просто вернись пока туда и поживи какое-то время, пока не подыщешь другой вариант. Сделай, как будет лучше для тебя.

Я разжала губы, готовая отказаться, однако тут же закрыла рот. Других вариантов у меня все равно не было... Но допустим, я проживу там до Нового года, а потом... Нет! О чем я только думала?

— Не могу, — решительно произнесла я. — Это безумие!

— Согласен, все выглядит необычно, — кивнул Том. — Но что же тут безумного? Я правда этого хочу. — Он немного помедлил и добавил: — Не хотелось бы ворошить прошлое, но я сожалею о том, что раньше был не так заботлив и эмоционален — вечно думал о деньгах, обо всяких разумных вещах. Если тебе чего-то хочется, сделай так, чтобы это произошло. Ну вот. — Он решительно поставил чашку на стол. — Что скажешь?

Ничего себе! Что это, черт побери, могло бы значить? Он говорил о нас?

— Том, — поспешно проговорила я, — я не думаю...

Он поднял руку.

— Элис, я совершенно не жду от тебя согласия. Вообще ничего не жду, правда. Я думаю, что тебе просто стоит подумать и посмотреть, как ты будешь себя чувствовать, когда вернешься. Если будет плохо, просто переедешь в другое место.

— Но Гретхен...

— Прекрати переживать за Гретхен! Предоставь это мне. — Он указал на стопку коробок рядом с входной дверью. — Насколько я понимаю, ты уже упаковалась?

— Мне так хочется поскорее убраться отсюда, Том, — тихо сказала я. — Ты просто не поверишь как, но...

— Ну так возвращайся! Сможешь поселиться в своей старой комнате уже в воскресенье. Я бы предложил тебе субботу, но в субботу мы решили устроить маленькую предрождественскую вечеринку по случаю возвращения из Штатов. Пауло только в этот день может присутствовать,

потому что пн Рождество он улетает на родину. И Гретхен придет.

— Том, — сказала я. — Ты только что попросил меня вернуться, а теперь волнуешься насчет вечеринки?

— Справедливо подмечено. — Том нахмурился. — Ладно, предоставь это мне. Я разберусь. Значит, пусть будет суббота. — Он приветственно поднял чашку. — За начало новой жизни!

Я с сомнением поглядела на него.

— Между прочим, я еще не сказала «да».

— Не понимаю, — пожав плечами, проговорил Том, — что тебе терять.

Когда я вечером приехала с вещами, дома оказался только Пауло.

— Hola, Элис, — с широченной улыбкой приветствовал он меня. — Добро пожаловать домой.

Мне было приятно, что он так радушно меня встречает. Он даже помог мне донести коробки от такси до квартиры и сложил их в комнате, которая раньше служила мне кабинетом. Я представила, как непривычно будет снова здесь спать. Пауло посмотрел на часы и сказал:

— Я должен пойти покупать выпивку на вечер. Я обещаю Том. Хочешь, я для тебя что-то купить?

Я покачала головой. Пауло поднял вверх два больших пальца и мячиком запрыгал вниз по лестнице, на бегу крикнув мне:

— До встречи!

Чувствовалось, что в комнате жил кто-то незнакомый, но при этом она была безупречно чисто прибрана. В гостиной стояло несколько коробок, заклеенных скотчем. Наверное, они принадлежали тому человеку, который только что выехал. Может быть, он вот-вот вернется за вещами. Я хотела украдкой заглянуть в нашу бывшую спальню, проверить, изменилось ли там что-нибудь, но, к удивлению, обнаружила, что она заперта. Может быть, это было благоразумно, если учесть, что кто-то выносил вещи из квартиры.

Я вышла в холл и услышала, что в замке входной двери поворачивается ключ. В следующий момент я лицом к лицу столкнулась с улыбающейся, совершенно незнакомой девушкой в джинсах и куртке с капюшоном. В руках она держала два пакета из магазина «Сейнсбериз».

— Привет! — поздоровалась она, поставила пакеты на пол, сбросила обувь и сняла куртку. — Вы, должно быть, Элис. А я Китти. — Она протянула мне руку, и я автоматически пожала ее. — Остальные еще не вернулись? — Она посмотрела на часы. — Черт! Я так опаздываю!

Она схватила покупки, торопливо прошла в кухню, открыла дверцу холодильника и принялась выкладывать в него продукты. Действовала она так, словно здесь все было ей знакомо. Подружка Пауло?

— Там такой холод, просто жуть! — весело сообщила она, схватив чайник, наполнив его водой и включив. — Вот так! Пора начать готовить! Вам ванная уже не нужна? — крикнула она через плечо, прошествовав через холл.

Напрочь обескураженная, я пошла за ней и проговорила:

— Китти... простите, а вы...

Она остановилась перед дверью Тома, вертя в руке связку ключей. Как только она выбрала ключ и вставила его в замочную скважину, я услышала, как открылась дверь подъезда. Потом донеслись взрывы хохота и голос Гретхен. А она что тут, черт бы ее побрал, делала? Том ведь сказал, что все уладит.

— Проклятье, у меня сейчас руки отвалятся! — воскликнула она.

— Хватит ругаться! — со смехом отозвался Том. — Осталось только по лестнице подняться, силачка Бартоломью! Черт, мы опаздываем! В пять часов машина за вещами приедет. Пошли скорей!

Я обернулась. Они вошли в квартиру друг за другом. Том нес две коробки с пивом, из-за которых он почти ничего не видел, а Гретхен тащила несколько упаковок по шесть бутылок. Бутылки позвякивали. Наконец они оба опустили коробки и упаковки на пол, и как раз в этот момент Китти отперла дверь комнаты Тома. В комнате все оказалось совсем не так, как было раньше. Повсюду валялись пухлые мусорные пакеты, набитые женскими вещами. Вещи буквально вываливались из мешков, и от этого мешки были похожи на лопнувшие перезревшие фрукты. Кровать стояла на другом месте, и абажур был другой, новый, и шторы тоже — они теперь имели более женственный вид. На стене висел постер к фильму «Секс в большом городе», пахло ванильным освежителем воздуха. Наверное, точно так же выглядела моя комната, когда я только-только здесь поселилась.

Можно было не сомневаться: теперь эта комната уже не принадлежала Тому.

— О, привет! — с искренней теплотой поздоровался со мной Том, наконец заметив меня. — Ты приехала! И с Китти уже познакомилась! — Он посмотрел на часы. — А где Пауло? Эта вечеринка и его касается. Так... Минут через пять подъедет машина за моими вещами...

Снизу послышался сигнал автомобиля.

— Уже подъехала! Так, ладно. Мы сейчас погрузим все мои вещички,

быстренько смотаемся, разгрузимся и вернемся. До девяти все равно никто не появится. Все-таки жаль, что мы затеяли эту вечеринку здесь, Гретх. Надо было у тебя.

— Привет, Эл, — наконец поздоровалась со мной Гретхен. — Но мы не могли это сделать, потому что не знали, успеет ли Элис уехать. — Она в притворном отчаянии покачала головой. — Можно, я отправлю его обратно, если он мне надоест? — капризно проговорила она, глядя на Китти, а потом швырнула в Тома скатанным из бумажного носового платка шариком.

Китти рассмеялась.

— Ну уж нет. Наше общение было очень коротким, но запоминающимся. А большего мне от мужчин не надо.

Том, улыбаясь, вскинул руки.

— Ладно, ладно, дамы, я все понял. Ты в порядке, Элис? — неожиданно осведомился он. — Вид у тебя такой, словно тебя вот-вот стошнит.

— Все нормально, — с вымученной улыбкой ответила я. — Устала, пока вещи перетаскивала. Пожалуй, пойду прилягу ненадолго.

— Хорошая мысль, — кивнул Том. — А на вечеринке чтобы была в лучшей форме.

Он как-то слишком весело рассмеялся и посмотрел на Гретхен. Та мгновенно проговорила:

— О, конечно. Будет приятно, если ты присоединишься к нам.

Расплакалась я только тогда, когда вошла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

Шесть часов спустя в квартире уже было полным-полно незнакомых мне людей, кругом звенели бокалы, разговоры перекрывали громко играющую музыку.

Я была пьяна, и мне никак не удавалось сосредоточить взгляд на лице Пауло, который что-то оживленно мне рассказывал, пока я пыталась вынырнуть из волн унижения и тоски, накатывавших всякий раз при воспоминании о том, как Том просил меня переехать сюда.

Неужели я настолько глупа? Это *они* собрались жить вместе. Он уже перевез к ней свои вещи. Том, мистер Медленно-Но-Верно, переехал к женщине после трех месяцев знакомства? Как это могло случиться?

— Ну так как ты себя чувствовать, когда вернуться сюда? — прокричал Пауло и провел пятерней по волосам. — Том помогал Китти перебираться из твоего старого кабинета; он подумать, что тебе будет не так приятно

спать в вашей с ним старой комнате. Все меняется! — Он рассмеялся и, похоже, очень удивился, заметив, что я допила виски залпом. — А он счастливый с Гретхен, как тебе кажется?

Мы оба посмотрели на них. Том обнимал Гретхен за плечи. Увидев это, я злобно сжала стакан. Гретхен что-то рассказывала небольшой группе гостей, жадно ловящих каждое ее слово. Она была в черном платье, снабженном подобающими вырезами и разрезами.

«Выглядит почти как шлюха», — мелькнуло у меня в голове, но я тут же решила, что слишком ее недооцениваю.

— Думаю, он очень счастлив с ней, да, — отозвалась я, но мой голос прозвучал хрипло и надтреснуто.

Том, видимо, почувствовал, что мы смотрим на него. Он повернул голову, улыбнулся и приветственно поднял стакан.

— Для меня это плохо, — задумчиво выговорил Пауло и немного смутился. — Она все-таки мне еще немножко нравится. Увидать ее снова после... — Он не договорил, но я прекрасно поняла, на что он намекает. — Может быть, хорошо, что она не будет тут жить. Разобью свой сердце где-нибудь еще.

Ох, твою мать. Я уставилась на него, не веря своим ушам. Мне вдруг отчаянно захотелось оказаться где-нибудь, где меня не окружали бы члены фан-клуба Гретхен. Я неуверенно поставила на столик пустой стакан и начала протискиваться через толпу гостей к своей комнате. Открыв дверь, я обнаружила там парочку — парня с девушкой, которые целовались, как подростки, лежа на моем диване. Даже коробки с него снять удосужились, молодцы какие.

— Вы не могли бы перебраться куда-нибудь еще? — спросила я. — Вы в моей комнате находитесь.

Девушка вздохнула с таким видом, будто я все это придумала только для того, чтобы их обидеть. Она села, поправила кофточку, нагло глянула на меня, встала и удалилась. Парень только пробормотал:

— Простите.

И закрыл за собой дверь. Я села на край дивана. Чувство было такое, будто внутри меня все разрушается. Глаза заволокло пьяными слезами, и не разрыдалась я в этот момент только потому, что дверь чуть приоткрылась, а мне очень не хотелось, чтобы кто-то увидел меня плачущей.

Вошел Том, держа в руке банку пива. На нем была невероятно модная незнакомая футболка, джинсы и кроссовки. Все это ему очень шло, но он явно не привык к такой одежде. Я догадывалась, что все вещи ему подобрала Гретхен.

— Ты плачешь, — сказал Том и озабоченно нахмурился. — Я так и думал, что это не самая хорошая идея. На твоём месте я бы не смог... Я вообще не оправдываюсь, но... что, слишком дико?

Я кивнула. По моей щеке побежала слеза.

Он вздохнул и закрыл дверь. Подошел и присел на корточки передо мной, осторожно поставив банку на ковер.

— Пожалуйста, не плачь, Эл.

Но от его слов мне стало только хуже.

Он неловко взял меня за руку.

— Мне показалось, ты очень спокойно все приняла, когда я сказал, что переезжаю к ней.

Я была пьяна, потому призналась:

— На самом деле ты мне этого не говорил. Ты просто сказал, что много думал и понял, чего тебе хочется, а потом ты попросил меня вернуться сюда.

Вид у него стал совершенно бестолковый. Но скоро он сообразил, что я имею в виду, и выдохнул:

— О Элис! О боже мой! Ты подумала...

Я поспешно покачала головой.

— Нет-нет. Не надо. Это я виновата! Я тебя неправильно поняла.

Но вдруг я поймала себя на том, что не могу отпустить его руку.

Сидеть на корточках ему явно было неудобно, и он сел на ковер, не спуская с меня глаз.

— Когда ты говорил все эти слова насчет того, чего тебе хочется... — пробормотала я скороговоркой, потому что если бы стала говорить медленнее, то одумалась бы и замолчала. — Насчет того, что жить надо сейчас, не оглядываться назад и все такое. Ты говорил о ней? Не обо мне?

Он заторможено кивнул. Я улыбнулась сквозь слезы.

— Вот удивительно!

Я попробовала рассмеяться, но не могла обмануть ни его, ни себя.

Он только смотрел на меня, и я не могла догадаться, о чем он думает. Он был такой милый, такой искренний, он явно тревожился за меня! У меня до боли сжалось сердце, и мне вдруг нестерпимо захотелось просто поцеловать его.

Что я и сделала.

Мои губы прикоснулись к его губам, теплым и сухим, и на секунду он инстинктивно откликнулся на это прикосновение. В конце концов, сколько раз бывало, что мы с ним сидели вот так, и мне показалось, будто его тело на миг вспомнило какое-то мгновение из прошлого, когда его сердце

ответило бы на мой порыв и его руки благодарно потянулись бы ко мне. Но потом... ничего не произошло. Он не поцеловал меня в ответ. Это было так, словно ты случайно прижался к кому-то в очереди на автобусной остановке. Сродни вторжению в чье-то личное пространство. В таких случаях отступают назад и просят прощения. Я почувствовала это и отстранилась. В первое мгновение я устремила на Тома испуганный, затравленный взгляд, а потом посмотрела за его плечо.

И увидела Гретхен, глядящую на нас в приоткрытую дверь. Она остолбенела от изумления.

Мы с ней смотрели друг на друга всего несколько секунд, но мне эти секунды показались вечностью. Она опустила глаза и молча ушла. Словно испарилась.

— Что ты делаешь? — ошарашенно спросил Том и отодвинулся от меня. — Что это было?

Он вскочил и взмахнул руками.

— Мне просто захотелось, — призналась я.

Он в отчаянии опустил руки.

— О, прошу тебя, больше не делай так, Элис. Только не сейчас. Это нечестно. Я был счастлив... Я и теперь счастлив! Все мои вещи у нее. Я...

— Так не должно быть! — торопливо прошептала я. — Ты можешь завтра поехать и все забрать. Возвращайся к обеду, и потом все будет как раньше!

Но, произнося эти слова и слыша, как они повисают в воздухе, я даже не была уверена, что хотела сказать именно это.

Том сделал вдох и внимательно посмотрел на меня.

— Чтобы все было как раньше? — наконец выговорил он.

Я растерялась и поспешно кивнула. Ведь я именно этого хотела?

— Но как я могу быть уверен, что не появится новый Бэйли?

— Обещаю, такого не случится! Я люблю тебя, Том! — страстно воскликнула я, но при этом сама не на шутку изумилась. — Знаю, ты меня тоже любишь.

— Любил, очень сильно любил, — тихо проговорил Том.

— Значит, сумеешь полюбить снова, — умоляюще прошептала я.

— Элис, я так старался разлюбить тебя. Это стоило мне стольких сил, это было самое худшее время в моей жизни... — У него сорвался голос.

Впечатление было такое, словно в его душе идет борьба. Он сдвинул брови и проговорил:

— Тогда скажи мне вот что: если бы сейчас сюда вошел Бэйли, и попросил тебя вернуться к нему, и тебе пришлось бы выбирать — он или я,

кого бы ты выбрала?

Я смотрела на него, оторопев. Такое предположение меня сбило с толку.

— Этому никогда не бывать, — сказала я.

— Но если бы так случилось — кого бы ты выбрала?

У меня противно засосало под ложечкой. Я не произнесла автоматически «тебя», потому что от мысли о том, что передо мной стоит Бэйли и просит меня вернуться, у меня закружилась голова.

— Тебя, — наконец выдавила я.

Том пристально посмотрел на меня и на миг зажмурился.

— Ты вообразить не можешь, сколько раз я представлял себе это, — сказал он, открыв глаза и уставившись себе под ноги. — Но теперь...

Это было самое долгое молчание в мире. Я слышала только «но», я понимала, каково будет продолжение, но в результате всего лишь полностью убедилась в том, что больше всего на свете я хочу вернуть Тома.

А он снова посмотрел на меня и сказал:

— Прости, Элис, но я думаю, что уже слишком поздно. Если бы у меня не было романа с Гретхен, тогда, может быть, я мог бы попробовать снова поверить тебе... Но я с ней. И я счастлив.

— Но вы знакомы всего... — начала я.

— Знаю, но она замечательная. Мы чудесно проводим время. Я понимаю: у нее есть свои недостатки, но я знаю, как она относится ко мне, я думаю... я думаю, мне хотелось бы увидеть, что из этого получится.

Я закрыла глаза. Его слова так больно меня ударили. Я предложила ему себя — а он выбрал ее.

— Мне лучше уйти, — сказал Том. — Мне ужасно жаль, что ты все неправильно поняла насчет переезда. Я вовсе не хотел сделать тебе больно, даю слово.

Я молча кивнула, всеми силами сдерживая слезы до тех пор, пока он не вышел из комнаты. Через несколько секунд я подскочила от неожиданности: в комнату ввалилась очередная пьяная парочка. Хихикая, они залили ковер пивом и только потом заметили меня. Переглянулись и начали хохотать, с трудом пробормотав неискреннее «простите!».

Я больше ни минуты не желала находиться рядом со счастливыми людьми. Вскочила, схватила ключи и кардиган и протолкалась сквозь толпу. Я даже не могла смотреть на Тома, вернувшегося в гостиную и рассеянно слушавшего какого-то говорливого коротышку. Том обводил гостиную взглядом — наверное, искал Гретхен, но ее нигде не было видно.

Я наконец выбралась из квартиры, но на лестнице тоже было полно

народа. Какая-то вырубившаяся девица крепко спала на сваленных в кучу пальто. Открыв дверь подъезда, я обошла дом и оказалась в саду, которым считалась длинная узкая полоса нестриженной травы, обнесенная хлипким забором. Я судорожно вдыхала холодный воздух. В заборе была калитка, выводящая в переулок между домами. Невысокие деревья переплетались ветвями с деревьями в соседних садиках.

Я стояла в темноте, на холоде. Взглянула на дом и зажмурила опухшие от слез глаза. Я чувствовала, как ледяной ветер забирается в дырочки неплотно связанного кардигана. Меня пробирал озноб. Так вот что такое — упасть со скалы. И тут я вздрогнула, услышав позади себя голос:

— Привет.

Я открыла глаза и обернулась.

Это была Гретхен. Она куталась в пальто, с явным удовольствием курила сигарету и покрасневшими от холода пальцами сжимала банку пива. Ее волосы растрепались, пряди закрывали лицо. Ворота за ее спиной были открыты нараспашку, косметика у нее на лице размазалась — особенно помада. Она смотрела на меня в упор. Подняла руку и убрала с лица прядь волос.

— Ты тут замерзнешь насмерть, Эл, — проговорила она и затянулась сигаретой. Кончик сигареты зловеще вспыхнул, но тут же потускнел. — Хорошая вечеринка, правда?

— Ты видела, — с неожиданным испугом произнесла я.

— Ты прекрасно знаешь, мать твою, что видела! — взорвалась Гретхен. — Терпеть не могу эту твою проклятую привычку отмалчиваться! После всего, что я для тебя сделала!

Я ахнула и попыталась протрезветь.

— После всего, что ты сделала? Вот это ты верно сказала! Ты не просто случайно встретила с ним в Нью-Йорке и влюбилась в него! Ты сказала ему, что я ему изменила, а потом разыскала его, выследила! Ты кого угодно можешь вокруг пальца обвести — только не меня.

— Ну, поехали... Теория заговора в исполнении Элис, — простонала Гретхен. — Перестань нести чепуху — ничего этого не было! Подумать только — ты на меня все грехи готова повесить! Том — это единственное хорошее, что было в моей жизни, Элис. Единственное! Надеюсь, вы будете счастливы вместе.

Она бросила окурок в траву и растоптала его. Звук был такой, словно кто-то скребет ножом по стеклу. Меня замутило.

— Пускай я закрутила роман с твоим бывшим дружкой, зато ты целовалась с моим нынешним, так что не вздумай читать мне мораль. Я не

желаю, мать твою, больше быть твоей подругой.

Она прошла мимо меня и направилась к дому.

— Так или иначе, он выбрал тебя, — с горечью выговорила я.

Она остановилась и обернулась. Ее лицо стало мертвенно-бледным.

— Что? — оторопело вымолвила она. — Но я же видела, как вы целовались!

— Ты видела, как я его целовала.

Гретхен пошатнулась и прижала ладонь к губам.

— Но он держал тебя за руку!

— Просто я была расстроена. Когда он попросил меня вернуться сюда, я не поняла, что он уезжает к тебе. Он сказал мне, что счастлив с тобой и хочет понять, получится ли из этого что-нибудь.

— Черт. — Гретхен расхохоталась и прикусила губу. — О черт!

Она запрокинула голову, посмотрела на небо и сказала:

— Ты не представляешь, что ты наделала! — Она покачала головой. — Мать твою, Элис! — прокричала она, изогнувшись и швырнула пивную банку в забор. Послышался противный скрежет, пиво разбрызгалось во все стороны. — Глупая ты сучка, — прошептала Гретхен.

У нее задрожала нижняя губа, лицо исказилось гримасой, она начала рыдать. А потом прикрыла рот рукой и побежала вокруг дома.

Ее реакция меня сильно обескуражила. Она получила его — получила все, что хотела. Я, словно окаменевшая, стояла, не в силах сдвинуться с места. А потом услышала позади шорох. Кто-то словно переступил с ноги на ногу, но явно не хотел, чтобы его заметили. Я резко обернулась и посмотрела на калитку, которую Гретхен оставила полуоткрытой. В переулке кто-то был? Кто-то вышел туда вместе с ней? Что они там делали?

— Эй! — окликнула я храбро, как только могла. — Кто там?

Никого. Ответа не последовало.

Я сделала шаг в сторону калитки. Сердце у меня бешено забилося. Кто-то там точно был. Я сделала еще один шаг, дрожащей рукой прикоснулась к засову и резким движением открыла калитку нараспашку. Калитка с громким стуком ударилась о забор, отделявший наш садик от соседнего дома. Ржавые петли закричали. Я слышала только эти звуки да еще собственное дыхание. Я вышла в переулок и посмотрела в обе стороны. Вдоль заборов стояли старинные металлические мусорные баки, земля поросла сорняками. Кое-где поблескивали осколки стекла, тут и там валялись пустые пакетики от чипсов. Очень осторожно, задержав дыхание, я сделала два шага вперед и всмотрелась в темноту. Разглядела еще пару

мусорных баков, стоявших в темной, глубокой нише. Один бак был полуприкрыт треснувшей пластиковой крышкой, возле второго валялся мешок с мусором — весьма растрепанный. Наверное, тут похозяйничали лисы или еще какие-то звери. Я заметила торчащую из мешка коробку от хлопьев «Витабпкс», к которой прилип заплесневелый чайный пакетик. Больше — ничего и никого.

Я повернула вправо и чуть не вскрикнула. Кто-то пробежал вдоль дома и спрятался за большим листом ржавого железа, сброшенного с крыши и прислоненного к дому. Мне показалось, что я вижу чью-то ногу. Неужели там правда кто-то спрятался? Я оцепенела от страха. Я не могла заставить себя приблизиться к дому, но и стоять на месте было страшно. А потом я чуть не лишилась чувств. Мимо меня пробежала кошка и устремилась к дыре внизу забора. Она распласталась по земле, а в следующий момент исчезла в саду. Наверное, это она шуршала и напугала меня раньше.

Я плотнее закуталась в кардиган и поспешила вернуться в квартиру. Однако, оказавшись дома, среди гостей, где почувствовала себя в относительной безопасности, я сразу обнаружила, что Тома и Гретхен в квартире нет.

Глава 27

После вечеринки ни Том, ни Гретхен мне не звонили, но, с другой стороны, я этого и не ждала. О чем еще можно было говорить? Но я думала о них непрерывно, и меня грызли мысли о том, как они радостно обустроиваются в квартире Гретхен, готовясь вдвоем встретить Рождество. Я жила в этой квартире и могла ярко представить себе, как все происходит.

Единственным, что отвлекло меня от мрачных мыслей, было то, что на второй неделе декабря Френсис родила мальчика. Я растроганно плакала, прижимая к себе крошечного племянника. Я гладила его черные пушистые волосики, а он таращился на меня своими темными глазками. Он был такой красивый, а я, к стыду своему, плакала совсем не от радости.

— Элис, в самом деле, возьми себя в руки, — проговорила Френсис, сидевшая на кровати, и слишком громко ойкнула от боли. Она еще не вполне оправилась после родов.

Ее муж, Адам, поставил на прикроватный столик чашку с чаем и взволнованно поправил подушки.

— Это не тебя сейчас чуть было не решили зашивать. И не прижимай его так крепко. Он может перегреться.

— Вы уже придумали ему имя? — спросила я, вытирая слезы и ожидая услышать что-нибудь жуткое и слишком торжественное типа Ноэль.

— Вообще-то мне очень нравится имя Бэйли, — ответила Френсис, глядя на новорожденного. — Кажется, так зовут этого автора всяких путеводителей, с которым ты встречалась?

У меня задрожала нижняя губа.

— Но Адам говорит, что имя вульгарное и слишком современное. К тому же, я думаю, тебе бы не хотелось, чтобы тебе всю жизнь напоминали про этого парня? — Френсис сочувственно погладила мою руку и медленно опустила на подушки. — В общем, Адам хочет назвать малыша в честь своего отца, так что будет Фредерик. Элис, пожалуйста, ты его всего слезами залила. Адам, ты можешь забрать его у Элис и вытереть ему головку? Он может простудиться.

К Рождеству все в доме крутилось вокруг Френсис. Впечатление было такое, словно тут поселились Богородица с младенцем Иисусом. Кругом

валялись подгузники и бутылочки, что вызывало раздражение у мамы, но она поджимала губы и молчала. Все бегали как ненормальные, торопясь исполнить любой каприз Френсис, ворковали над Фредди, и никому даже в голову не приходило спросить у меня, почему я такая тихая и рассеянная. Словом, меня по большому счету предоставили самой себе. Правда, через некоторое время мне пришлось испытать унижение и гнев. Перед рождественским обедом мама, лицо у которой стало почти таким же красным, как ее бумажный колпачок, нервно расправила фартук и обескураженно обозрела стол, в то время как мы, умирая от скуки, ждали, когда она скажет, кому куда садиться.

— Что-то я сделала не так, — призналась наконец мама. — Но что не так? Адам и Френсис, Филип, я и Джон, мама и папа, Элис... — Она сосчитала в уме. — Но ведь в прошлом году было то же самое, и все получилось. Четверо с одной стороны, трое с другой, двое во главе стола... Почему же один прибор лишний?

— Мама, Тома нет, — негромко проговорила Френсис, поморщившись и забрав у Адама Фредди. — Очень тактично, мама.

Все смущенно посмотрели на меня, а я опустила глаза.

— Он сидел рядом с бабушкой в прошлом году. И вообще, тут слишком жарко. Фредди явно себя плохо чувствует.

— Это потому, что он в чепчике, Френсис, — сказала мама. — И я не уверена, что ты права. Разве Том не после обеда приехал? Ах нет, точно! Теперь я вспомнила: он еще привез большую бутылку шампанского и сказал чудесный тост. Ну да ладно, — поспешно проговорила она, наконец заметив выражение моего лица, когда Фил выразительно толкнул ее локтем в бок. — Хватит про прошлый год. Садись-ка рядом со мной, Элис, я тебя немножко подкормлю. Давайте начинать.

Не лучше прошел и канун Нового года. Я тупо сидела перед телевизором рядом с бабушкой, которая то и дело повторяла:

— У Би-би-си это просто прекрасно получается.

Все потягивали шерри. Дедушка сказал:

— А эта милая девушка не из рекламы «Эм-энд-Эмс»? Я не знал, что она умеет играть на пианино. Какая талантливая.

В тот момент, когда здание Биг-Бена озарилось фейерверками и куранты возвестили о наступлении две тысячи девятого года, я подумала о том, где сейчас Бэйли, с кем он целуется... и какой великолепный праздник у Тома с Гретхен. Я представила Тома с черным галстуком, представила, как они с Гретхен смеются, сжимая в руке тонкие ножки бокалов с шампанским, а рядом с ними — умные, веселые друзья.

— Ну вот, моя маленькая Элис, смотри: смена караула у Букингемского дворца, — добродушно проговорил дедушка, прервав мои размышления. — Не грусти. Ну-ка, поцелуй меня. Погоди, моя любимая, это будет твой год, вот увидишь.

Он обнял меня и при этом пролил свой шерри на ковер. Мама молча поспешила за тряпкой.

В десять минут первого я улеглась на свою девичью кровать и укрылась тем самым пуховым одеялом, под которым спала с пятнадцати лет, со знакомым рисунком — балерины в пачках разных цветов, с развевающимися ленточками. Как я жалела о том, что не приняла предложение Вик встретить Новый год в Париже! Словно в ответ на мои мысли, зажужжал мобильник. Пришло голосовое сообщение на автоответчик. Я услышала веселые голоса на дальнем фоне.

— Не забывай: и это тоже пройдет! — воскликнула Вик, пытаясь перекричать шум.

Эти слова заставили меня вспомнить о треклятой татуировке Гретхен.

— Счастливого Нового года — это будет самое лучшее пожелание для тебя! Ты такая храбрая, я так горжусь тобой! Ты все преодолеешь — я точно знаю! Я люблю тебя!

Как только рождественские каникулы наконец завершились, я вернулась к работе. Меня очень порадовало возвращение в студию, где все было так знакомо. Я провела утро, сосредоточившись на технически сложной съемке рекламируемых предметов, и вдруг поймала себя на мысли о том, что уже как минимум три часа не вспоминаю о Томе, Гретхен и Бэйли. Это было большим достижением.

Наступил январь, и работа разворачивалась не слишком успешно. Заглянул владелец студии и радостно сообщил мне о том, что повышает арендную плату, и в этот же день известный парикмахер отменил съемку нескольких своих рекламных причесок. Меня охватило параноидальное чувство: я подумала, уж не шепнула ли Гретхен чего-нибудь нужным людям — ведь всевозможных знакомств у нее хватало. Но потом я опомнилась и решила: это означало бы, что я ей чересчур небезразлична — только в таком случае она стала бы развивать бурную деятельность. А я твердо знала, что ей на меня наплевать. И конечно, на душе у меня полегчало, когда на следующий же день парикмахер перезвонил и договорился о переносе даты съемки.

Но только я начала более или менее успешно отодвигать две тысячи восьмой год в прошлое, как на поверхность вдруг снова всплыл Бэйли. Это случилось пятнадцатого января в пять часов четыре минуты вечера.

— Алло? — с интересом ответила я на звонок с неопределившегося номера и закрыла крышку ноутбука.

— Элис?

Мы с ним не говорили с того самого вечера, когда он бросил меня, но я сразу его узнала. От звука его голоса я словно загорелась изнутри и начала спускаться по лестнице спокойствия, достигнутого с таким трудом. Как он добился этого? Одним словом? Голосом?

Он даже не удосужился снизойти до формул вежливости типа «Как поживаешь?» или «С прошедшим Рождеством», а сразу перешел к делу:

— Элли, я понимаю, что я как гром среди ясного неба, и, наверное, я последний человек, с кем тебе хочется разговаривать, — поэтому я скрыл свой номер... но мне нужна твоя помощь. Очень волнуюсь за Гретхен.

Я чуть было не швырнула треклятый мобильник через всю комнату. Ну почему? Почему люди вообще упоминали при мне ее имя? У нее был Бэйли, у нее был Том. Похоже, весь мир вращался вокруг ее мизинчика. Неужели они не могли перестать доставать меня, неужели не могли оставить меня в покое? И с каких это пор он вдруг стал называть меня Элли?

— Я в полной заднице. Я должен зайти к Гретхен прямо сейчас, но опоздал на самолет. Понимаешь, я в Испании. Я бы Тому позвонил, но он в Бате по работе, и он... Словом, он меня ненавидит. Я позвонил Гретхен, а она, похоже, не в себе. Как пьяная. То есть вдрабадан.

— И? — Прижав телефон подбородком, я стала укладывать вещи в сумку.

— Сейчас пять часов вечера! Знаю, она любительница выпить, но не в такое же время! Ты не могла бы зайти к ней и посмотреть, как она? Она все время повторяла, когда я с ней говорил: «Но ты же должен быть здесь», а потом жутко разозлилась, сказала, что я подонок, и бросила трубку.

— О, что ж, в таком случае я просто с превеликой радостью зайду ее навестить, — с издевкой проговорила я.

— Что-то не так, Эл, я это чувствую, — умоляюще проговорил Бэйли. — Что-то случилось.

— Хорошо, но я уверена, что мое появление ее совсем не обрадует. Она на данный момент не из числа моих главных фанатов.

— Знаю, — смущенно проговорил Бэйли, и мне стало интересно, много ли ему выболтала Гретхен. — Но мне больше некого попросить. Пожалуйста, зайди клей. Я очень волнуюсь.

— Если тебя что-то пугает, просто позвони в полицию, — посоветовала я, взяв ключи и выключив свет в студии. — Или своим

родителям.

— Они сейчас продюсируют какую-то пьесу в Литл Чалфонте. Никто не отвечает ни по одному телефону. А я не могу позвонить в полицию только из-за того, что она напилась. Элис, пожалуйста, — взмолился Бэйли. — Просто убедись, что с ней все в порядке, и уходи. Умоляю тебя. Пожалуйста, сделай это ради меня, пожалуйста! — Выложив свой козырь, он подождал моего ответа. — Я полагаюсь на тебя. Не подведи меня.

Глава 28

Без двадцати семь я стояла у квартиры Гретхен, терзаемая опасениями. Я бы уже давно была дома, дав себе слово, что никуда не пойду, но в конце концов передумала и поступила с точностью до наоборот. Какая-то женщина входила в подъезд и впустила меня, но сколько я ни звонила, сколько ни стучала в дверь квартиры Гретхен, никто не отвечал. Вздохнув, я в отчаянии приоткрыла крышку почтового ящика и покричала:

— Это я! Мне совсем не хотелось приходить, я не думаю, что ты этого хочешь, но я пообещала Бэйли. Пожалуйста, просто открой дверь.

Я услышала шаги по комнате и через узенькую щелочку увидела полупустую бутылку виски, покотившуюся по ковру. Бутылка какое-то время катилась, проливая янтарную жидкость, а потом наконец остановилась. Я увидела босые ступни, неуверенно, но быстродвигающиеся к двери. Вдруг послышался тяжелый звук — будто кто-то упал. И тишина.

— Гретхен, — встревоженно окликнула я, — ты в порядке? — Я напрочь забыла о своем раздражении. — Открой дверь! — Я забарабанила в дверь кулаком и, к своему облегчению, наконец услышала ее голос:

— Иду, иду. Пытаюсь. Погоди.

Я услышала еще один удар — на этот раз Гретхен, похоже, привалилась к двери. Потом звякнул засов, дверь распахнулась, и я увидела ее. Она стояла пошатываясь, в розовом жилетике и шортах такого же цвета. Такие продают в упаковках по три штуки. Мне почему-то представилось, как одетые таким образом шестнадцатилетние девчонки кидаются подушками.

— Поздновато ты, — выговорила Гретхен возбужденно и, громко чихнув, отошла от меня. Я закрыла дверь. — Он мне сказал, что ты уже давным-давно выехала. Понятия не имею, который час. Я совершенно выбилась из времени. Это о-о-очень плохо! — проговорила она напевно. — Я вообще не соображаю, где нахожусь, если честно. Поищи меня в ванной. Или в гостиной. Ума не приложу, где меня искать. — Она стала нервно заламывать руки. — Я раньше никогда это не планировала заранее, просто делала, и все, а теперь все так жутко перепуталось из-за моего тупого

братца.

У меня сердце ушло в пятки. Это было явно обострение психоза.

— Ты говоришь какие-то глупости. Успокойся. Давай по порядку. Ты перестала принимать свои лекарства, Гретхен? — спросила я, хотя ответ был более чем очевиден.

— Мне пришлось перестать, глупая ты корова! — вспыхнула Гретхен и, глядя на меня огромными безумными глазами, бросилась ко мне и вцепилась обеими руками в мое пальто.

Мне показалось, что она хочет оцарапать мне лицо, и я в страхе попятилась. От нее разило перегаром, из покрасневшего носа тонкой струйкой текли сопли. Она проворно утерла нос тыльной стороной ладони и снова схватила меня за лацканы пальто.

— Ты кое-чего не знаешь. Я хочу раскрыть тебе тайну, потому что ты должна помочь мне. У меня есть план. Но тайну я тебе раскрою, только если ты скажешь «да». Ты обещаешь помочь мне?

— Да, — неохотно согласилась я и стала снимать пальто.

Я решила попробовать каким-то образом успокоить ее до приезда Бэйли. Я не сомневалась в том, что Гретхен следовало снова уложить в клинику. Она явно была близка к пику острого психоза. Я выдохнула. Мне предстояло снова увидеться с Бэйли. Если бы я только знала... Я бы уж тогда накрасилась получше, принарядилась бы, а не явилась сюда в старых спортивных брюках и кроссовках.

Гретхен отпустила меня, шагнула назад и, нервно шевеля пальцами, сообщила:

— Я беременна! Никто не знает — кроме тебя.

Я остолбенела и раскрыла рот от изумления.

— Мне пришлось перестать принимать литий, потому что это может вредно сказаться на ребенке. — Гретхен начала ходить по комнате маленькими шажками. — Я врачам говорила, что не хочу иметь детей, отчасти они меня потому на литий и посадили. Если хочешь иметь детей, литий принимать нельзя, — мне так сказали. И я очень резко перестала принимать таблетки, да еще эта вечеринка... С выпивкой литий не сочетается, и я все равно не принимала бы его, даже если бы все было нормально. Потому что он бы узнал. Вот почему ты должна помочь мне. — Она провела рукой по растрепанным волосам. — Я не смогу сделать это одна.

Ее глаза заблестели от слез.

— Сделать одна — что?

Она снова метнулась ко мне, схватила меня за руки и затараторила:

— У меня есть план. Я все продумала, все должно получиться. Мне просто нужна твоя помощь. Вот и все, тебе ничего не придется делать... ты должна только вызвать «неотложку». Я рассчитывала на Бэйли. Просто найди меня и позвони. Все будет выглядеть именно так, будто ты меня нашла. А ты просто притворись, будто ты меня нашла и позвонила.

— Вызвать «неотложку»? Что ты несешь?

— Тссс! — прошипела Гретхен. — Сейчас объясню. Том в отъезде по работе, так что все надо сделать сегодня, он завтра возвращается. Нам нужно... только сделать это, и все.

— Сделать — что?

— Избавиться от ребенка, — терпеливо выговорила Гретхен таким тоном, словно имела дело со слабоумной.

Я так резко отдернула руки, что нечаянно поцарапалась о ноготь Гретхен.

— Что? — ахнула я, решив, что ослышалась.

— Все очень просто, — сказала Гретхен, подпрыгивая на месте, словно разогревалась перед пробежкой. — Я уже выпила виски, и если я теперь приму слишком много лития и копроксамола и еще выпью виски, я впаду в кому — мне в психушке все подробно рассказали. Думаю, этого будет вполне достаточно, чтобы избавиться от ребенка. У меня срок небольшой, всего семь недель. Все решат, будто я снова решила покончить с собой, — так или иначе, все ждут, что это может случиться снова. Дома, после Рождества, я нашла книжку у матери под кроватью. Книжка называется «Как жить с маниакально-депрессивным психозом», и она заложила закладку на странице, где было написано: «Данные исследований показывают высокий процент самоубийств в течение года после выписки пациентов из больницы». Понимаешь? Они все готовы к тому, что я снова сделаю это, а про ребенка никто и не подумает интересоваться! Мне просто нужно, чтобы ты вызвала «неотложку», ведь, по правде говоря, я вовсе не хочу умирать. Ты должна будешь позвонить, когда увидишь, что я без сознания, только не медли — иначе может случиться сердечный приступ.

Она основательно высморкалась и снова утерла нос рукой.

— Ты хоть слышишь, что говоришь? — дрожащим голосом спросила я. — Неужели ты вправду могла вбить себе в голову, будто твоя несчастная мать боится и ждет, что такое может произойти, и это укладывается в твой план? Ведь речь идет о ребенке, Гретхен! О ребенке Тома. Ты не можешь так поступить! Я не позволю тебе! Это отвратительно. Нет, попросту жестоко.

— Ребенок не от Тома! Ну, то есть... может быть, и от него... Но мне так не кажется. Знаешь, что я делала в саду во время вечеринки? Я видела, как ты ходила по переулку и смотрела. На самом деле, — с горящими глазами выговорила она, — во всем виновата ты, черт бы тебя побрал! Если бы ты не целовалась с Томом, я бы не подумала, что вы собираетесь снова быть вместе, и я бы уж точно не позволила Пауло снова прикоснуться ко мне!

— Пауло? — в ужасе переспросила я.

— Ой, иди ты куда подальше, — процедила сквозь зубы Гретхен. — Не притворяйся, будто ничего не понимаешь, маленькая мисс «я-такая-хорошая-и-невинная-но-ты-не-получишь-моего-бывшего-любовника-потому-что-мне-это-не-нравится»! — Она театрально надула губки и топнула ногой. — Знаешь, как мне было хреново, Элис? Я плакала и плакала, а Пауло нашел меня и обнял, а потом стал целовать, и... Я не собираюсь терять Тома, Элис. Он — самое хорошее, что у меня было и есть в жизни.

— Но есть же другие способы! Можно иначе изба...

Гретхен яростно замотала головой.

— Если он тебя бросил из-за одного поцелуя с Бэйли, значит, и меня бы бросил из-за этого. Я так старалась, мне это столько сил стоило... Я бы не полетела в Америку просто так. У меня столько всего отняли, но его я не отдам.

— Ты могла бы... Минутку, что ты сказала? — оторопело спросила я. До меня только что дошел смысл ее слов.

— Он мой, — дерзко объявила Гретхен. — И никто его у меня не отнимет.

— Нет, перед этим — что ты сказала?

Она немного растерялась.

— Перед чем? Ну хватит уже болтать, Элис. — Она нервно замахала руками. — Мы просто должны сделать это!

— Ты потащишься за ним в Америку? — надтреснутым голосом спросила я. Волна гнева захлестнула меня.

— Да! То есть... нет... не знаю. А если да, что с того?

Гретхен пошла к бутылке, валявшейся на ковре, покачнувшись, наклонилась и упала на ковер рядом с бутылкой. Отвернув колпачок, она сделала большой глоток и, сунув в рот несколько таблеток, поморщившись, с трудом проглотила их. Снова глотнула виски, поперхнулась и закашлялась. Вытерла губы рукой и сказала:

— Видишь? Обратной дороги уже нет.

Она с маниакальным торжеством улыбнулась.

Я была в полном ужасе от нереальности того кошмара, который творился у меня на глазах. Я словно бы смотрела сцену из триллера.

Гретхен зажмурилась и снова хлебнула виски — да так много, что поперхнулась еще сильнее и прикрыла рот ладонью.

— Бррр! — Гретхен поморщилась и негромко рыгнула. Помолчав, она пьяно улыбнулась мне. — Меня не должно стошнить.

Наконец я опомнилась, бросилась к телефону и начала набирать «999».

Я думала: «Если ее быстро доставят в больницу, ей промоют желудок. Будем надеяться, что больше она себе не навредит».

Я не могла поверить, что она беременна.

— Нет! — Гретхен протянула руку и вырвала у меня телефон. — Еще рано! Сознание я потеряю только через полчаса.

Она высыпала из баночки на ладонь еще три или четыре таблетки, встала и поплелась в кухню.

— Пожалуй, хватит, — проговорила она, и мне показалось, что она произносит слова более заторможено, чем раньше.

— Ты уже принимала таблетки? — спросила я, и Гретхен кивнула. — Когда? До того, как я пришла?

— Хм, — растерянно выговорила Гретхен. — Кажется, раньше. Как раз перед тем... как позвонил Бэйли и сказал, что точно не приедет.

О господи. Если так, то уже могло быть слишком поздно. Что она натворила?

Я схватила телефон. Гретхен попыталась отнять его у меня.

— Прекрати! — крикнула я и так свирепо зыркнула на нее, что она от испуга попятилась.

Только я собралась набрать номер, как искоса глянула на Гретхен и заметила, что она украдкой сунула в рот что-то маленькое, белое. Еще одну таблетку.

— Хватит! — в отчаянии воскликнула я.

Она вдруг побледнела.

— Меня сейчас стошнит.

Она встала и побежала к ванной. Послышался жуткий шум, что-то упало. Я бросила телефон и поспешила вслед за Гретхен. Она наклонилась над унитазом, ее тело сводило спазмами. Несколько флаконов с шампунями и гелями для душа, стоявшие на краю ванны, упали на пол. Я видела, как подергиваются мышцы на шее Гретхен, видела ее лицо, искаженное гримасой.

— Нет, нет! — в отчаянии проговорила она, отдышавшись. — Если меня вырвет, ничего не получится.

— Засунь два пальца в рот — немедленно!

Я обхватила руками голову Гретхен и попыталась засунуть пальцы ей в рот.

«Она больна, она очень больна, — твердила я себе. — Только безумице мог прийти в голову такой жуткий план. Она не в своем уме. Ей нужно помочь!»

— Уйди... от... меня!

Гретхен оттолкнула меня и ударила кулаком. Удар пришелся на подбородку. Меня раньше никогда так не били. Боль в скуле была такая острая, словно меня прижгли каленым железом. Я в ужасе прижала руку к лицу и ошеломленно уставилась на Гретхен.

— Ты ударила меня! — произнесла я абсолютно бесполезные слова.

Гретхен упала на колени, ухватилась за край ванны, подтянулась и, запрокинув голову и закатив глаза, уставилась в потолок.

— Пойду в комнату, — объявила она заплетающимся языком и, пошатываясь, побрела в гостиную. Я — за ней.

Она снова взяла бутылку с виски, но не успела снять колпачок. Не удержалась на ногах, упала. Бутылка разбилась. Комнату наполнил липкий, горьковатый запах алкоголя.

— Черт! — выругалась Гретхен. Ее глаза наполнились слезами. — У меня больше нет!

Виски не успел еще впитаться в ковер. Гретхен, стоя на четвереньках, наклонилась к лужице и принялась слизывать виски языком.

— Нет! — прокричала я в ужасе. — Там полным-полно осколков! — Я оттащила ее подальше, усадила около стены. Она привалилась к стене и закрыла глаза, скривилась от боли и обхватила живот руками.

— Меня тошнит, сейчас вырвет, — пробормотала она. — Больно!

— Только не шевелись, — испуганно проговорила я. — Сейчас, сейчас...

Я встала, взяла телефон и поспешила вернуться к Гретхен. Но прежде чем я успела набрать номер, она охнула, и ее голова упала на грудь. Я положила телефон на стул, села рядом с Гретхен и схватила ее за волосы.

— Пусть тебя вырвет! Не бойся, я все уберу!

Гретхен обмякла, ее движения стали заторможенными.

— Не-е-е-е-ет, — пробормотала она, вяло пытаясь оттолкнуть меня. Я протянула руку к телефону. — Я расскажу тебе еще кое-какие секреты. Слушай, слушай. Не звони. Тссс! — Она прижала палец к губам. — Я тебе

расскажу про Бэйли.

Я замерла.

Гретхен криво усмехнулась, с трудом подняла руку и положила мне на плечо. Потом с таким же трудом подняла голову и посмотрела на меня.

— Это я велела ему перестать встречаться с тобой. Я сказала ему, что не хочу, чтобы он был твоим любовником, и он сказал: «Хорошо» — и бросил тебя. Мне не нравилось, что ты отнимаешь его у меня.

— Ты лжешь, — прошептала я. — Ты этого не делала. Ты была в Америке. С Томом.

Я взяла телефон. Гретхен раздраженно сдвинула брови и с усилием выговорила:

— Я нарочно рассказала Тому про тебя и Бэйли. Том так тосковал по тебе, Элис. Мне пришлось очень сильно любить его. Очень много. Где только мы не занимались любовью. В спальне. В кухне. В вашей квартире.

— Заткнись!

Я оттолкнула ее от себя с полным отвращением. Ее мерзкие злые слова обжигали мое сердце.

Я перестала поддерживать Гретхен, и она начала боком сползать на пол. Она замолчала, а потом ее глаза вдруг снова широко раскрылись. Телефон лежал на полу рядом с ее лицом. На этот раз я не потянулась за трубкой. Гретхен едва заметно довольно улыбнулась.

— Хочешь, чтобы тебе помогли? Вот и звони сама, — вдруг проговорила я дрожащим голосом и встала.

— Не-е-е-ет! — капризно протянула Гретхен. — Должно быть... как самоуби-и-ийство. Не бросай меня!

Она перевела взгляд на телефон, с огромным усилием подняла руку и подтолкнула трубку ко мне.

— Теперь звони, — сказала она, полуприжав лицо к коврику. — Звони уже. Ты должна им сказать, Элис. Куча таблеток.

— Что я тебе такого сделала? — прошептала я. — Ты все только портишь, все разрушаешь... меня, Тома, Пауло... Я даже не знакома с твоей бедной мамой, а она читает книжки, хочет помочь тебе... А теперь еще это... Ты велела Бэйли порвать со мной? Как ты могла? Ты ничем ни с кем не хочешь делиться. Все должно принадлежать тебе. Ты — ходячая отравка. Все, к чему ты прикасаешься, становится ядовитым. Я доверяла тебе! — выкрикнула я с горечью, и горячие слезы потекли по моим щекам. — Я считала тебя лучшей подругой! Том сказал мне, что я сумасшедшая, когда у меня возникли подозрения... а ты говорила, что оказала мне любезность, позволив пожить в своей квартире, но я была права! Ты просто хотела

убрать меня со своей дороги! И как ты можешь так поступать с Томом? Он будет в отчаянии, он такой славный, такой хороший! Почему ты просто не можешь оставить всех нас в покое — как бы нам всем было хорошо без тебя! Нет, ты не больна — ты просто отвратительна!

Гретхен смотрела на меня остановившимся взглядом. А когда у меня кончились слова, она — видимо, из последних сил — приподнялась и села, а потом попыталась подтолкнуть ко мне телефонную трубку ногой, но у нее не получилось. Она бы сейчас перышко не смогла сдвинуть с места.

Она с трудом подняла голову и посмотрела на меня; глаза у нее слипались.

— Пожалуйста, — еле слышным шепотом проговорила она.

— Да, ты такая! Гадкая, злобная! Ты ни перед чем не остановишься! — дрожая, выкрикнула я. — Я ненавижу тебя! Ненавижу!

— Помоги, — выдавила Гретхен.

Я не взяла телефон. Я обессиленно опустилась на ковер, обхватила колени руками и несколько секунд сидела неподвижно, заливаясь слезами.

Она смотрела на меня опухшими полуприкрытыми глазами. Говорить она уже не могла, но явно понимала, чего я *не* делаю.

А потом ее глаза закрылись, голова снова опустилась на грудь.

Я начала раскачиваться на месте и стонать. Тоска и страх охватили меня. А потом почувствовала рвотные позывы, поднялась, добрела до ванной, и меня вытошнило.

Когда я вернулась в комнату, Гретхен уже не шевелилась.

Честно говоря, не помню, сколько я потом еще просидела рядом с ней.

У меня стучали зубы, все тело сотрясалось от дрожи. Но как долго? Не знаю... Правда не знаю.

Помню отвратительный вкус блевотины во рту. Кажется, я еще раз сходила в ванную, прополоскала рот и горло, подняла голову и увидела свое отражение в зеркале. С подбородка капала вода. То место, куда меня ударила Гретхен, еще болело. Я пригляделась — синяка не было. Но я все смотрела и смотрела в зеркало. Наверное, несколько часов могла бы так простоять.

Но я вернулась к Гретхен. Я не бросила ее. И я позвонила в «неотложку». Медики приехали и нашли нас.

Она оказалась нрава: все считают, что она, страдающая тяжелой формой маниакально-депрессивного психоза, перестала принимать свой литий и пыталась свести счеты с жизнью — как с ней уже бывало раньше. То есть все, кроме той медсестры, которая убеждена, что я помогла

Гретхен сделать это из милосердия. Про беременность Гретхен я никому не рассказала. Хотя бы это обещание я сдержала.

Но если она очнется, если выживет после этого «вторичного осложнения», она расскажет всем, что на самом деле случилось. И если все узнают, что я специально не позвонила раньше, я потеряю абсолютно все.

Но с другой стороны... Если она так и не очнется, если умрет... виновата в этом буду только я.

А вдруг она уже умерла, пока я сижу тут, в часовне? Что я тогда буду делать? Расскажу кому-нибудь — или мне придется до конца жизни носить в себе эту тайну? Может быть, Том с горя вернется ко мне и я утешу его? Может быть, в конце концов мы станем еще ближе, чем прежде, словно и не было никогда никакой Гретхен? Или, может быть, Бэйли, в тоске от потери сестры, хватится за меня, поскольку я, одна из немногих, понимала Гретхен. Может быть, он решит, что нам стоит попробовать начать все сначала?

Или случившееся разбросает нас всех в разные стороны и мы будем не в состоянии видеть друг друга только потому, что будет слишком больно и мы не сумеем излить друг другу нашу тоску? Если она умрет — разве Том не узнает о том, что она ждала ребенка? Ведь все обязательно станет известно после вскрытия? О боже — это убьет его, он будет мучиться до конца своих дней. И в этом тоже виновата я.

Бэйли прав. Запах в этой часовне просто жуткий. Сырость, пыль, затхлость. Но все равно мне хотелось бы спрятаться здесь навсегда. Я знаю: эта ночь станет самой долгой в моей жизни. К утру, как сказал тот врач, будет ясно, выкарабкается Гретхен или нет.

Я молюсь только о том, чтобы Господь простил меня. Мне очень-очень страшно.

Я не представляю, как это могло случиться с обычной женщиной вроде меня, у которой был любимый, работа, нормальная жизнь.

Глава 29

В палате нет окон, но я догадываюсь, что уже рассвело. Том и Бэйли радостно ерзают на стульях с гипертрофированной бодростью людей, за ночь не сомкнувших глаз. Они словно всю ночь летели на самолете и наконец добрались до места, где их ждал праздник, и это подарило им новый заряд энергии.

— Я опять это заметил! — восклицает Бэйли и указывает на Гретхен. — Ее веки дрогнули!

Молодая медсестра улыбается и соглашается с ним.

— Все идет очень хорошо.

Бэйли смотрит на нее таким взглядом, словно эта медсестра — самая красивая женщина из всех, кого он видел в жизни, и вообще, как будто мир воистину прекрасен.

— Пожалуйста, скажите мне еще разок, какой процент кислорода сейчас?

— Сорок процентов! — радостно улыбается медсестра.

— А! — довольно произносит Бэйли, хотя он об этом спрашивает уже третий раз за час.

Даже Том улыбается, хотя он еще сильно подавлен, но все же видно, что он тоже испытывает большое облегчение.

А мне так тошно и страшно, что кажется, если я сделаю слишком резкое движение, меня сразу вырвет.

— А когда она сможет писать и говорить? — спрашиваю я.

Медсестра качает головой.

— Пока она еще получает успокоительные. В лучшем случае — завтра.

Значит, у меня еще есть время до конца дня... О Господь милосердный. Что же мне делать? Наверное, лучше уйти. Просто уйти, и все. Как я смогу быть здесь, когда она очнется? Пока я боюсь даже обращаться к медсестрам. Вдруг им поручено следить за мной и слушать каждое мое слово на тот случай, если я невольно признаюсь в своем преступлении.

— Может быть, тогда стоит съездить домой и принять душ, переодеться? Ведь ничего не случится за это время.

Я не смогу находиться здесь, когда она очнется...

Медсестра в растерянности.

— Послушайте, гарантии нет, но... как я уже сказала, ситуация явно улучшилась.

Лицо Бэйли озаряется улыбкой.

У Тома явно больше сомнений.

— Я, пожалуй, останусь.

Бэйли решительно качает головой.

— Том, она вне опасности. Неужели ты хочешь выглядеть как вонючий бомж, когда твоя любимая завтра придет в себя? Она сейчас просто лежит и поправляется. У меня такое предложение: давайте все встретимся здесь после ланча. Разъедемся по домам, вздремнем немножко.

— Ладно, — соглашается наконец Том. Вид у него действительно измотанный. — Но я только переоденусь и сразу вернусь. Пожалуй, возьму такси. Вряд ли сам смогу вести машину.

Бэйли встает.

— Сегодня великий день! — смеется он. — До встречи, сестренка! — Он посылает Гретхен воздушный поцелуй. — Возьмем такси на троих, — решает он. — Таксист нас друг за другом развезет по домам. Сначала тебя, Том, потом Эл, потом меня.

Доктор Майлз Бенедикт выходит из своей машины. Морозное, ясное январское утро.

«Февраль не за горами, а значит, скоро Валентинов день, — думает доктор. — Нужно срочно заказать столик где-нибудь, а не то она мне плешь проест. Уже намекала насчет поездки в Венецию, по всему дому раскидала каталоги ювелирных украшений, раскрытые на страницах со снимками обручальных колечек. Все ее треклятые подружки, как назло, выходят замуж и рожают детишек, а она из-за этого чувствует себя неразорвавшейся биологической бомбой, часовой механизм которой тикает все громче».

Он смотрит на часы. Он приехал вовремя. Пожалуй, даже немного рано. Можно еще забежать в столовую и купить какого-нибудь фастфуда.

Итак, какие порции дерьма его сегодня ожидают? Парень после мотоциклетной аварии. Слетел с сиденья на скорости пятьдесят миль в час в футболке и джинсах, и дорожное покрытие фактически содрало с него кожу, как наждаком. Когда его сняли с каталки, его спина осталась на ней, можно так сказать. Майлз с отвращением морщится. Пожалуй, он не станет завтракать. Он рассеянно думает о том, пережила ли ночь девица с передозировкой. Вряд ли. Ведь она проглотила столько дряни, что эта доза могла бы слона прикончить. Потом Майлз решает все-таки выпить кофе, а

после этого уж подняться в отделение и посмотреть, нет ли кого-нибудь, с кем можно будет договориться поиграть в гольф после смены. Сегодня просто превосходный день для гольфа.

Двадцать минут спустя он бодрым шагом входит в отделение интенсивной терапии. Настроение у него рабочее. Он готов принять смену. Чуть позже выясняется, что в гольф поиграть сегодня никто из коллег не хочет, и это жутко огорчает Майлза, и вдобавок эта идиотка в столовой не только облила ему руку кофе, но к тому же дала ему кофе с кофеином, а не без, как он просил. Это он понял только тогда, когда по пути в отделение выпил половину стакана, и теперь у него разболелась голова. Неужели так трудно налить то, что просит человек, каждый день спасающий людям жизнь?

Майлз заходит в пятую палату и, к своему изумлению, обнаруживает, что девица после передоза все еще пребывает в мире живых; она просто-таки ускоренными темпами идет на поправку. На счастье, в палате нет родственников, с которыми надо вести вежливые беседы. Только медсестры. В нервной тишине Майлз просматривает записи в истории болезни и сердито произносит:

— Кислородная поддержка — сорок процентов. Почему вы до сих пор вводите ей успокоительные?

Старшая медсестра, сопровождающая Майлза, толкает локтем молоденькую. Та стыдливо опускает глаза. Старшая говорит:

— Я не успела дать указания.

Неужели он все должен делать сам?

— Хорошо, отменяйте пропофол, — распоряжается он. — Разбудите ее и проведите экстубацию! Она такая молодая, ради бога! Давайте же! Шевелитесь!

Майлз строго смотрит на младшую медсестру. Та не смеет встретиться с ним взглядом. Майлз вдруг замечает, что у нее роскошная грудь. А мордашка подкачала, увы. Будто лопатой пришибли. Ну все, все...

— Так... — решительно произносит Майлз. — Пойдемте дальше, сестра. Следующий пациент, пожалуйста.

На автостоянке около больницы мы втроем ждем такси. Нет, мы не поедem все на одной машине. Хотя в палате мы и напоминали некое содружество, стойло нам выйти в реальный мир, мы сразу почувствовали, что это было бы слишком дико.

Странное зрелище — эти больничные автостоянки. С одной стороны, тут можно увидеть счастливых, гордых отцов, заботливо усаживающих в

машину усталых матерей с новорожденными младенцами. С другой стороны, тут бродят нервные, взволнованные люди, срочно звонящие кому-то с мобильных телефонов и сообщающие ужасные новости, узнав о которых где-то кто-то что-то роняет на пол и в отчаянной спешке принимается искать ключи от машины и туфли.

Том, который очень торопится уехать — наверное, потому, что мечтает как можно скорее вернуться сюда, — спрашивает, можно ли ему взять первое такси. Он рассеянно целует меня в левый висок и говорит:

— Ну, увидимся.

Потом он быстро садится в машину, и она увозит его.

Я остаюсь с Бэйли. Бэйли провожает взглядом такси, увозящее Тома. Машина поворачивает за угол и скрывается из вида.

— Смешной мальй, — качая головой, говорит Бэйли. — Такой правильный и честный. Что видишь, то и получишь.

Подъезжает следующая машина.

— Твоя очередь, — с улыбкой говорит Бэйли. В его взгляде усталость и облегчение, ну прямо мудрый правитель! — Поезжай, правда. Встретимся здесь.

— А ты что будешь делать? — спрашиваю я, взявшись за ручку дверцы. Бэйли зевает.

— Сначала просто упаду. Потом душ приму, посплю. В таком духе.

— Поедем ко мне, — неожиданно без раздумий предлагаю я.

В первый момент Бэйли теряется. Потом с улыбкой говорит:

— Ты очень добра, Эл, но все будет нормально. Она пошла на поправку, и я справлюсь, обещаю тебе. До встречи.

Он посылает мне воздушный поцелуй.

Я вымученно улыбаюсь и сажусь в такси. Заднее сиденье покрыто шершавой коричневой искусственной замшей. Сильно пахнет окурками. К этому запаху добавляется не самый приятный аромат, выпускаемый подвешенной к зеркалу заднего вида елочкой-дезодорантом. Я моргаю, пытаюсь прогнать слезы. Я ведь совсем другое имела в виду, Бэйли.

— Так куда едем? — спрашивает таксист.

Я не вижу его губ — только глаза, отражающиеся в зеркале и вопросительно глядящие на меня. Я называю свой адрес. Таксист молча поворачивает руль и отъезжает от больницы. Я не оглядываюсь, но краешком глаза вижу, что Бэйли машет рукой мне вслед.

У меня остался только сегодняшней день с ним и Томом. Вот и все. Завтра она очнется, сможет писать, а может быть — и говорить и, конечно, сумеет всем рассказать о том, что я все сделала специально и не оказала ей

помощь. Том и Бэйли поверят, что я хотела ее смерти. Сегодняшний день — все, что у меня осталось.

Всю прошлую ночь, пока мы сидели в больнице и ждали, когда стало ясно, что худшее позади, когда Гретхен уменьшили кислородную поддержку, когда Том и Бэйли радовались каждому подрагиванию ее век, я думала только об одном: «У меня нет выбора — мне просто придется исчезнуть. Собрать вещи и уехать».

Завтра наступит, она очнется. Конечно, я так рада, что она не умрет, но теперь мне страшно за себя.

Я в полном отчаянии. Мне жутко оттого, что я поступила так с той, которую когда-то держала за руку и уверяла в том, что всегда буду ее лучшей подругой. Я должна исчезнуть.

Ради чего мне оставаться, если на то пошло? Комната в съемной квартире, студия, которую я арендую для съемки от раза к разу. Ни друга, ни родственных связей. У Френ теперь своя маленькая семья. Мама и папа думают только о том, как бы поскорее выкинуть Филя из родительского гнездышка, чтобы спокойно жить дальше, а Филу и самому наверняка очень скоро надоеет ничего не делать, и он решит, что пора начать собственную жизнь. Я их всех очень люблю, я знаю, что они меня тоже любят, но я не уверена в том, что они понимают меня лучше, чем я сама. У всех такая безумная жизнь. Мы — типичная, географически-разрозненная и отчаянно замотанная современная семья. Разве моим родственникам не будет безразлично, если я немного поживу для себя? Мне пришлось лицом к лицу столкнуться с очень неприятными истинами — и, быть может, это не так уж плохо. Нужно просто забрать фотокамеру и уехать. Нужно научиться делать выбор, перестать плыть по течению. Построить новую жизнь... где угодно, только подальше от Гретхен.

— Мы не могли бы остановиться около банка по пути? — спрашиваю я у таксиста. — Мне нужно снять немного наличных.

Оставлю Пауло месячную плату за квартиру. Все барахло, какое не смогу забрать, пусть выбросит. Это самое меньшее, что я в силах сделать. Может быть, поступлю так, как следовало поступить с самого начала. Съезжу на недельку к Вик, а там посмотрим. Она всегда такая замечательная: умеет выслушать, посоветовать, утешить. Но как я смогу рассказать ей обо всем этом? Впервые в жизни мне придется что-то от нее утаить. Я никому не могу признаться. Теперь я совершенно одинока.

Что я скажу Тому и Бэйли? Что уезжаю в отпуск? Что мне предложили невероятную, просто потрясающую съемку и я никак не могу отказаться от этого предложения? Наверное, сейчас, когда Гретхен уже вне опасности,

они будут готовы мне поверить, даже если я объявлю, что улетаю на Плутон. Они думают только о ней.

А что касается ее... Если она очнется и увидит, что меня нет, то может быть, сначала ничего никому не расскажет. Может быть, потянет время, будет ждать, когда я появлюсь, чтобы ее рассказ о том, что случилось на самом деле, позволил ей сорвать куш побольше. Но я не вернусь. Все пройдет, и мы все просто будем жить своей жизнью, стараясь изо всех сил.

Такси переезжает через «лежачего полицейского», машину слегка встряхивает. Мы поворачиваем на более оживленную улицу, подъезжаем к перекрестку со светофорами. Слева — автобусная остановка. Там стоит женщина. Руки в карманах, на запястье — ремешок сумочки. Она смотрит в одну точку с тупой решимостью, и я понимаю, что она каждый день ждет автобус на этой остановке, сколько себя помнит. За спиной у женщины вывеска: «ПРОБЛЕМЫ С НАЛИЧНОСТЬЮ? ОБНАЛИЧИВАЕМ ЧЕКИ!», рядом — закрытое кафе под названием «Большой Джо», где готовят кебабы, а чуть дальше — прачечная с вывеской «ЗДЕСЬ СТИРАЮТ ПУХОВЫЕ ОДЕЯЛА!». Как далеко я буду отсюда, когда люди начнут обналичивать свои чеки, жевать жирные куски мяса и отдавать в стирку свои вещи на следующей неделе, в следующем месяце, в будущем году?

Мы проезжаем мимо закрытого цветочного магазина, где на витрине уже полным-полно сердечек — торговая сеть готовится к Дню святого Валентина. «НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРО 14 ФЕВРАЛЯ!» — напоминает плакат, который держат в клювах картонные голубки.

Забуть? Как я могу об этом забыть?

Бэйли... Я даже не могу сказать, что потеряла его, поскольку он по большому счету никогда не принадлежал мне, как бы сильно я его ни любила. Но безусловно, я готова годами жить надеждой на его возвращение. Он заставляет меня вести себя смело — если бы он понял меня правильно, быть может, мы бы сейчас сидели рядышком в этом такси и ехали бы ко мне, к моей постели, но что бы со мной стало после его ухода? Ведь он все равно ушел бы.

Я не представляю, можно ли еще встретить такого мужчину, как он. А может, и не стоит встречать. Наверное, просто нужно держаться от таких подальше до тех пор, пока память не сжалится над тобой, пока не забудешь о том, что такие мужчины — как наркотик, и тогда будет не так больно, а потом — еще меньше. Ничего хорошего мне не принесла встреча с ним в тесных больничных помещениях, где, как бы близко мы ни были друг к другу, он все равно оставался недостижим. Для меня, по крайней мере. Я

знаю, что солгала, когда Том спросил у меня, кого бы я выбрала — его или Бэйли. Сколько бы меня ни спрашивали, ответ всегда был бы один: Бэйли. Надеюсь, в один прекрасный день судьба подарит мне такой же поцелуй, как тот, с ним, на Лестер-сквер, но этот мужчина тоже будет любить меня.

Что же до Тома... Разные мужчины есть на свете, и есть Том. Одного его я удержу в своей памяти как образец того, каким хорошим может быть человек. Господь любит мучеников, и я думаю, что Господь любит Тома, как его люблю я. Он встает на бой, он расправляет плечи и всегда поворачивается лицом к солнцу, но при этом он нежен, добр и правдив.

Если бы лично для меня наступил конец света, я бы хотела, чтобы со мной рядом оказался Том... правда, я очень этого хочу. Не знаю, как такое может быть, — теперь я понимаю, что мы не сможем быть счастливы вместе. Но я, пожалуй, готова на все: даже на то, чтобы он остался с Гретхен, лишь бы только он каким-то образом сохранился в моей жизни.

Но конечно, она не позволит, чтобы так было, и теперь мне пора попрощаться с ними обоими.

Я не стану скучать по Гретхен. Уверена, и она по мне тосковать не будет.

Глава 30

Бэйли целых полтора часа проговорил по телефону с матерью, уговаривая ее приехать в больницу. Она то истерически рыдает от радости, то успокаивается и злится. Она упорно утверждает, что сегодня приехать никак не сможет, просто выжата как лимон после исполнения главной роли в спектакле, и к тому же до завтра Гретхен все равно не очнется.

Бэйли устало думает: «Вот именно. До завтра она не очнется. Приезжай и посиди рядом с ней — поплачь, покричи на нее, пока она тебя не слышит».

Но мать упрямо отказывается, и Бэйли, проиграв бой, сдается. Положив трубку, он смотрит на часы. Два часа дня. Пора в больницу. Он немного поспал и чувствует себя лучше, но, чтобы избавиться от остатков стресса, решает быстренько принять душ. Взяв в шкафу чистое белье, он думает, что надо бы позвонить Анне-Лизе, с чьей постели он неохотно встал вчера утром. Черт, ведь он только вчера проснулся в Испании? С ума сойти. Просто сойти с ума.

«Спасибо тебе, Господи, — думает Бэйли. — Я тебе очень многим обязан».

Том просыпается в три часа четырнадцать минут дня, уткнувшись лицом в подушку на их с Гретхен кровати. В первый момент он ничего не понимает. Почти целую минуту он моргает и собирается с мыслями. Наконец до него доходит, что он больше четырех часов назад решил прилечь на минутку. Он ругается и вскакивает. Вчера он приехал такой измученный, но, войдя в квартиру, обнаружил страшный беспорядок. Пахло пролитым виски, везде валялось битое бутылочное стекло. К тому времени, как он смел осколки и завернул их в газету, подобрал разбросанные по ковру таблетки и пересыпал их в баночку, пропылесосил ковер, подобрал упавшие с ванны шампуни и гели, вымыл заблеваный унитаз и раковину, ему просто пришлось прилечь, другого выбора не было.

Через десять минут он уже принял душ, переодет и готов идти. Он берет ключи и замечает мешок с мусором, аккуратно завязанный и стоящий около входной двери. Он решает, что можно заодно захватить и выбросить мусор из кухни. Он сует ключи и бумажник в задний карман и

идет в кухню.

Он вынимает мешок из мусорного ведра, но, как назло, треклятый мешок рвется в тот самый момент, когда он его вытаскивает, — ровно рвется, словно его рассекли хирургическим скальпелем. Мусор вываливается через прореху, будто из лопнувшего кишечника. Том, искренне сожалея, что ему пришла в голову дурацкая мысль выбросить этот мусор, уже готов засунуть мешок обратно в ведро, но, скрипнув зубами, убеждает себя в том, что все равно сделать это нужно. Он открывает ящик кухонного стола и берет новый мусорный мешок. Поднимает порванный и пытается аккуратно уложить его в новый, стараясь не испачкать брюки и ничего не уронить на пол. К несчастью, из порванного мешка все-таки выскакивает картонная трубочка от рулона туалетной бумаги, заткнутая с обеих концов бумажными носовыми платочками, консервная банка от супа и... (Том едва удерживается, чтобы его не стошнило) куриные косточки и полистироловый поддон, на котором некогда лежали две свежие форели. Теперь запахок далеко не свежий. Том морщится и сначала собирает куриные кости. Потом намеревается поднять картонную трубочку и замечает, что при падении скомканный бумажный платок с одной стороны вывалился, а внутри трубочки спрятано что-то еще, тоже белое.

Сначала Том решает, что это использованный аппликатор для тампонов, но нет, это что-то не пластиковое, слишком длинное. А в следующий момент он понимает, что перед ним — полоска теста на беременность.

Он растерянно вынимает полоску из трубочки и внимательно рассматривает.

— О господи! — громко восклицает Том и опрометью мчится к двери.

Я выхожу из второго за день такси рядом с больницей. Время — четверть четвертого. Я упаковала все, что планирую взять с собой сегодня вечером, и оставила в квартире. Я позвонила Вик, поговорила с отцом. Дел у меня больше никаких нет, осталось только попрощаться с Томом и Бэйли. Я уверена, что они уже здесь и сидят в палате, глядя на безмолвную, но неуклонно поправляющуюся Гретхен.

Следуя указателям, я миную часовню, столовую, рентгеновский кабинет, поднимаюсь по лестнице и в последний раз открываю тяжелые двойные двери отделения интенсивной терапии. На сестринском пункте никого нет. Коридор выглядит точно так, как с утра. Я вижу, что дверь палаты Гретхен открыта. Подхожу и в ужасе замираю на пороге.

Гретхен сидит на кровати. Она пришла в чувство, она смотрит на меня в упор. Это похоже на страшный сон — но, увы, все происходит на самом деле.

— Сюрприз, — хрипло выговаривает она. Она не улыбается.

Глава 31

Я молча смотрю на нее, не в силах произнести ни слова. Ноги у меня как ватные. Ремешок сползает с моего плеча, сумка падает на пол. Я неуклюже шевелю пальцами, пытаюсь схватить сумку, но я ужасно напугана, меня завораживает бесстрастный взгляд Гретхен. Она изучает мое лицо, словно бы вспоминает меня.

— Как... Откуда ты здесь... взялась? — с трудом выговаривая каждое слово, произносит она.

Эта короткая фраза подсказывает мне: она все помнит.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, в дверь заглядывает незнакомая медсестра и спрашивает:

— Все в порядке? — Она радостно улыбается — значит, скорее всего, ничего не знает. Или знает не все. Гретхен вяло кивает. — Главное, не перенапрягайтесь, — советует медсестра. — Вы еще очень слабы. Говорите поменьше, пусть побольше говорит ваша подруга.

Она подмигивает мне и исчезает, тихо закрыв за собой дверь.

— Хорошая мысль, — с трудом шепчет Гретхен.

Но я все еще молчу. Как это возможно? Ведь сказала же: в лучшем случае — завтра...

— Ты бросила меня, — произносит Гретхен чуть позже. — Ты не позвонила в «неотложку».

Она неловко усаживается поудобнее и ждет.

Мое сердце начинает бешено колотиться.

— Я попросила тебя вызвать мне «неотложку», а ты не вызвала.

— Я позвонила и вызвала, — возражаю я. — Я ехала с тобой в «неотложке». А потом все время была здесь!

Гретхен непонимающе хмурит брови.

— Но я же видела, что ты нарочно (последнее слово она произносит очень старательно) *не* звонила.

Тут голос у нее окончательно срывается, она пытается сесть повыше и дотянуться до стакана с водой, стоящего на тумбочке. Я инстинктивно делаю шаг, чтобы подойти и подать ей стакан, но она одаривает меня таким взглядом, что я пячусь назад.

— Долго ты ждала? — спрашивает Гретхен. Она, морщась от боли,

делает несколько глотков воды и откидывается на подушки.

— Не помню.

— Не важно. Главное, что ты вообще ждала. Ты нарочно это сделала.

Гретхен устало закрывает глаза.

— Я... — растерянно произношу я.

— Уходи, — говорит она, открыв глаза, повернув голову и пристально глядя на меня. — Просто убирайся. И больше близко ко мне не подходи. Держись подальше от меня, от Тома и от моего брата.

— Я так и собиралась сделать. — Мои глаза наполняются слезами. — Я вечером уезжаю.

— Куда?

— Какая разница.

Я с вымученной улыбкой пожимаю плечами и беспомощно развожу руками.

Гретхен недолго размышляет над моими словами.

— На самом деле никакой.

— Гретхен...

Мне хочется сказать ей, как мне жаль, но она прерывает меня и произносит так громко, как только может:

— Уходи. Немедленно.

— Я просто хочу попрощаться с Томом и Бэйли, — говорю я. — Что в этом плохого?

Гретхен решительно усаживается повыше и трясет головой.

— Нет. Я хочу, чтобы ты ушла.

— Но я все равно уезжаю. Неужели ты не можешь просто...

— Если ты только попробуешь остаться, — хрипло выговаривает Гретхен, — я расскажу им, что ты сделала. Тебе решать.

Я смотрю на нее, сидящую на кровати. К сгибу ее локтя присоединена тоненькая трубочка, идущая от капельницы, ее пропитанные потом волосы зачесаны назад, под глазами залегли темные тени. Она пока хрупка, как паутинка, но одновременно крепка, как сталь, — как тогда, когда лгала мне, что это она велела Бэйли бросить меня, и призналась в том, что потащила за Томом в Штаты и разыскала его там.

— Ты потеряла ребенка, Гретхен?

— Какого ребенка? — недоуменно спрашивает она.

— Твоего ребенка. Того, от которого ты... — Я с трудом выдыхаю... — Того, от которого ты хотела избавиться, и просила меня помочь. Ты говорила, что чувствуешь: ребенок не от Тома, и еще ты говорила, что я должна знать, чем ты занималась в переулке с Пауло во время вечеринки.

— О чем ты, черт бы тебя побрал?

Гретхен сильно кашляет, хватается за горло и снова тянется за водой.

Я смотрю на нее, не веря своим глазам и ушам.

— Что я долго не звонила в «неотложку», ты помнишь, но почему так случилось, ты почему-то забыла. Бэйли позвонил мне и сказал, что он опаздывает к тебе, а ты, похоже, здорово перебрала. Я приехала к тебе, ты была пьяная, успела принять несколько таблеток и объявила мне, что беременна и точно не знаешь, от кого ребенок, и что у тебя есть план, как от него избавиться. Ты хотела все обставить как попытку самоубийства, ты уверяла меня, что все подумают, будто все так и было. Мне нужно было только сделать вид, что я нашла тебя в таком состоянии, но необходимо было дождаться определенного момента — чтобы ребенок погиб, но сама ты могла выжить. Я пыталась отговорить тебя, я умоляла не делать этого, а ты меня ударила, а потом сказала, что всегда хотела заполучить Тома и нарочно рассказала ему про нас с Бэйли, и еще что ты заставила Бэйли бросить меня...

У меня срывается голос, я вся трясусь от выброса адреналина.

— Я не имею, — произносит Гретхен и в упор смотрит на меня, — ни малейшего понятия, о чем ты говоришь. Нет никакого ребенка, Элис. Спроси медсестру, которая только что меняла мне прокладку, если ты мне не веришь.

От такого негигиеничного объяснения я морщусь, мне становится очень тоскливо.

— Значит, ты потеряла его? — спрашиваю я. — Как и хотела?

Гретхен, глазом не моргнув, говорит:

— Да некого мне было терять. У меня маниакальная депрессия, у меня случается бред. Я больна! Ты это прекрасно знаешь. — Она наклоняется и пьет воду. — Нельзя верить всему, что я могу наговорить во время приступа, — я несую какую угодно чушь!

— Вчера мне так не показалось! Ладно, ты была не в себе, но, похоже, ты все-таки четко рассчитала, чего хочешь, как далеко тебе можно зайти!

Она откидывается на подушки, снова закрывает глаза и говорит:

— Все очень просто. Я перестала принимать свои лекарства, потому что была счастлива. Я решила, будто они мне больше не нужны. Честное слово, я так думала. Извини, что стукнула тебя, но я точно не беременна. И не была. И я отчетливо помню, что ты — разумная, трезвая, в здравом рассудке — нарочно отказывалась мне помочь, когда это было необходимо.

Последние слова она произносит с особым акцентом.

У меня кружится голова, я с трудом держусь на ногах.

— Я... я не хотела, чтобы ты умерла, Гретхен, — наконец произношу я. — Я просто была в полном шоке от того, что ты натворила. Мне не хотелось, чтобы Тому довелось все это пережить, и я очень, очень сильно разозлилась на тебя... Ты говорила мне просто жуткие, омерзительные вещи.

— И что? Ты не могла пропустить мои слова мимо ушей? — хриплым голосом кричит Гретхен. — Я чуть не умерла из-за тебя!

Она права. Мне нет прощения.

— Я позвонила в «неотложку»! Позвонила! Я тебя не бросила!

— УБИРАЙСЯ! — свирепо шипит Гретхен. — Пошла вон, я не то я вызову медсестру.

Я вспоминаю вчерашнюю медсестру, которая и так уже настороже после всего, что я в сердцах наговорила ей. Боже, я ведь ей сказала, что не хочу, чтобы Гретхен просыпалась.

Гретхен протягивает руку к кнопке вызова медсестры. Мое сердце бьется с бешеной скоростью.

— Последний шанс, — цедит она сквозь зубы. — Уйдешь сейчас же — и я никому ничего не скажу.

— Хорошо, хорошо! — говорю я. По моим щекам ручьями текут слезы, я комкаю в руках сумку. — А что ты скажешь Тому и Бэйли?

— Что-нибудь придумаю.

Глава 32

Ослепнув от слез, я опрометью бегу по коридору. Налетаю на кого-то. Мне сердито кричат:

— Эй!

Но я только бормочу:

— Извините, — и мчусь дальше по коридору.

Наконец я выбегаю на автостоянку, под холодное январское солнце. В полном отчаянии несусь к стоянке такси. На мое счастье, там стоит свободная машина. Водитель замечает меня, складывает газету, подвигается на сиденье и опускает стекло. Подбежав ближе, я вижу, как он хмурится.

— Ты в порядке, детка? — спрашивает он. Значит, заметил, что я плачу. Я заторможено киваю, называю адрес. — Садись, в два счета доставим.

Он слишком быстро трогается с места и выезжает на дорогу. Впереди на светофоре желтый свет, и в последнюю минуту таксист решает не рисковать и жмет на тормоза. Меня по инерции бросает вперед, я напугана.

— Прощу прощения, — извиняется таксист. — Бензин поганый.

Он смущенно смотрит в зеркало заднего вида.

Но я вижу только такси, подъезжающее слева и разворачивающееся. Там сидит мужчина, нервно глядящий на наручные часы. Он что-то говорит водителю и указывает на больницу.

— Том! — вскрикиваю я, хватаюсь за подголовник и резко поворачиваюсь. Такси проезжает мимо нас. Я смотрю на Тома, а он, конечно, не догадывается, что я в соседней машине.

— Хотите остановиться? — спрашивает водитель, прижав палец к рычажку указателя поворота. — Ваш знакомый?

Я открываю рот, чтобы сказать «да», потому что наверняка Господь решил хоть немножко простить меня и дарит мне возможность хотя бы попрощаться с Томом. Но с другой стороны, Гретхен права — я этого не заслуживаю. Она больна, она нуждалась в моей помощи, а я намеренно тянула время и не позвонила в «неотложку» сразу, как только она меня попросила. Какой человек не сделает этого для другого, совершенно

незнакомому, не говоря уже о подруге? Как бы я ни смотрела на эту ситуацию, как бы ни осуждала Гретхен, какое бы безумие, злость, ревность ни владели мной — я должна была взять треклятый телефон и позвонить. Сразу же. Я должна была позвать на помощь врачей, что бы ни сделала мне Гретхен. Я должна была проявить доброту, подняться выше своих обид, но я не смогла. Меня мучает жуткий стыд и отвращение от того, что я натворила.

— Нет, — говорю я. — Поезжайте.

В отчаянии я оборачиваюсь. Я вижу, как Том выходит из такси, расплывается, как он становится все меньше и меньше, и... Я больше никогда его не увижу. По крайней мере — очень-очень долго. Мне бы только попрощаться с ним! Если я догоню его, прежде чем он войдет, она ничего не узнает.

— Остановите! — кричу я. — Мне нужно вернуться...

Водитель меня хорошо понимает. Он жмет на тормоза, и зарабатывает свирепый вой сигнала едущего навстречу «БМВ». Но таксист не обращает на это никакого внимания. Он резко сворачивает вправо и тормозит позади того такси, из которого вышел Том. Он уже расплатился и почему-то идет до больницы пешком.

— Подождите здесь! — выдыхаю я, открываю дверцу и выскакиваю. — Том! — кричу я.

Он меня не слышит.

— ТОМ! — воплю я во всю глотку.

На этот раз он слышит мой голос и оборачивается. Он удивляется, увидев меня, и нервно машет рукой, призывая меня догнать его. Я бегу, замечая, что на нас с любопытством смотрит парочка курящих пациентов в больничных халатах.

Я догоняю Тома. Я так тяжело дышу, что не могу говорить.

— Нет, нет! Побежали! — говорит он, хватая меня за руку и тянет к дверям.

Я сопротивляюсь.

— Том! Стой! — в отчаянии говорю я. — Что ты делаешь?

— Эл, она беременна! Я не знал! Нужно как можно скорее сообщить врачам, чтобы они что-нибудь сделали, пока еще не поздно!

Мне становится так тоскливо... Я говорю:

— О Том, она...

Но только я собираюсь сказать: «Она все это выдумала», как соображаю: он ведь еще не знает, что она пришла в себя. Он только что приехал. Но тогда откуда он, черт побери, может знать про ее

беременность, которой на самом деле нет?

— Что ты хочешь этим сказать — «она беременна»? — осторожно спрашиваю я.

Ветер треплет мои волосы, прядь падает на глаза, я убираю ее.

— Я нашел тест! — восклицает Том. — Я бы его не нашел, но мусорный мешок порвался, и полоска выпала. Она ее так старательно завернула... Результат положительный!

— Ты совершенно уверен? — спрашиваю я.

— Конечно уверен! Я своими глазами видел! Мне нужно как можно скорее подняться в отделение, я должен сказать об этом, потому что они ничего не знают! Наверное, она перестала принимать свой литий, чтобы не навредить ребенку. Вот у нее и началось обострение. Мы должны сделать что-то! Скорей!

Он смотрит на меня испуганными глазами.

И только теперь я понимаю, что она все, абсолютно все мне наврала. Ребенок был, и план тоже был. Она снова сделала это. Гретхен останется такой, как она есть, до конца своей жизни. Будет делать все, что угодно, лишь бы заполучить то, чего ей хочется, любыми средствами не побрезгует. Растопчет любого, кто встанет на ее пути, но...

Спору нет, она больна. В этом нет никаких сомнений. Жестко ожидать от нее выполнения правил, по которым живут остальные люди. Но в какой момент изощренная манипуляция с ее стороны превращается в поступки, которые заслуживают прощения, потому что она нездорова психически? Можно ли проводить какие-то границы, когда имеешь дело с человеком вроде нее?

Я сейчас могу быть уверена только в том, как вела себя я, в том, как сама поступила.

— Элис! Пойдем! — кричит Том. — Что ты встала?

Он снова хватается меня за руку, но я вдруг четко понимаю, что должна сделать.

Я сопротивляюсь и тяну его назад.

— Стой! — говорю я, едва держась на ногах. Делаю очень глубокий вдох и добавляю: — Том, я должна тебе кое о чем рассказать.

Я веду его к скамейке, и, хотя она покрыта корочкой льда, мы садимся, и я начинаю все ему выкладывать. Абсолютно все как было. Ничего не утаиваю.

Пока я говорю, Том не шевелится. Порой закрывает глаза — то в ужасе, то в гневе. В какой-то момент, когда я плачу, но пытаюсь говорить дальше, он тянется ко мне, но тут я начинаю рассказывать о таком, что он

отдергивает руку и смотрит на меня, не веря своим ушам. Но я все равно говорю. Я просто должна, потому что это правда. Только правда осталась теперь у нас — и только правда может помочь нам обоим освободиться.

notes

Примечания

«Коппелия» — балет Л. Делиба по мотивам новелл Э. Т. А. Гофмана. Коппелия — кукла, которую пытается оживить алхимик Коппелиус. *(Здесь и далее примечания переводчика).*

Выставочный зал в Лондоне.

3

Высшая отметка в английской школе.

«Sticks and stones may break my bones, but names (words) never will hurt me» — строчки из американского детского стишка, которому родители обучают детей, чтобы они могли дать отпор тем, кто их обидно обзывает. «Камни и палки могут сломать мои кости, но обидные прозвища (слова) не ранят меня». Эти строчки неоднократно, в слегка перефразированной форме, использовались в разных песнях — в частности, Джо Кокером в песне «Sticks and Stones».

5

Гоночный автомобиль, способный ехать со скоростью до 265 миль в час.

6

Замок, дворец (фр.).

Ми́лая (фр.).

Ветками омелы в ряде стран принято украшать дом на Рождество.

Bunker (*англ.*) — скамейка, скамья (вт. ч. — на стадионе).

День подарков — праздник, отмечаемый в Великобритании 26 декабря, на следующий день после Рождества.

Американский кинофильм в трех частях (1985–1990). Роль доктора Эммета Брауна, изобретателя машины времени, в нем исполняет актер Кристофер Ллойд.

Героиня напевает сатирическую песенку «Hooray for Hollywood» из репертуара Дорис Дей, немного путая слова.

Celebrity editor — сотрудник глянцевого журнала, занимающийся подбором материалов о знаменитостях.

Песня Рода Стюарта «Do You Think I'm Sexy» появилась в 1978 году. В это время он носил специфическую прическу с торчащими во все стороны волосами.

«Sainsbury's» — британская сеть супермаркетов.

Согласно легенде, царь Соломон однажды обратился к мудрецу с жалобой на то, что подвержен сильным страстям и это ему мешает. Мудрец посоветовал Соломону надеть кольцо с надписью «Это пройдет» и в мгновения сильного гнева или радости смотреть на кольцо. На первых порах кольцо помогало Соломону, но однажды в минуту сильного гнева он взглянул на надпись, и она не отрезвила его. Он сорвал кольцо с пальца и был готов швырнуть его в пруд, но заметил на внутренней стороне кольца еще одну надпись. Приглядевшись, он прочел: «И это тоже пройдет».

«Hush Puppies» — марка американской обуви.

Ричард Брэнсон (р. 1950) — один из богатейших людей в Великобритании, глава корпорации «Виргин».

Аслан — лев, герой сказочного цикла К. С. Льюиса «Хроники Нарнии».

Итон-колледж — престижная частная школа для мальчиков в Англии, основанная в 1440 г. королем Генрихом VI.

«Sage» — английский модный журнал.

Суррей — графство на юго-востоке Англии, где в 1877 году образовалась одна из старейших ассоциаций футбольных клубов. В настоящее время в одном из городов этого графства, Кобхэме, находится тренировочная база футбольного клуба «Челси».

Дэниел Крейг (р. 1968) — английский актер. Роли в фильмах «Золотой компас», «Мюнхен: возмездие», «Казино „Рояль“», «Квант милосердия». В двух последних фильмах Крейг сыграл роль Джеймса Бонда.

Очевидно, имеется в виду, что Элис — однофамилица американского режиссера Джо Джонстона (р. 1950).

Знаменитая песня из репертуара «Deep Purple». Построена на несложном гитарном риффе, считается хрестоматийной для начинающих гитаристов.

Крейг Дэвид (р. 1981) — британский певец в стиле соул, лауреат престижных музыкальных премий.

National Trust — британская независимая неправительственная организация по сохранению исторического и природного наследия.

Знаменитый французский дизайнер обуви.

Брэд Питт (р. 1963) — популярный американский актер. Роли в фильмах «Семь», «Легенды осени», «Интервью с вампиром» и др.

Хоппер — резиновый шар с ручками, которые позволяют сидеть на нем и не падать. Благодаря эластичным свойствам мяча на хоппере можно прыгать.

Том Круз (р. 1962) — популярный американский киноактер. Роли в фильмах «Миссия невыполнима», «Интервью с вампиром», «Человек дождя» и др.

Нгоронгоро — огромный кратер в Танзании, на краю саванны Серенгети, возникший в результате коллапса крупного вулкана около 2,5 миллиона лет назад.

Имеется в виду персонаж сказки А. Милна «Винни-Пух и все-все-все».

По всей видимости, героиня имеет в виду персонажа романа Александра Дюма «Ущелье дьявола», пастушку Гретхен.

Режан Боден — знаменитый английский модельер.

Популярный американский молодежный сериал в стиле «ситком».

Из стихотворения А. Милна «Королевский дворец». Перевод
Н. Слепаковой.

Большое яблоко — прозвище Нью-Йорка.

Синитта (р. 1966) (наст. имя Синитта Рене Мэлоун) — чернокожая британская певица в стиле диско. В 1986 году ее песня «So Macho» была близка к вершине британского хит-парада.

Александр Маккуин — британский модельер.

Долли Партон (р. 1946) — знаменитая американская певица, исполнительница в стиле кантри.

Намек на габариты британской певицы Тэсси О'Ши, прозванной Двухтонной Тэсси (Two-ton Tessie).

Хищное сумчатое животное, эндемик австралийского острова Тасмания.

«Классный мюзикл» («High School Musical») — музыкальный молодежный фильм, снятый кинокомпанией Уолта Диснея.

Намек на знаменитую боссанову Антонио Карлоса Жобима.

Имеется в виду популярный американский актер Джордж Клуни.

«Я выживу», песня Фредди Перрена, хит Глории Гейнор.

Песня из репертуара группы «Wham».

Привет (*исп.*).

Испанская легкая закуска.

Бэйли заканчивает сообщение так называемым смайликом — символом, имеющим определенное значение. В данном случае «x» означает поцелуй.

Персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды» — старуха аристократка, проводящая большую часть дней в полном одиночестве в своем поместье.

Бэйли намекает на одну из работ нидерландского живописца Маурица Корнелиса Эшера (1898–1972), известного своими экспериментами с симметрией и пространством.

Мф. 18: 21–22.

От *англ.* Ally Pally — так в просторечии называется Александра-палас («дворец Александры») в Лондоне, культурный центр в здании Викторианской эпохи (1873).

Иак. 3:16.

Имеются в виду работы американского художника Эндрю Уорхола (1928–1987), родоначальника поп-арта, — знаменитая серия портретов Мэрилин Монро.

Глен Клоуз (р. 1947) — американская актриса. В фильме «Роковое влечение» исполняет роль маниакально влюбленной женщины, преследующей своего возлюбленного, которого играет Майкл Дуглас.

Лондонская газета бесплатных объявлений.

Привет (фр.).

«Гора Уолтона» («Walton's Mountain») — ставшее необычайно популярным в США в пятидесятые годы телевизионное шоу. В штате Виргиния, в поместье, где родился и вырос автор книги о семействе Уолтон, Эрл Хэмнер, существует музей — «Walton's Museum».

Отсылка к сказке К. С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф» из цикла «Хроники Нарнии».

«Working Title Films» — британская кинокомпания.